

Фёдор Летуновский

Как ты там?

памяти всех наших друзей

18+

Фёдор Вадимович Летуновский

Как ты там?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64013096

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта повесть не является фантастической, но рассказывает о странных и необычных событиях, которые произошли с двумя друзьями – молодыми людьми, закончившими школу в год распада Советского Союза. Главный герой вспоминает своего исчезнувшего друга и рассказывает истории, что случились за двадцать три года их знакомства, начиная с 1990-х и заканчивая серединой 2010-х годов. Это повесть о том, как меняемся мы и мир вокруг, но где находится сам источник перемен, таится ли он где-то снаружи или скрыт внутри нас?

Содержание

Отлив	4
Андерграунд	8
Сирены	14
Эрмитаж	36
Неоконченное путешествие	52
Астрология	84
Ярость	123
Гости на даче	140
Уехать в лето	155
ММСИ 1	195
ММСИ 2	205
Бегство с острова Панган	219
Плохие новости	219
Отъезд	228
Блуждания	240
Извлечение	252
Полёт Аллы	267
Прощание	276
Исход	281
Прилив	307

Фёдор Летуновский

Как ты там?

Отлив

Просыпаясь по будильнику в шесть утра, ещё в темноте, я убирал в рюкзак бутылку с водой и сразу выходил из дома.

На улице в это время можно было увидеть лишь какого-нибудь одинокого, идущего по своим делам человека, а в предрассветной тишине очень внятно, без помех, разносились на дальние расстояния звуки от одного из храмов. Это могло быть пение, либо чтение сутр или просто музыка, которая была здесь повседневным фоном и никогда не надоела. Иногда трансляции из двух соседних храмов вступали между собой в резонанс, тогда мелодии и голоса сплетались в единую нить; веками ткалась она, чтобы установить связь между сочной Керальской землей и высоким экваториальным небом, где нет Млечного Пути и все созвездия так незнакомы.

В конце улицы начинался океан, здесь располагалось священное место для пуджи по умершим родственникам, поэтому в любое время суток тут всегда сидят на берегу люди, вместе с брахманом осуществляющие ритуал за упокой душ

их близких. Даже сейчас, в темноте, несколько больших семей находились там, склонившись перед стоящими в песчаных углублениях свечами, а у их ног лежали лепестки цветов на пальмовых листьях.

Обычно я всегда проходил дальше, потом раздевался и делал свою йогу, только в это утро длинная и широкая полоса пляжа под обрывом была полностью залита водой – ночью, видимо, штормило посильней, чем обычно. Начинало светать и я хоть с трудом, но нашёл сухой участок песка у камней и поздоровался с несколькими мужчинами, которых я часто здесь встречал. Один из них – известный городской ювелир, который каждый день, перед работой исполняет тут сложные асаны, а остальные либо следуют за ним, либо совершают пробежки вдоль береговой линии или бросают друг другу тарелочку.

Но сегодня было первое утро, когда я не почувствовал привычной прохлады – лёгкий бриз больше не дул с океана, словно где-то наверху точно по расписанию отключили небесный вентилятор. Это начался март, и теперь кто-то невидимый, но, очевидно, почитаемый местными жителями представитель сил природы, каждый день будет плавно поворачивать ручку повышения температуры.

Солнце из просто жаркого станет злым и опасным, а дожди из неожиданного праздника превратятся в неудобную повседневность. И если в начале месяца они ещё будут при-

носить прохладу, то в конце сезона уже не смогут остудить воздух, оставив для не успевших уехать лишь одно эстетическое удовольствие – наблюдать каждый вечер красивые грозы с разноцветными молниями, бушующими в океане.

В моём родном городе первый день весны никто не отмечает – причин для этого нет, март уже давно считается почти зимним месяцем, но меня не покидало ощущение, что с этим числом связана какая-то дата, некое событие, которое я не могу сейчас вспомнить.

Понемногу становилось светло, индийских йогов и бегунов сменили первые европейцы, пляж оживал на глазах; только одна последняя яркая звезда на юге продолжала ещё гореть, и я называл её Утренняя Венера.

Рассветные волны – самые ласковые и спокойные, у них нет крутого пенного гребня, что уже после полудня норовит накрыть тебя с головой, в это время хорошо плавать вдоль берега, а к тому моменту, когда солнце показывалось из-за обрыва, я обычно завершал свою дистанцию длиной чуть более километра. Мимо меня быстро проходили лодки рыбаков – маленькие и узкие; деревянные, сделанные всего из трёх толстых брёвен, либо пластиковые, но всё равно повторяющие форму трёх пальмовых стволов, как свои традиционные очертания. Умещалось на них обычно по два человека, их головы и шеи были замотаны полотнищами, иногда они улыбались и махали мне рукой, а я махал им в ответ.

Но сейчас, не чувствуя под ногами земли, только лишь

глубину верхнего и нижнего океанов, я всё пытался вспомнить что-то про сегодняшний день, а когда над Клиффом поднялось солнце и его первый, ещё ласковый луч попал на сетчатку моего глаза, то в сознании словно произошла вспышка. Это распахнулись все двери проходных комнат в глубине моей памяти. Ну конечно, сегодня же день рождения Илюши. Моего друга, которого я больше никогда не увижу.

Этот человек был тем, кто всегда находился в эпицентре циклона – самой спокойной его точке, откуда удобно наблюдать бушующий по сторонам шквал. Он парил по жизни, как парашютист в потоках восходящего воздуха, или неожиданно появлялся, как ледяное ядро кометы, что стремглав пронесится мимо, оставляя за собой мерцающий газовый шлейф из событий.

И тогда я решил рассказать о нём несколько историй.

А если я что-то не смогу сразу вспомнить, а вспомнив, не найду этому быстрого объяснения, что ж, ничего страшного, ведь я больше никуда не спешу, а впереди у меня целый март, такой же суровый здесь по жаре, как по холоду на моей Родине. И я где-то слышал, что на границе между зимой и весной рождаются самые стойкие люди, поэтому есть вероятность, что он всё-таки жив, я только не уверен, празднует ли он до сих пор свои дни рождения.

Часть

I

Андерграунд

С Ильёй Колосовым, которого я всегда потом называл Илюшей, я познакомился в мае 1991 года на Гоголевском бульваре. Тогда мы хиповали, а в тот день на Гоголя должна была придти «казань» – опасные лысые парни в широких красных или клетчатых штанах, с дебильными квадратными причёсками, которые тогда называли «Депеш Мод», по одноимённой группе. Грэхэн в то время ещё не успел отрастить себе длинные волосы, поэтому их слушали не только «дешесты», но «любера» и «казань». По большим праздникам они гуляли по Арбату, били панков и стригли волосатых. Сегодня их тоже ждали.

Вообще, в то время для подростков моего возраста было очень мало альтернатив. Ты мог быть либо мажором – если повезло с богатыми родителями, либо гопником – если имело место пролетарское происхождение, либо ботаником или неформалом, воспитываясь в небогатой, но интеллигентной семье. Других вариантов не было. В пятнадцать лет я попал на курсы при журналистском факультете МГУ, где познакомился с девочкой, которая отвела меня на неформальную тусу. Тогда это место, кафе в начале улицы Горького, негласно называлось «Этажерка», сейчас там находится магазин турецкой одежды.

Мы сидели у подножия памятнику Гоголя и смотрели в перспективу Никитского бульвара. В то время ещё не успели сделать ремонт и две дороги красиво сливались в одну, это был очень приятный вид для созерцания.

Именно тогда все сидящие на лавочках люди мгновенно куда-то исчезли. Мы взглянули в сторону Арбата и слишком поздно обнаружили, что оттуда прямо на нас движется человек пятьдесят гопников.

Убегать было уже как-то позорно – не хотелось раздражать их охотничьи инстинкты, поэтому мы оба приняли решение остаться.

Один из здоровенных парней в ярко-красных штанах, белой футболке и неизменной причёске «кирпичом» подошёл прямо к нам.

– Ну и чё вы тут расселись? – мрачно спросил он. Остальные стояли за ним, хищно на нас поглядывая. Бульвар к тому времени полностью опустел – кроме нас не было уже никого.

– А здесь вид очень хороший, – ответил я, преодолевая страх.

– Да, садись с нами, посмотри, – подхватил Илюша.

Мы подвинулись и тогда он сел между нами.

У меня в то время уже было несколько опасных встреч с урлой – обычно это случалось в метро – и я не был избит только потому, что для сначала они задавали тебе несколько стандартных вопросов, типа, кто ты по жизни и что твой

странный внешний вид означает. От страха у меня включались мозги и я озадачивал их своими длинными подробными ответами. При этом я не вёл себя, как жертва, а общался с ними на равных, это всегда срабатывало. И, конечно, надо было сразу вычислять лидера и говорить именно с ним, как правило, это был единственный человек в их шайке, имеющий разум.

И вот теперь один из предводителей толпы сидел рядом с нами, и от работы зачатков его интеллектуального процесса зависело то, что произойдёт в следующую минуту.

Он молча сидел между нами, смотрел в перспективу бульвара, и в какой-то момент по его умиротворённому взгляду стало ясно, что этот человек не безнадёжен.

– Да, тут действительно красиво, – сказал, наконец, он, – Ладно, сидите, отдыхайте.

– Пошли дальше, – продолжил он, подойдя к своей многочисленной стае, – Это нормальные ребята, их не трогать.

В тот день мы вместе гуляли до полуночи.

От Арбата мы дошли пешком до Киевского вокзала, ещё не такого страшного, каким он станет через пару лет, а оттуда двинулись по набережной, беседуя о литературе.

Я всего неделю назад прочитал «Симфонии» Андрея Белого и был под впечатлением, а Илюша сказал, что дома у него есть роман «Петербург» и он вполне может дать мне его на один месяц.

Мы дошли до закрытого на вечный ремонт метромоста станции «Воробьёвы Горы», пролезли под бетонным забором и очутились на заброшенной территории у реки. Трава здесь росла выше моей головы, поэтому, не смотря на грохот поездов на высоте прямо над нами, мы ощущали себя персонажами фантастической истории, нашедшими дверь в иное измерение.

Сидя на стальной балке над рекой, Илюша рассказал мне о своём плане обустройства коммуны в деревне его предков под Рязанью. Это была его первая идея и, конечно же, весьма утопическая.

Она заключалась в экономически независимом поселении, состоящем из творческих людей, которые будут всё делать сами. Сейчас бы её назвали чем-то вроде гибрида экологического фермерства и арт-деревни – Илюша опередил эту моду на двадцать лет. Впрочем, это всегда было ему свойственно, поэтому результатов добивался не он, а те, кто в последствии подхватывал его идеи.

Илья вдохновлено говорил о том, как люди сами будут «возделывать свой сад» и заниматься искусством, а деньги понадобятся там только для коммуникации с внешним миром – покупки техники или оплаты электричества.

Я слушал его внимательно, но с сомнением.

Напротив нас возвышались Воробьёвы Горы. В то время они – как и Парк Горького – имели дурную славу – мрачное место, где бродили толпы «урлы» из близлежащих районов и

субтильным молодым людям там не стоило появляться. Чего стоит одна только история о том, как гопники ловили гуляющих людей и скидывали их с лыжного олимпийского трамплина, после чего они ломали себе руки и ноги.

И два этих мира – шпаны и неформалов, оба были лишены созидательного начала.

Среди людей, с которыми мы тогда общались, было слишком мало тех, кто умел работать руками. Как говорил тогда мой папа: «хиппи – это бездельники». Персонажи с Гоголевского бульвара были в большинстве своём расслаблены и инертны. Они предпочитали стрелять деньги на портвейн у гуляющих по Арбату прохожих, ходить павлинами перед симпатичными девушками и сваливать при первой опасности.

В это всё и упиралось. Земля была, но пахать её никто не хотел. Самые прогрессивные на тот момент люди мечтали стать коммерсантами и перепродавать результаты чужого труда. Кто сейчас уедет из города, где происходит так много интересного? И сможет ли поэт копать картошку, а художник починить дырявую крышу дома?

Я ответил, что это невозможно. Что городскому человеку надо потратить слишком много лет, чтобы научиться жить на земле и при этом не вызывать ненависть у соседей.

Об этом мы и проспорили, пока не стемнело, а потом вернулись к метро.

И хотя каждый остался при своём мнении, мы обмена-

лись телефонами, а уже через два месяца, сдав экзамены и получив аттестаты, купили билеты в поезд «Москва-Симферополь».

Сирены

Из Симферополя на побережье всегда ходили троллейбусы.

Когда такой привычный транспорт везёт тебя через горные перевалы, всё ближе к Южному Берегу, который ты мечтал увидеть всю зиму, то сердце приятно щемит от ощущения себя частью пейзажа и уверенности в том, что тебя ждут удивительные приключения.

Ещё в детстве я моделировал в своём воображении фантастические события, происходящие на вершинах таинственных скал и в глубине вод, где всегда находилось место моим друзьям Капитану Немо и Ихтиандру. В юности Чёрное море было для меня территорией любви и свободы, и я слишком поздно понял, что в мире есть ещё много других морей и целых четыре океана.

В тот раз мы доехали до Ялты, а оттуда на медленном автобусе, идущему по нижней дороге, добрались до Симеиза, который летом девяносто первого года являлся ещё относительно тихим местом. В десять вечера он пустел и по его главной улице, ведущей от автостанции до «аллеи голых мужиков» никто уже не ходил. На самой аллее тускло освещались гипсовые слепки античных статуй, а вилла Ксения уже тогда напоминала заброшенный дом с привидениями. И это

не удивительно, ведь её владелец умер не своей смертью. Он был основателем этого посёлка и, подобно Лопахину, придумал разделить его на участки и сдавать дачникам. В этом ему помогал нанятый архитектор, а большевики, когда пришли сюда, особенно не разбирались и расстреляли обоих. С тех пор две неуспокоенные души мешают провести здесь банальный ремонт – а как иначе объяснить, что за четверть века «незалежности» никто не удосужился привести это место в порядок, даже не смотря на то, что его последним владельцем, является – по слухам – сын одного из президентов Украины.

Впрочем, всё, увиденное мной ещё тогда в этом посёлке, так и осталось. Он застыл в безвременье, как заколдованный «городок в табакерке». Покажите мне фотографии восьмидесятых годов, и я без труда опознаю и бетонное кафе «Симеиз», и «Столовую № 10», где теперь «лежачий» татарский ресторан, и знаменитый тир с его хозяином-инвалидом, что всегда приезжал на маленькой синей машине. Вот только зимние шторма разрушили пристань – корабли уже давно сюда не приходят.

И эта неизменность – главная черта Крыма. Возможно, из-за того, что здесь никогда не было местных жителей как таковых – народы и войска просто приходили на его территорию, разбрёдались и куда-то исчезали, а потом их так же сменяли другие, оставляя после себя вечные кучи мусора и ласкающие слух имена горных кряжей.

Жили мы даже не в самом посёлке, а на территории заповедника, где у моих московских приятелей было негласно закреплённое за ними место стоянки. Оно передалось нам «по наследству» от старших товарищей и располагалось гораздо выше популярных мест для хиппи и диких туристов, за ручьём и у самых холмов, за которыми построили потом аква-парк.

Наш лагерь представлял из себя благоустроенную площадку под скальным навесом. Кто-то спал прямо там, а я и ещё несколько человек – на открытом пространстве, прямо под звёздами. Несколько раз я даже замечал медленно пролетающие среди их россыпи космические спутники. В заповеднике существовал свой лесник, но у нас с ним были договорённости, мы не жгли костёр и следили за чистотой, поэтому он нас не беспокоил.

Тем летом мы неожиданно познакомились с местной молодёжью, которая, по привычке, враждовала с неформалами, но нам удалось их примирить. Благодаря этому Илюша применил свои организаторские способности и устроил концерт, где все желающие читали стихи, играли на том, что было у них под рукой, и пели, кто во что горазд. Короче, это была полная самодеятельность, но стало большим событием, и Илюша принялся налаживать связи среди руководства санаториев и правления посёлка, чтобы к следующему году подготовить уже нормальный музыкальный фестиваль с извест-

ными на то время группами.

Но всё это происходило в июле, в предпоследний месяц существования государства и хотя коммунисты к тому времени всем уже надоели, никто и думать не мог, что скоро в нескольких десятках километров отсюда, в таком же маленьком посёлке Форос произойдёт событие, изменившее расстановку сил во всём мире. Ну, не считая, конечно, Австралии.

Пока же, как перед началом бури, всё было тихо, и только за неделю до отъезда произошла история, немного раздвинувшая наши границы восприятия мира.

Обратных билетов у нас не было и эту проблему стоило решить как можно скорее – деньги подходили к концу. Некоторые наши товарищи объявили, что поедут домой автостопом и уже пропили все свои средства. Так как мы им в этом немного помогали, то теперь они рассчитывали, что мы сделаем тоже самое, и смотрели на нас с заметным неодобрением.

Действовать надо было без промедлений. Ближайшая билетная касса располагалась в Алупке, но я предложил Илюше поехать в Ялту – в одном из тамошних санаториев в это время отдыхала моя мама, и я собирался с ней повидаться.

Мы сели в автобус, приехали в разнузданную столицу курортного побережья, отстояли длинную очередь в кассах предварительной продажи, потом длинную очередь за разливным пивом на набережной и отправились в санаторий,

где мама вынесла нам со своего ужина какой-то еды и вручила мне сиреневый четвертак с суровым профилем Ильича.

– Здесь так всё дорого, – сказала мама, – Поешьте фруктов хоть напоследок!

– Зато у нас в столовой семь копеек стоит порция макарон, – успокоил её Илюша, – А мы берём сразу тройную, нам даже мясную подливку туда добавляют!

Погоуляв с мамой, мы решили срезать путь и вернуться короткой дорогой, которую нам услужливо показал какой-то местный ханурик в белой панаме, но мы очень поздно поняли, что он просто издевался над нами.

Когда мы, продравшись через кусты, вышли на серпантин, то ещё на подходе к автостанции заметили, что она опустела. Все автобусы в нашу сторону уже ушли, а подниматься на трассу и ловить попутку было бессмысленно – алчные жители побережья бесплатно уже тогда никого не возили. Оставалось добираться на перекладных, а когда мы стали выяснять, что к чему, то познакомились с Аришей – обвешанной бусами загорелой девочкой с косичками.

Она рассказала нам, что сама из Днепропетровска и в этом году тоже закончила школу, а последние три года приезжает сюда с подругами. И что её отправили сюда за продуктами, и теперь она опоздала из-за очередей, но если у нас есть немного денег, то она сможет договориться с местными водителями, которые довезут нас до её лагеря, где мы сможем переночевать, а наутро отправиться дальше.

– Нам ведь по пути, мы живём между Гаспррой и Кореи-зом. – говорила она, вкрадчиво улыбаясь, – И я, кстати, везу детское питание, сегодня мы будем варить молочко...

Разумеется, у нас тогда не возникло абсолютно никаких подозрений. А что такого? Просто милая девушка, предлагает нам ночлег за то, что мы поможем ей добраться до места. Конечно, мы согласились и уже вместе начали обходить надменных водителей, пока не нашли самого стговорчивого.

После Гаспры Ариша попросила нашего шофёра съехать с главной трассы, мы ещё несколько километров проехали по серпантину и остановились в указанном ею месте.

Когда рёв уехавшей машины стих где-то наверху, мы огляделись по сторонам.

Солнце уже ушло за обрыв Ай-Петринского плато, который был хоть и в приличном расстоянии отсюда, но из-за своих размеров, казалось, нависал прямо над нами. Далеко внизу, окружённое неприступными скалами, плескалось нежное море. Идти отсюда было особенно некуда.

Увидев наше замешательство, Ариша улыбнулась, села на каменный парапет и перебросила через него загорелые ноги.

– А вот здесь, ребята, начинается тайна! – объявила она, – Про тропу эту знают только те, кому надо, да и про наше место тоже. Никому о нём не болтайте и никого сюда не водите. Договорились?

– Конечно, – отвечал я, а Илюша просто кивнул.

И в этот момент, как по команде, по всему пространству вокруг включились цикады. Начинались короткие южные сумерки.

Мы перелезли через парапет и двинулись вслед за Аришей. Было ещё светло, но как я не старался, так и не смог разглядеть под ногами протоптанную дорогу – похоже, её действительно не существовало и это немного беспокоило. Я несколько раз оглядывался назад, чтобы заметить хоть какой-нибудь ориентир для нашего предстоящего возвращения, но каждый раз взгляду было не за что зацепиться в окружающем нас однородном ландшафте.

Мы просто шли за девушкой, любуясь её гибкой фигурой, наблюдая за тем, как она плавно проскальзывала между здоровыми валунами и перепрыгивала пересохшие русла дождевых потоков.

– А долго нам? – поинтересовался я.

– Вниз ещё быстро. Минут пятнадцать.

– А мы успеем? – заволновался Илюша, – А то у нас фонариков нет.

– Вы что, ребята, сегодня же полнолуние! И у нас праздник!

Когда стемнело, я взял Аришу за руку, а другую протянул Илюше. Лес кончился и, спустившись со склона, мы зашагали по прибрежной гальке. Море шумело уже совсем близко, но я не мог разглядеть его до тех пор, пока в одно мгновение

всё вокруг не озарилось мягким и белым светом – из-за Ай-Петринского плато показалась луна.

И тогда нам открылась потайная, зажатая меж скалами бухта. Илюша даже присвистнул от удивления – насколько это было идеальное место для стоянки – защищённый обрывами полукруглый каменистый пляж, в центре которого горел костёр, а по краям стояли четыре палатки с навесами от солнца.

А уже когда Аришу окружили три её красивые подруги, мы многозначительно переглянулись и поняли, что сегодня ночью нас ждут удивительные приключения.

Всего девушек было четверо, но у костра сидели двое неразговорчивых бородатых парней, сильно старше нас. Мы поздоровались с ними, но они лишь кивнули в ответ, принимая у Ариши рюкзак, из которого, помимо хлеба, риса и консервных банок, они достали большую коробку сухого молока.

«Ревнуют, – решили мы, – И надо поскорее установить, чьи это молодые люди...»

Ребята тем временем высыпали часть сухой смеси в котелок и принялись медленно заливать её водой, перемешивая ложкой и давя сырые комки слипшегося порошка. Когда он растворился в воде, котёл поставили на огонь, а одна из девушек вынесла из-за палатки охапку местной крымской конопли – такие кусты метра по полтора.

– Знакомьтесь, это Лана, – представила нас Ариша, а две

другие её подруги ловко, одним движением счищали листья со стеблей и бросали их в котёл.

– Я Кира, – улыбнулась одна.

– А я Тася, – представилась другая.

– Очень приятно.

Мы с Илюшей один раз уже пили молочко и даже помогали его готовить, поэтому уже считали себя знатоками этого процесса. Стоя у костра, мы наблюдали за медленным кипением темноватой массы и даже пытались поначалу давать какие-то советы, но парни только сурово зыркали в нашу сторону и мы быстро поняли – в нашей помощи они не нуждаются.

– Вы лучше им не мешайте, они справятся, – сказала Лана, неожиданно обвив руками Илюшин торс, – Пока оно приготавливается, пойдёмте пока поплаваем!

– Да, идём плавать!

– Плавать в полнолуние!

И девушки принялись раздеваться, легко высвобождаясь от одежды, словно сбросившие старую кожу грациозные змеи. Луна осветила их обнажённые тела и, хотя на диком пляже Симеиза все девушки тоже так загорали и мы с Илюшей думали, что уже вполне к этому привыкли, но в этот раз моментально возбуждились.

Поэтому мы быстро всё с себя сняли и прыгнули в воду. А они со смехом побежали за нами, поднимая брызги.

Мы плыли по лунной дороге, поддаваясь её притяжению, а когда я повернул назад, то увидел рядом с собой Аришу. Вместе мы возвращались, а когда я почувствовал под ногами дно, то одновременно с этим ощутил и её прикосновения.

Какое-то время мы целовались и гладили друг друга, а потом, в паре десятков метров от нас я обнаружил Илью, обнимавшего Лану. Судя по всему, они тоже занимались чем-то подобным. Две их подружки плавали где-то вдалеке, и я понял, что на берегу остались их молодые люди, а Лана и Ариша сейчас распределили нас между собой.

Выходить из воды не хотелось, но нас позвали на берег – молочко было готово.

Я натянул шорты, а девушки так и остались – из одежды на них были лишь бусы и украшения из бисера. Они окружили нас, улыбались, гладили по плечам и шептались между собой:

– Забираем этих мальчиков...

– Они хорошие...

– Т-ш-ш...

Каждому из нас налили по гранёному стакану тёплого молочка. Мы медленно выпили его вместе со всеми и были уже абсолютно пойманы в их лирические сети, и я до сих пор не могу до конца объяснить, что именно меня тогда насторожило. Наверно, именно их приветливость – что-то в ней проглядывало не совсем человеческое.

За два года самостоятельных крымских путешествий и

жизни в подобных лагерях я успел стать свидетелем множества бытовых разборок и конфликтов, которые всегда случаются между людьми, живущими на общей территории.

Здесь же ничего подобного не происходило – или, по крайней мере, казалось.

Однако отстранённое поведение двух парней на фоне их подруг выглядело странным, поэтому я решил заговорить с одним из них и попытаться его расспросить.

Я подошёл к костру, где сидел сейчас только один из них и начал с дежурной фразы:

– Как же у вас здесь хорошо...

Парень молча бросал в костёр хворост.

– А давно вы тут? – поинтересовался я.

Тогда он повернул ко мне голову.

– Кто-то давно, а кто-то не очень, – проговорил он и добавил ещё тише, – Уходите отсюда, пока ещё не поздно.

– Прости, что? – удивлённо переспросил я.

– Бегите быстрее... – сказал он, переворачивая горящие в огне ветки, – Ещё успеете...

Ноги у меня подкосились, но я, стараясь выглядеть непринуждённо, прошёл в сторону пляжа, где Илюша в окружении девушек рассказывал, как он устроил концерт в Симеизе. Его внимательно слушали, и ему это льстило.

– О, – сказал он, увидев меня, – Пошли, отольём!

И тут же добавил, обращаясь к девушкам:

– Одну секунду, я мигом.

Мы дошли до кустов в стороне от обжитого пространства и занялись своим делом.

– Ну как, тебя торкает? – поинтересовался я.

– Да вроде нет пока.

– Меня тоже. И знаешь, пора отсюда сваливать, пока нас не накрыло.

– С чего это ты на измену сел?

– Не знаю, зачем эта Ариша нас сюда привела, но я хотел поговорить с тем чуваком, а он только мне и ответил, типа уходите, пока не поздно.

– Да этот пень просто нас приревновал! Зато девочки нам рады... да ты не ссы, всё нормально!

Последняя его фраза прозвучала весьма нелепо, потому что именно этим мы сейчас и занимались.

– Уж слишком они рады, это и настораживает!

– Какой-то ты, Федь, бзделоватый! – Илюша застегнул ширинку и быстро ушёл.

На пляже он продолжил развлекать барышень своими баснями, а мне было уже не до шуток. Я прогуливался и делал вид, что восторгаюсь окружающим меня пейзажем, а сам высматривал пути отступления. Понимая, что бежать *Их* дорогой – бессмысленно, они в два счёта её перекроют, а других путей мы не знаем. Впрочем, один вариант всё-таки намечался.

Когда луна ещё не взошла так высоко, как сейчас, я, по своей походной привычке, обратил внимание на остатки тро-

пы на склоне обрыва. Сейчас она была завалена камнепадом, но и по этим камням, при желании, можно отсюда выбрать-ся и, что самое важное – теперь это место было погружено в тень.

От раздумий меня отвлекла Ариша, которая, к тому времени, уже воспринимала меня чуть ли не как своего любовника.

– Пойдём, я покажу тебе свою палатку, – она взяла меня за руку, и повела к одной из них, откинула полог и увлекла внутрь.

Там нас встретила мягкая и душная тьма.

– Здесь мы будем с тобой ночевать, – шептала она, прижавшись ко мне.

Я чувствовал её дыхание, но оно было до странности замедленным, как у спящего хищного существа.

– Так что у вас сегодня за праздник? – спросил я.

– Наш праздник! – Ариша засмеялась, взяла меня руками за плечи и мягко надавила указательными пальцами куда-то в низ моей шеи.

И тогда произошло нечто неуловимое. Быстрое ощущение, словно я падал в яму, а потом опять стою на ногах, слегка пошатнувшись, как после удара о землю.

– А ты стойкий мальчик, – шепнула она.

Уже ни о чём не думая, я попытался полностью раздеться, но она остановила меня движением рук.

– Подожди, это потом, сначала мы должны танцевать.

Я вышел из палатки вслед за Аришей и на воздухе мои мысли вновь обрели прежнюю тревожную ясность.

Кто эти люди? Может какая-то языческая секта и они собираются принести нас в жертву, выбрав подходящую ночь для своего ритуала? А ведь скоро нас торкнет молочко и мы уже будем мало на что способны.

Мне надо было снова поговорить с Илюшей и попытаться его убедить, но, к счастью, он нашёл меня первым и теперь сам был встревожен.

– Знаешь, Федя, что-то здесь не то... Такое впечатление, будто у них своих мыслей нет никаких... Я Лане что-то говорю, а она так отвечает... будто слова мои отражает и всё!

И ей вопросы разные задаю, а она только улыбается и молчит... Ты, блин, прав, давай, на хрен, свалим, что-то мне стало не по себе!

«Дошло, наконец!» – подумал я, отвернувшись от него, а потом тихо, но внятно проговорил:

– Я иду первый. Ты минут через пять. Дальняя палатка слева, встречаемся за ней... и не одевайся при них, понял?

В ответ Илюша демонстративно захохотал, будто я сказал ему нечто смешное и побежал к девушкам, а я двинулся за ним, подобрав по пути свою сумку, где были наши паспорта, билеты и подаренный мамой четвертак.

Заметив, что на меня никто не смотрит, я метнулся за кедрами и одеждой, спрятался за деревом и, пройдя в его тени, очутился за палатками. Там я нацепил шорты, зашнуровал

обувь и прошмыгнул к месту нашей встречи.

Лёг на землю и принялся наблюдать за происходящем на пляже.

– Илюша, у нас всё готово, – говорила девушка, что представилась Кирой, – Теперь мы хотим танцевать для вас. Только где твой друг?

– Не знаю, может, пописать отошёл?

– Что-то его долго нет...

– А вдруг его накрывает уже молочко? – забеспокоился Илья, – Значит, он куда-нибудь прилёг на звёзды посмотреть, сейчас я его найду.

Илюша хорошо играл свою роль – он пошёл в противоположную от меня сторону, незаметным жестом подхватил лежащие у костра свои кеды, забрался в какие-то кусты, зашнуровал обувь, а уже оттуда быстро пробежал за палатками в мою сторону.

– Ты сумку взял? – бросил он первым делом, а когда удостоверился, что всё в порядке, выглянул из-за палатки, – Тогда погнались!

Мы пересекли освещённую луной поляну за палатками и, не сбавляя скорости, понеслись по заброшенной тропе. Нам надо было как можно скорее уйти в спасительную тень под обрывом, а в тот момент, когда до неё оставалась пара метров, я не выдержал и обернулся назад.

Там, на пляже, четыре обнажённые девушки, повернувшись спинами к морю, неподвижно застыли полукругом, и

каждая сосредоточилась, глядя в свою сторону, словно они разбили берег на сектора и высматривали нас.

И так получилось, что мы проскочили на границе между зонами наблюдений Ариши и Ланы, поэтому они нас и не заметили.

Но вот сидящий у костра парень, тот самый, что посоветовал убежать отсюда, уставился прямо в мои глаза, а на его лице блуждала торжествующая усмешка.

Ворвавшись в тень, мы словно ослепли, схватившись друг за друга и едва не упав. Потом Илюша держался за мою сумку, а я, нелепо задирая ноги, чтобы не ушибить их о камни, нашёл песчаную стену обрыва, и мы побрели вдоль неё, как двое возбуждённых инвалидов с неостывшим сексуальным желанием.

На мгновение я даже устыдился нашего позорного бегства, решив, что тот чувак с пляжа просто припугнул меня, решив избавиться от нас, как от лишних самцов. Но всё-таки интуиция подсказывала мне, что наши опасения не напрасны.

Пробираться приходилось на ощупь, ведя правой рукой по песчаной стене обрыва, а левую выставив перед собой. Когда я наткнулся на валуны, то заверил Илюшу, что видел это место при всходящей луне и туда реально залезть. Немного повозившись у подножья, мы принялись вслепую карабкаться вверх, пробуя на устойчивость каждый новый камень.

Двигались мы медленно, но уверенно и спокойно. И не оборачивались назад, поэтому наши глаза немного привыкли, тьма уже не казалось абсолютной, в ней можно было разглядеть очертания обломков и вытянутую перед лицом руку.

Когда с момента нашего исчезновения прошло минут двадцать, я подумал, что нас, видимо, уже хватились, но только почему они молчат, не смеются и не зовут нас, они ведь такие шумные?

И действительно, из бухты под нами не доносилось никаких голосов, кроме шума прибоя и в этом молчании мне чудилось подтверждение всех своих опасений. Мы карабкались вверх по камням, звуки моря становились всё тише, вокруг теперь слышалось только наше сопение. В бархатной темноте сложно было понять, на сколько сильно мы поднялись, и сколько ещё осталось. Поэтому в какой-то момент мы оба остановились перевести дух и посмотрели вниз.

... Залитая лунным светом Бухта сияла, как у нас на ладони и там не было никого. У деревьев, где стояли палатки девушек, находились теперь равные им по размерам камни, на месте костра поблёскивала залитая водой яма – просто безлюдный дикий пляж, маленький и труднодоступный, один из многих на Южном Берегу.

И увиденное наполнило нас таким тёмным, первобытным страхом, что мы собрали все силы и припустились вверх, а отдышались только когда выбрались на пологую местность.

Теперь надо было осмотреться и понять, куда идти даль-

ше, чтобы отыскать хоть какую-то дорогу, способную вывести нас на шоссе Ялта-Севастополь.

Но тут нас накрыло молочко.

Это напоминало вспышку и возникшую в ней статичную картину. Она была неподвижна, но в то же время описывала всю последовательность событий нашего любовного приключения.

Возможно, это выглядело, как разделённая на отдельные сцены страница комикса, как кинораскадровка или древнеегипетская фреска – всё произошло очень быстро, и моя единственная мысль была: «Господи! Как же хорошо, что мы успели оттуда выбраться!»

Мы посмотрели друг на друга и поняли, что думаем об одном и том же. И тогда мы в унисон громко заорали: «А-а-а!» В этом крике из нас выходил весь накопившийся ужас перед ситуацией, в которую мы попали и только сейчас по-настоящему осознали.

Мы попытались это обсудить, но под действием каннаби-ола было уже трудно удерживать в голове одну фразу, которую ещё только стоило произнести вслух; они расслаивались и накатывали волнами, очень быстро сменяя друг друга.

– Ты хоть понял, кто они такие?! – прошептал Илюша.

– Я не знаю!

– Что им хотелось? Они бы нас утопили?!

– Может просто оставили у себя...

– Где?!

– На изнанке...

– Ты понимаешь? Да нам писец едва не наступил! Это же... Это как... – но Илюша так и не смог найти слов.

Он как-то быстро задышал и стал оседать, я едва успел его подхватить.

– Пошли, нам нельзя стоять, надо идти на дорогу!

– Федя, я не могу... Я не знаю, как мне идти... – пролепетал Илья и я понял, что он растерян ещё больше, чем я.

Мне пришлось просунуть свои плечи ему под руку и обхватить за пояс – так я хоть как-то мог его удержать. Это напомнило мне сцены из многочисленных военных фильмов, где красноармеец отказывается оставить в лесу своего раненого товарища и несёт его на себе, спасая от нагоняющих их фашистов.

И тогда я вдруг понял, что надо делать.

– Слушай меня! – гаркнул я ему ухо, отчего он вздрогнул и встрепенулся, – С левой ноги, шагом марш! Раз-два! Раз-два!

И это сработало. В советской школе нас с октябрятского возраста заставляли ходить строевым шагом, всякие гадские «смотри строя» устраивали у нас чуть ли не каждую четверть, два раза моя пятьсот сороковая школа была на «военном положении» – это мы так готовились к войне с Рейганом в Советском Союзе времён Андропова – если кто не помнит; да и уроки по «Начальной Военной Подготовке» были ох как ещё свежи в нашей памяти. Поэтому Илюша сразу

откликнулся на заданный мною ритм, пару раз пошатнулся, но потом всё более уверенно зашагал вперёд. Вскоре я перестал считать вслух – в нашем сознании, отбивая такты, уже заработал внутренний метроном, и шли мы так быстро, насколько позволяло наше состояние.

Теперь ноги несли нас сами, но что-то странное происходило со зрением – на его периферии постоянно присутствовало какое-то движение – вся природа казалась ожившей и мы больше не решались оглядываться назад. Незнакомая местность виделась поначалу ровной, а вблизи вдруг становилась бугристой и рыхлой, словно эти преграды вырастали из земли прямо перед тобой. Казалось, что какое-то злое и опасное существо затаилось в ожидании, чтобы понять, когда мы, наконец, ошибёмся, собьёмся с пути и станем его добычей.

Пару раз у меня неожиданно включалась звуковая память недавнего прошлого – шум моря и девичий смех. Я внутренне содрогался, стискивал зубы, но желание вырваться и покинуть эту чуждую для нас нечеловеческую территорию только предавало мне сил.

Наконец мы увидели бликующие на далёких скалах лучи фар едущей на запад машины.

Взяв эту точку за ориентир, мы стали просто двигаться в её сторону и, полностью утратив ощущение времени, в какой-то момент выбрались на шоссе.

Но что было делать дальше – непонятно. Как-то собрав

мысли, я вспомнил, что кроме подаренных мамой двадцати пяти рублей других денег у нас нет – мы всё выгребли, расплачиваясь за проезд до страны чудес, из которой едва смогли выбраться.

Ночью на шоссе опасно светить такими деньгами, а бесплатно нас никто отсюда не повезёт. Поэтому есть два варианта: либо попытаться устроиться прямо здесь, чтобы переждать ночь, либо идти по трассе в сторону Симеиза.

– Конечно, идти! – закричал в ответ Илюша так громко, словно получил контузию, – Не надо тут оставаться!

Впрочем, контужены мы были оба. Я пытался себе представить, чтобы произошло, если б мы не сбежали, а валялись сейчас на том уютном пляжике, рядом с обступившими нас четырьмя существами... и от таких мыслей я проваливался тёмную и жаркую невесомость.

Два раза перед нами тормозили машины, но мы сами, видимо, казались другим людям настолько страшными, а речь наша сбивчива и сумбурна, что они сразу же уезжали.

Впрочем, идти по шоссе было даже приятно, оно представлялось мне безопасной транспортировочной лентой, а вот по сторонам от него что-то постоянно двигалось и шуршало, словно выжидая момент, когда мы окончательно ослабимся и сделаем роковой шаг в сторону. Я даже серьёзно задумался о том, способны ли мои мысли материализоваться, но здраво рассудил, что тогда бы любой наркоман мог бы погрузить мир в хаос собственного кошмара.

А потом Илюша молча дотронулся до моего плеча, указывая на что-то слева от себя, я повернулся и заметил широкую полосу света. Казалось, что она проявляется прямо на глазах – линия горизонта над морем, где должно взойти солнце.

И когда мы поняли, что ночь кончилась, то сели прямо у дороги. Попытались что-то сказать друг другу, но не смогли, потому что едва шевелили языками – у нас ведь и воды даже не было!

Мы сидели на камне, и чем светлее становилось вокруг, тем меньше мыслей оставалось у нас в головах, пока все они не исчезли.

Кажется, я уснул, потому что встрепенулся от странных звуков, какого-то стального цоканья и скрипа, этот шум настойчиво приближался из-за поворота, а потом мы увидели запряжённую в повозку лошадь и управлявшего ей бородастого мужика. Это был крымский татарин, ехавший куда-то в сторону Фороса. Он сам вызвался подвести нас и даже угостил яблоками.

Мы поблагодарили его, когда он высадил нас на верхней дороге над заповедником и с трудом добрались оттуда до нашего лагеря. Там мы напились воды и завалились на свои спальные мешки, а друзьям сказали, что просто опоздали на автобус и добирались ночью на перекладных.

И никто из нас никогда никому не рассказывал эту историю.

Эрмитаж

То странное лето девяносто второго года я помню уже совсем смутно.

Мы с Илюшей работали продавцами книг в длинном подземном переходе на Китай-городе и поступали на философский факультет МГУ. Оба понимали, что шансов у нас практически никаких, стоило лишь взглянуть на табуны отличниц, золотых медалисток и упёртых ботанов, которые весь год что-то зубрили, но для себя мы решили, что опыт абитуриентства нам не помешает. Тем более, где ещё знакомится с умными и красивыми девушками, как не при поступлении в Университет?

Тогда мы и подружились с сёстрами-близнецами Любой и Надей, лихими выпускницами гуманитарного лицея, которые читали нам стихи Луи Арагона на языке оригинала и умели пить шампанское прямо из горлышка.

В самом начале лета мы планировали заработать денег и устроить в Симеизе уже настоящий музыкальный фестиваль со своей базой и приглашёнными группами, но новости из Крыма были одна хуже другой: Одного известного организатора концертов кинула на деньги местная мафия, так же в разных местах гопники избивали не только неформалов, но и обычных отдыхающих, а украинская милиция не уступала

им по свирепости и вымогала деньги у кого только можно.

Поэтому Илюша решил сделать что-то в Москве, но перед этим съездить в Питер, чтобы посмотреть, как обстоят дела там и набраться опыта.

В Петербурге мы первый раз попробовали кислоту, после чего я вернулся домой, а Илюша встретил девушку и остался там до января.

А самым запомнившимся для меня событием лета стало не знаменитое «Гагарин-пати», про которое я слишком поздно узнал и не попал, а Булгаковский Бал в саду «Эрмитаж» – первая вечеринка, где я увидел по-настоящему богатых людей.

В тот вечер мы гуляли по бульварам и уже тогда заметили, что в окрестностях Каретного Ряда намечается нечто грандиозное – у входа собирались нарядно одетые мужчины и женщины в платьях, а в самом парке надувался настоящий воздушный шар, как в фильмах по Жюлю Верну.

Пройдя по задворкам, мы с Илюшей забрались на старую кирпичную стену, отделявшую сад от жилых домов, дождались темноты, наблюдая за перемещениями охраны, и в нужный момент прыгнули вниз, сразу смешавшись с толпой.

Так мы, как сироты из святочного рождественского рассказа, оказались на чужом празднике, который журналисты «Московского Комсомольца» окрестили потом «Балом Сатаны».

Впрочем, ничего сатанинского, кроме отсылки к Булгакову, там не происходило. Просто одни люди бесцельно шатались по парку, пытаясь представить это светским променадом, и внимательно сканировали друг друга, прикидывая стоимость чужого внешнего и внутреннего капитала. Иные хохотали, обливаясь шампанским, и веселились, кто как умеет, а некий ценитель красивой жизни блевал прямо из гондолы висящего над парком воздушного шара, но в целом всё происходило относительно прилично. Возможно потому, что это всё-таки была вечеринка для тех, кто позволил себе купить дорогой билет и старался соответствовать своему новому положению в обществе.

Поначалу мы чувствовали себя зажато, но потом встретили знакомых, которые пробрались сюда примерно таким же образом и они показали нам один трюк: подвели к веранде закрытого шторами ресторана, просунули туда руку с пустым пластиковым стаканом и попросили налить чего-нибудь выпить. За шторами раздался смех и вскоре в руках наших товарищей оказался стакан вина, который они распили на четверых.

Затем за дело принялись мы, а точнее я, потому что Илюша сам просить стеснялся, но выпить нам было просто необходимо. И не смотря на то, что какие-то деньги у нас с собой и были, здесь они совсем ничего не стоили.

Я подобрал на лавочке несколько пустых стаканов, выбрал из них самый чистый, прошёл в другой конец веранды, на-

брался решимости и просунул руку между натянутыми белыми полотнами.

Возможно, я сделал это слишком резко, потому что услышал испуганное женское аханье. Затем кто-то отогнул штору, и передо мной возникло лицо мужчины с аккуратно подстриженной бородкой, которое показалось мне смутно знакомым. А он, в свою очередь, взглянул на меня и увидел перед собой невысокого кудрявого мальчика с виноватой улыбкой.

– Извините, – сказал я, – Пожалуйста, плесните мне немного выпить, а то очень хочется...

Тот удивился, бросил взгляд на стол и налил мне шампанского.

Я сказал «спасибо» и хотел, было, убрать руку, но он жестом попросил меня подождать и неожиданно плеснул в стакан щедрую порцию водки. «Это коктейль Северное Сияние, – объяснил мне мужчина, которого я явно видел по телевизору, – Чтоб уж наверняка!»

Мы с Илюшей выпили этот стакан на двоих и тогда, наконец, ощутили себя участниками представления.

Огни стали ярче, музыка громче и всё происходящее больше не казалось каким-то бредовым.

Мы пообщались с живущей в сквоте у Петлюры Пани Брони – жизнерадостной бабушкой, которая спела нам про попугая, сидящего на плече у шарманщика и вытягивающего билетика счастья.

Красивых девушек здесь хватало, но те из них, что явились сюда без мужчин, сами искали себе солидных спутников и общество таких персонажей, как мы, их не устраивало.

Потом мы опять встретили товарищей, научивших нас этому фокусу. К тому времени они были уже пьяны, а посетители ресторана отдали им примерно третью часть небольшого поросёнка на блюде. У него была полностью цела голова, но выглядел он совсем не страшным, а каким-то усталым.

С этим поросёнком мы принялись ходить по парку, а когда встречали каких-нибудь известных людей – а их было много – то пытались этим поросёнком их угостить. Все, разумеется, отказывались, а музыкант знаменитой тогда группы «Технология» сказал, что у него изжога и отдал нам бутылку джина, где ещё оставалось грамм сто пятьдесят.

Тогда голова поросёнка была превращена в арт-объект и оставлена на постаменте фонарного столба. В назидание гуляющим мимо людям она – по замыслу авторов, должна была олицетворять человеческую похоть и чревоугодие.

А на самом пике опьянения, в попытке отыскать туалет, я обнаружил на задворках сада странную будку с задёрнутым шторой входом и указал на неё Илюше.

– Смотри, это что, камера обскура?

Мы подошли ближе и увидели хозяина этого аттракциона – человека с набелённым лицом, во фраке и цилиндре, взятом, судя по всему, из костюмерной театра «Сфера».

– Здравствуйте, – сказали мы, – А что вы тут устраиваете? Представление?

Он смерил нас оценивающим взглядом и слегка улыбнулся, но улыбка эта была не данью вежливости, а какого-то сочувствия.

Других людей поблизости не было и вообще мне показалось странным, зачем он поставил свою конуру на самом отшибе, но, возможно, в этом и заключалась часть его замысла.

– Можно сказать и так, – ответил человек, – Но только для одного зрителя.

Возможно, мы его чем-то заинтересовали, потому что после небольшой паузы он продолжил.

– Это машина различий, моё изобретение. Я назвал её так в честь Чарльза Бэббиджа, но считают на ней не математику, а метафизику. Она показывает людям картины – преимущественно те, которые они мечтают увидеть. За это они мне и платят.

– Это как цыганкам с картами, что ли? – усмехнулся я.

Он посмотрел мне в глаза, и я понял, что этот усталый актёр, так же, как и мы, сильно нетрезв, но уверенно держится на ногах благодаря профессиональной привычке.

– Я не гадалка, мальчик, – проговорил он, – Всё гораздо сложнее.

– А можно на неё посмотреть?

– Я дорого беру за вход... Но, знаете, чтобы она правильно работала, надо, чтоб кто-то её подпитывал, а такие моло-

дые люди, как вы, вполне могут подойти мне в качестве аккумулятора...

– А, так вы актёр в роли сумасшедшего изобретателя! – догадался Илюша.

Ряженный усмехнулся.

– Давайте так – вы либо принимаете правила игры, либо нет. Сегодня через неё, – он указал в сторону будки, – Прошло слишком много людей с запоротой кармой, и она от них устала. А вы, я вижу, чистые юноши, пока ещё не успели ничего натворить. Поэтому если вы заплатите мне одним своим воспоминанием, каким-нибудь счастливым детским событием из вашей жизни, просто вспомнив о нём, то я загружу их в машину, а потом включу её для вас поработать.

– Но это действительно того стоит?

Фокусник пожал плечами.

– Если у нас равнозначная сделка, то я вас мурыжить не собираюсь. Вы покажете мне ваше прошлое, а я вам – возможное будущее.

– Ой, только не надо тут волшебника из себя строить! – усмехнулся Илюша.

– Как хотите, – и оператор машины сделал вид, что теряет к нам интерес.

– А я согласен!

Он совсем не удивился и откинул передо мной штору.

– Тогда заходи.

Я пробрался в кабину и заметил, что она очень похожа на

фотокомнату конца семидесятых годов – маленькое закрытое пространство с направленным на тебя объективом. У меня осталось воспоминание, что лет в пять в подобном месте делали мой фотопортрет, а моя трёхлетняя подруга испугалась фотографа и «на карточке» – так ещё назывались тогда фотографии, получилась заплаканной.

Сейчас я, в отличие от неё, фотографа не боялся, но немного удивился, когда этот человек протянул мне обычную строительную каску, из макушки которой выходил обмотанный изоляцией провод, ведущий к аппарату, похожему на те, что используются для звукозаписи в музыкальных студиях.

– Надень на голову шлем, он свяжет тебя с машиной.

– И что мне дальше делать? – поинтересовался я, нацепив каску.

– Просто вспоминать.

Он вышел, и свет в кабине погас.

Под мерное гудение механизма я, поначалу, просто сидел на стуле и покачивался на волнах опьянения, а потом вдруг неожиданно ощутил себя в некоем подобие библиотеки, которая, видимо, всегда существовала у меня в сознании. Там, на нижней полке, в виде объёмных голографических открыток, стояли мои детские воспоминания.

И самые первые из них оказались связаны со сквером на Серпуховском Валу.

Когда-то это была насыпь, за которой заканчивалась гра-

ница города и по обеим сторонам от неё сторожевыми крепостями стояли Донской и Даниловский монастыри, а позже Вал превратился в подобие бульвара. Ветви деревьев, сходясь наверху, образовывали нечто вроде зелёной арки длиной в километр. С самого глубокого детства я смотрел в её далёкую перспективу, и она приучала меня к ощущению бескрайности мира, поэтому впоследствии я стал называть это место Первосквер.

... И вот мне три года, кажется, стоит лето, потому что на мне только шорты и маечка, мы с бабушкой идём по скверу, но она почему-то всё время держит меня за руку и мне это не нравится. Гулять так совсем не интересно, ведь я хочу сам всё исследовать, поэтому, выждав подходящий момент, я высвобождаю руку и что есть мочи несусь вперёд.

Бабушка не может меня догнать и что-то кричит вслед, я оборачиваюсь и вижу её далеко позади, она кажется совсем маленькой; я уже ничего не слышу и бегу дальше, под аккомпанемент звенящих трамваев, с их рогов сыпят разноцветные искры, и всё новые и новые арочные своды огромных деревьев расступаются надо мной.

А потом я опять оглядываюсь назад, чего, конечно, не стоило бы делать, но в то время я ещё не знал истории Орфея и жены Лота, поэтому поскальзываюсь и со всего размаха падаю в подсыхающую лужу, состоящую целиком из грязи.

Когда бабушка ведёт меня домой, мне очень стыдно, потому что я весь перемазан какой-то чёрной дрянью со дна

лужи, прохожие бросают на меня удивлённые взгляды, а бабушка обещает рассказать о моём позоре не только папе и маме, а ещё и язвительной тёте и ехидному дяде, которые и так постоянно меня подкалывают.

– Готово! – раздался вдруг голос над моим ухом, и я встретился, забыв на мгновение, где нахожусь.

Надо мной загорелась лампочка, а рядом стоял хозяин аттракциона. Он был теперь бодр и доволен, словно сам проглотил моё прошлое, и оно предало ему сил.

– А теперь уступи место своему другу.

– Так, подождите, а как же вторая часть нашего соглашения?

– Ах да, – человек лукаво улыбнулся, – Только имей в виду, что по условиям нашей сделки я не покажу тебе, как всем остальным, то, чего ты желаешь увидеть. Я просто запускаю машину.

– Ну, хорошо, – ответил я, и Ряженный снова задернул шторы.

Видимо, он что-то переключил на наружной стороне будки, потому что лампочка начала гаснуть и снова включаться. Сначала через небольшую паузу, а потом ускорила и замигала, как на дискотеке, не хватало только других звуков, кроме уже привычного шума, а когда её свет вдруг погас, я увидел не просто яркие пятна на сетчатке глаза, а совершенно ясную, составленную из них картину.

На ней я увидел человека, сильно похожего на меня, только не кудрявого, а уже лысого. И он был заперт в тесном помещении, которое отчасти напоминало библиотеку моего прошлого, но всё же сильно от неё отличалось.

Мой повзрослевший и полысевший двойник сидел на полу, прислонившись спиной к каким-то стеллажам, уставленным разными фигурами. Эти стеллажи занимали почти всё пространство комнаты, а стоящие на них объекты хоть и не казались пугающими, но таили в себе некую угрозу. Казалось, что через секунду эти фигуры оживут и набросятся на сидящего на полу, который, судя по всему, пребывал в бессознательном состоянии. Я знал это потому, что хоть и не отождествлял себя с ним, но я всё же ощущал между нами некую связь.

Яркий свет ударил мне по глазам. Я зажмурился и быстро вышел наружу, где по-прежнему была ночь, и я пытался что-то разглядеть в свете далёких фонарей.

– Ну, как? – спросил меня Илюша.

– Не знаю...

Мне было трудно что-то сейчас объяснить, поэтому я просто отошёл в сторону, а мой друг надел на голову каску с проводом и зашёл в будку.

Служитель машины принялся что-то подкручивать, а я, тем временем, пытался поразмышлять над увиденным. Как-то мне показали фотографию меня спящего, и я почему-то с трудом самого себя в ней узнал. Сейчас же была какая-то по-

добная ситуация, похожая на увиденный сон и поэтому недо-
стоверная. Здесь можно вспомнить и всякие псевдомистиче-
ские откровения, о том, как душа покидает тело и видит со
стороны мир, а так же свою брошенную физическую оболоч-
ку. И ещё. Меня не покидало ощущение, что во всём этом
сквозит какая-то чертовщина. Только не опереточная, как в
остальных декорациях Булгаковского бала, а самая настоя-
щая.

Потом Илюша вышел из будки.

Его лицо было таким, словно он постарался заранее
убрать и спрятать с него все эмоции.

– Пойдём отсюда, – только и сказал он, даже не обернув-
шись на Ряженого во фраке.

И принялся уходить.

Я замешкался, не зная, стоит ли мне попрощаться с этим
человеком, но тоже решил промолчать, тем более, что он сам
уже не смотрел на нас, сделав вид, будто занят. Впрочем, в
последний момент он всё-таки на нас оглянулся.

– Ну как, вы довольны? – поинтересовался он.

Оба мы промолчали.

– Какие-то несчастливые у вас воспоминания... – бросил
нам вслед Оператор машины.

– А чего вы хотели? – хмуро ответил Илюша, – Мы ведь
обычные советские дети...

И мы двинулись в сторону горящих огней и продолжав-
шей веселье публики.

Но теперь вид разгорячённых алкоголем людей явно нас угнетал, мы прошли парк, нашли пустую скамейку, и Илюша заговорил первым.

– Представляешь, а я ведь сам забыл об этом, как в семь лет пожар в квартире устроил... Если бы сестра не пришла, всё бы на хрен сгорело! И зачем это всплыло...

– Ладно, ну а что потом? Какую картину он тебе показал? Илюша вдруг улыбнулся.

– Остров. Я видел тропический остров... Как в «Клубе Кинопутешественников» по телевизору. И я знал, что это мой остров, я там живу... И мне вот подумалось – хорошее это место, чтобы там остаться... Жить, а потом и умереть. Не сейчас, конечно, а когда всё в жизни испытаешь.

– Типа в старости?

– Да зачем её ждать. Нет, пораньше, лет в сорок...

В то время груз возраста представлялся нам чем-то тягостным, а взрослые в большинстве своём казались занудами – в эпоху перемен одни из них ныли о том, как всё стало плохо, а другие мутировали в безжалостных хищников, поэтому становиться такими же, как они, мне совсем не хотелось. Я знал, что в 2000 году мне исполнится 26, но это было совсем далёкое будущее, а сорок лет представлялись и вовсе недостижимой датой, за которой закономерно следует старость и смерть.

И я на много лет забыл эту Илюшину фразу, до тех пор, пока она сама не всплыла, как обломок доски с названием

затонувшего корабля, выброшенный после шторма на песок того самого острова.

– А как думаешь, это всё-таки может иметь к нам какое-то отношение? – спросил я своего друга, после того, как рассказал про падение в лужу и видение странной комнаты.

– Да я вообще хрен знаю, как он всё это проделал!

– Может, мы были под гипнозом? Там лампочка мигала, – предположил я.

– Может быть. Но только знаешь, что я тебе скажу: Это были просто потоки нашего подсознания и не надо к этому так серьёзно относиться и искать мистику там, где её нет!

На том мы и порешили, не придав особенного значения этому происшествию, эху настолько отдалённых от нас событий, что произойдут только через двадцать с небольшим лет.

И я больше никогда не встречал того ряженного человека и понятия не имею, что это была за машина.

...Уже в конце короткой июньской ночи случилось так, что самая интеллигентная часть из оставшейся публики собралась на задворках сада, у большого костра, где пели цыгане. Царила тут какая-то душевная «походная» атмосфера, все знакомились и делились опытом своих первых зарубежных путешествий. Помню, что я тогда только прочитал в «Юности» «Аполлона Безобразова» Бориса Поплавского и запальчиво говорил, что хочу побывать на Монпарнасе. А двадцатипятилетний юноша в очках, обнимавший очень

красивую спутницу, сказал мне, что уже был там и не увидел ничего, кроме стай проституток – видимо, Муза уже покинула этот город. Все, кто творили там, уже умерли.

Перед рассветом мы тоже покинули «Эрмитаж» и Москва в то утро казалась вымершей, как после нейтронного взрыва. Но именно в эти дни, тем летом, за плоскими декорациями города бурлила жизнь. Это было время больших надежд, головокружения от успехов и наркотического опьянения заработанных денег.

Мы зашли в пустое метро, даже не заплатив за вход, а просто отжав турникеты. На станции кроме нас никого не было. Когда подъехал первый поезд, мы попросили машинистов прокатить нас одну остановку в кабине. Они неожиданно быстро согласились, и мы промчались с ними по туннелю между Чеховской и Боровицкой.

Это напоминало фрагмент из фантастического фильма, когда герои проходят через «червоточину», связывающую самые удалённые места во вселенной. Мы пронизывали пространство и время по пути в наше будущее, которое представлялось нам многообещающим и полным разных возможностей.

– Знаешь, что я подумал, – сказал Илья после того, как мы вышли из кабины водителей поезда и теперь стояли на станции, но не спешили расходиться по домам, – Надо заниматься таким делом, чтобы давать людям то, чего они хотят. Помнишь мои прошлогодние задумки с коммуной? Сейчас

это кажется таким бредом. Но потом мы устроили концерт и вот сейчас попали на этот праздник... Короче, люди работают, а потом хотят приятно себя чувствовать, и если ты дашь им это ощущение, чтобы им было хорошо, то они готовы за это платить. Надо только понять, что именно для них устроить.

– Илья, а я вот, год спустя, решил, что идея поселения хороша в том смысле, что само поселение надо устраивать не где-то в жопе мира, в деревне без электричества, а здесь, в центре Москвы. Знаешь, в чём проблема наших родителей? Они всегда разделяли свою жизнь и свою работу, а сейчас совсем другое время и надо просто найти занятие, которое понравится не только тебе, но и другим людям, тогда это принесёт много денег!

– Но ведь работа и развлечения несовместимы, это ещё древние греки понимали.

– Да можно просто эти развлечения там, на месте, и делать, как в 20-е годы в «Баухаусе» говорили, что нужно производить само искусство!

Илья на мгновение опустил голову, задумавшись, а потом опять посмотрел на меня.

– Знаешь, это действительно интересно, но только пока мы всё это обсуждаем, кто-то наверняка уже что-то подобное делает. Идеи – они ведь носятся в воздухе... А это значит – надо ехать в Питер! Ветер дует пока оттуда!

Неоконченное путешествие

В самом конце девяносто второго я чуть не загремел в армию, успешно пройдя комиссию в военкомате, но всё-таки получил от частной клиники маминых знакомых направление в психдиспансер, а оттуда – в Кащенскую больницу.

Провёл я там всего десять дней и меня даже отпустили домой на выходные. В конце декабря для самых нормальных посетителей психбольницы устроили концерт в старом здании клуба, переделанного из бывшей церкви, где пациенты исполняли номера с песнями, танцами и комедийными монологами, а потом мы водили хоровод вокруг пахнувшей лесом ёлки.

Вернулся я в подавленном состоянии, встретил новый год со случайными знакомыми, а девушка, в которую – как мне тогда казалось – я был влюблён, встреч со мной избегала.

В январе Илюша окончательно расстался со своей петербургской подругой и приехал в Москву. То, что произошло тогда в Питере, мы не обсуждали. Оба мы были опустошены, но в тоже время не собирались сидеть, сложа руки. Илюша рассказал мне о том, как он участвовал в организации техно-пати в большой выселенной квартире и принялся искать сквот для подобного места в Москве.

В то время у нас уже прошли первые вечеринки в клубе

«Джамп» и «Эрмитаж», многие поняли, что пришло время новой музыки, но продвигалась она с трудом. Бандиты тогда ещё не ели кислоту и не слушали хаус, поэтому могли запросто подойти к диджею во время сета и, приставив к его виску пистолет, попросить поставить что-нибудь «более танцевальное». Да и клубов самих практически не было, так, два-три места на весь большой город, в рестораны тогда ходили только бандиты, а обычные люди выпивали в гостях друг у друга.

Мы по-прежнему продавали книги в депрессивной кишке продуваемого всеми ветрами перехода на Китай-городе, а вечерами, закончив работу, обходили плохо освещённые районы в пределах Садового Кольца и искали выселенные дома.

В некоторые из них мы легко проникали, обнаруживая печальные следы остатков чужой жизнедеятельности и вандализма, а один раз нам даже пришлось спастись бегством, застав приготовление ритуала какой-то мрачной сатанинской секты.

Центр Москвы тогда казался нам поселением, возникшем на месте крушения целого флота кораблей, где уцелевшие в катастрофе люди принялись обустроиваться, используя все остатки былого великолепия, выброшенные штормом на берег.

– Надо просто найти хороший сквот, врезать на дверь свой замок, а потом уже идти договариваться в ЖЭК, написав бу-

магу, что мы хотим там открыть свой дом творчества, – говорил мне Илюша, – Надо как у Петлюры всё проверить.

Петлюру тогда уважали, у него во дворе собирались молодые снобы в обносках из секунд-хэндов, но в то время это выглядело стильно. К нам эти люди относились снисходительно, как к детям, поэтому Илюше важно было устроить собственное место.

Квартиру в доме на Ордынке мы нашли в марте.

Илюша быстро зарегистрировал её как некоммерческое творческое объединение – кажется, так это тогда называлось.

Сначала мы позвали туда наших друзей, чтобы разгрести и выкинуть огромное количество мусора, но всё это вылилось в неконтролируемую пьянку с какими-то случайными людьми, знакомыми чужих знакомых – их потом пришлось реально выставлять за шиворот из этого тёплого места.

Поэтому потом мы всё делали сами, а помогать нам приходили только самые ответственные подруги. Так, днём мы продавали книги, а вечером красили двери и клеили обои, часто оставаясь там ночевать. Два хмурых алкаша из местного ЖЭКа исправили нам канализацию, а за электричество мы заплатили на пол года вперёд. Работники жилищной конторы поначалу отнеслись к нам с подозрением и три раза к нам неожиданно приходила одна суровая тётка – чисто посмотреть, что происходит, но увидев плоды нашего труда, прониклась к нам уважением.

Параллельно Илюша готовился к поступлению в РГГУ, а я собирался подавать документы в Литературный, где главным было хорошо написать литературный этюд и не срезаться на русском языке. По поводу экзамена по истории я не волновался, а что касается немецкого языка, который я был вынужден изучать в школе вместо более престижного английского, то, пролистав как-то на ночь учебник за последний класс, понял, что его я не сдам, и спасти меня могут только высокие баллы по другим предметам. Илюша же, делал над собой серьёзные усилия – ему предстояли суровые экзамены. Все эти толпы зубрил-абитуриентов, над которыми мы смеялись в МГУ и которые легко обошли нас по баллам – видимо они стояли у него перед глазами и он готовился к реальному сражению с ними.

– Я всегда не любил этих задорных комсомольских лидеров, которые у нас в школе на собраниях выступали, но с ними можно конкурировать, они не всегда умны и просто прут, как молодые бычки. А вот если на моё место возьмут какого-нибудь очкастого задрота, потому только, что он больше меня чах над книгами из-за отсутствия личной жизни – это будет хреново... – сказал он однажды.

Как-то в апреле, в тот день, когда маятник природы качнулся, наконец, в сторону тепла и над городом появилось долгожданное солнце, мы разбирались в последней, самой маленькой комнате, которую определили под склад и хозяй-

ственное помещение. Мы открыли единственное окно и в наши лица ударили брызги капли, тесное пространство вокруг наполнилось свежестью и зазвучало взбудораженным пением птиц. Выбросив мусор, мы подмели пол и принялись подбивать гвоздями плинтуса в углу комнаты, где они слишком сильно отошли от стены, обнажив рваную рану несущей конструкции здания. Там Илюша и обнаружил небольшой тайник, вытащив из щели над полом завёрнутый в тряпку плоский предмет, оказавшийся общей тетрадь в прозрачной обложке и со страницами, разбухшими от сырости и тепла.

Это оказался удивительный артефакт, который мы ещё долго потом вспоминали. В тетради был расписан подробный план чьей-то жизни на ближайшие десять лет, с девяностого года по двухтысячный.

В этих подробностях сквозило нечто скурпулёзно-маниакальное, такие записи мог вести либо очень в себе уверенный человек, либо очень больной. Чего только стоили такие планы, как:

«Заработать первый миллион к декабрю 1991».

«В апреле 1992 года сбрить бороду, а в августе заработать второй миллион».

«В январе 1993 жениться, свадьбу отпраздновать в Париже, а в декабре 1994 развестись».

«Купить яхту к открытию навигации 1995».

Ну и ещё много другого бреда, который мы в последствии разнесли на цитаты.

В тот первый день настоящей весны 1993 года уже было понятно, что человеку, строившему свои наполеоновские планы из глубины 1990 года ничего из этого не удалось. Ведь даже тот, кто считает, что у него всё под контролем не застрахован от контрольного выстрела в голову или, в лучшем случае, потери всего своего состояния.

А в этом дневнике про прекрасное будущее читалось что-то неуловимо детское, наивное, как фантазии подростка, не подкреплённые его поступками. Нам даже показалось, что это писал наш ровесник.

– Надо это обязательно оставить на память, – сказал Илюша, когда мы, наконец, закончили долгое изучение этой тетради, – Чтобы перед глазами всегда был пример, как сгорают чужие мечты.

Открытие состоялось в середине мая, и его успех превзошёл все наши ожидания. Тогда мы решили устроить какой-нибудь литературный праздник и, в результате, придумали «День памяти Гумберта Гумберта». Сейчас бы это, разумеется, сочли безнравственной педофильской акцией, но на самом же деле это была обычная поэтическая клоунада с элементами эротики и чёрного юмора. У нас ведь никогда не было карнавалов, и мы надеялись, что сможем воссоздать их своими силами.

С того дня нас и началось удивительное сумасшедшее лето, оно просто вступило в силу, как вырвавшаяся из тесной

коробочки спиральная часовая пружина.

Мы быстро поняли, что пускать людей сюда стоит не чаще, чем дня три в неделю и, желательно, эти дни должны идти подряд, поэтому самым удобным оказалось работать по выходным, а всё остальное время заниматься подготовкой мероприятий. У нас появились такие заботы, как закупка алкоголя по оптовым ценам и выслушивание многочисленных предложений знакомых наших знакомых, которые собирались что-то у нас устроить.

В то время уже существовало современное искусство, ведь Осмоловский ещё пару лет назад выложил телами добровольцев знаменитое слово из трёх букв на Красной Площади и какие-то непонятные люди, которые называли себя «художниками» хотели использовать наше место под свою площадку. Разные музыканты так же хотели у нас играть и чтобы им за это платили хорошие деньги, а так как мы собирались устраивать вечеринки в стиле эйсид-джаз, то за диджеями подтянулись их знакомые драгдилеры – всю эту публику приходилось отсеивать.

К тому же ещё до нашего открытия я влюбился в Веру, и любовь моя была безответной – это стало понятно через два месяца.

Мы познакомились в Ленинской библиотеке, то есть это я к ней пошёл и познакомился, мне понравилось, как она внимательно читала, время от времени заправляя за ухо спадавшие на страницы книги длинные волосы. Я тогда подумал,

что это уж точно умная девушка и не ошибся. Она училась на искусствоведа, где, уже и не помню, и она была такой стильной, но «домашней» девушкой, поэтому, когда я первый раз привёл её к нам в субботу вечером, это немного её шокировало.

– Слушай, ну что это за люди, – сказала она мне потом, имея ввиду публику, – Это же какие-то анархисты!

Встречались мы не часто, иногда Вера ссылалась на занятость в институте, но тогда я просто не понимал, что она не рассматривает меня в качестве кандидатуры на роль своего молодого человека.

Когда я рассказал про неё Илюше, он ответил: «А ты познакомь меня с ней и я тебе помогу». Я это сделал, решив впоследствии, что именно это стало моей ошибкой, мне тогда в голову не могло прийти, что ей просто нравятся другие мальчики.

Сначала мы хотели назвать наше место «Корабль дураков», в честь картины Босха, но потом подумали, что это может отпугнуть кого-то из публики. Другой вариант был «Капитан Немо» как бы намекая на глубоководное погружение. Вообще, в перебираемых нами названиях было много морской тематики, мы скучали по морю, мечтали о плаваниях по открытым водам, и даже в найденной нами тетради один из последних планов её автора звучал так: «К 2000 году завершить морское кругосветное путешествие».

Поэтому мы, в результате, назвали наш клуб «Кругосветное Путешествие».

К июню наш режим уже устоялся. Мы принимали посетителей в субботу, воскресенье и понедельник. Понедельники, кстати, пользовались успехом, потому что многие скучали после выходных, страдая «синдромом продолжения праздника». Остальное время мы подготавливали всё необходимое для следующего уикэнда, готовились к экзаменам и просто отдыхали. То есть отдыхал в основном я, потому что Илюша был всегда чем-то занят.

С Верой Илюшу я познакомил в первый понедельник июля, когда в Москве ещё длятся короткие светлые ночи. В летней Москве в те времена совершенно нечего было делать, все, кто имел возможность, к этому времени уже покинули город и гостей к нам тогда пришло очень мало. В тот день мы устраивали просмотр фильма Тима Бартона «Эдвард руки-ножницы», а в полночь заперли входную дверь и пошли втроём гулять по Москве.

Посреди ночи мы стояли у лавочек ночного Гоголевского бульвара, пили шампанское и говорили о поэзии, когда к нам вдруг подошёл странный, очень высокий человек и со смехом начал что-то говорить.

– Извините, а вы хоть спросили у нас, хотим ли мы с вами общаться? – строго сказала ему Вера.

Тогда он достал из внутреннего кармана куртки открытую бутылку дешёвого портвейна и протянул её Вере.

– Да угощайся!

– Спасибо, я не хочу, – ответила она.

– А, девчонка, – засмеялся человек, – Я люблю девчонкам носы ломать.

Возникла мрачная пауза.

– То, что вы сказали, это неприятно для меня, – ответила Вера после недолгого молчания, – У нас тут свой разговор и, может быть, вы уйдёте?

И тогда этот человек усмехнулся и ударил Веру по лицу.

Следующая секунда длилась для меня очень долго. Я понял, что сейчас произошло событие, на которое нужно как можно более быстро отреагировать.

В эти микросекунды Вера только отшатывалась от удара, а Илья открывал от изумления рот – я понимал, что в драку он не полезет, да и сам я тоже не умел драться, но выбрал единственное, правильное на этот момент решение. Я вскочил на лавку, рядом с которой мы находились. Дело в том, что я маленького роста, поэтому, в качестве компенсации, всегда старался держать себя в спортивной форме, отжимался, подтягивался, хотя в то время это было совсем не модно.

Так вот, встав на эту лавочку, я оказался на такой высоте, что мог достать до лица этого придурка и, как учил меня мой покойный одноклассник Лёша Монастыршин, нанёс ему не один удар, а целую серию. Я бил его по морде до тех пор,

пока он не отшатнулся.

Потом он взревел, как доисторическое чудовище и, пошатываясь, двинулся в сторону дороги. Вера и Илюша всё это время находились в состоянии ступора. Спрыгнув с лавки, я подошёл к Вере.

– Куда он тебя ударил?

Вера дотронулась пальцами до брови.

– Здесь. Сейчас будет опухать, надо холодное что-то положить.

– Ох, какой урод, – произнёс Илюша, только начиная приходить в себя.

Я обернулся и увидел, что высокое чудовище бродит в этот момент по проезжей части, с inferнальной ловкостью уворачиваясь от редких, проезжающих мимо машин.

– Так, а где мы возьмём что-нибудь холодное... где тут ближайший ночной магазин? На Арбатской? – от волнения я очень плохо соображал, а Вера просто испытывала состояние культурного шока от того, что какой-то непонятный человек может просто так взять и ударить её по лицу.

– Федя, он возвращается! – стиснув зубы, пробормотал Илюша.

И действительно, существо, закончив шляться по пустой дороге, где оно не нашло своей гибели, теперь уже уверенно брело в нашу сторону. Видимо для того, чтобы закончить эту историю.

Вера ахнула.

– Ну что, Илюша, дальше так же ссать будешь или мне поможешь? – поинтересовался я.

Он только отрицательно помотал головой.

– Убейте его, ребята, – неожиданно сказала вдруг Вера.

И это сработало. Как-то не сговариваясь мы шагнули на встречу к подходявшему монстру и высокий Илья взял на себя его верхнюю часть тела, а маленький Федя – нижнюю. Нам как-то очень быстро удалось повалить его на асфальт перед памятником Гоголю – именно тем местом, где мы, собственно и познакомились, не испугавшись два года назад толпы гопоты. Потом мы некоторое время били его ногами, а Вера, в своих новых ботинках «Доктор Мартинс», прыгала на его туловище, как на куске поролона.

Понятно, что убивать мы его не собирались, нам просто хотелось усмирить это существо, чтобы оно потом, как в фильме ужасов, не встало и не пошло вслед за нами.

Продолжалось это недолго – мы не были кровожадны, но сильный выброс адреналина заставил нас ещё долго гулять по переулкам, вглядываясь в светлое и пронзительно синее июльское небо. Наверно, именно таким оно было в сорок первом году или на пороге любых катастроф и революций.

Мы пили вино в каких-то дворах, похожих на обветшалые усадьбы деревенских помещиков – тогда такие ещё оставались – а потом расстались, пройдя по ступенькам подземной станции. Мы вошли в утреннее метро, Вера поцеловала каждого из нас в щёку и уехала к себе на Проспект Вернадского.

Бровь у неё к этому времени уже сильно опухала.

На следующий день я позвонил Вере, и она сказала, что у неё появился фингал и теперь она должна будет несколько дней провести дома.

И я только спустя месяц узнал, что в тот день к ней приехал Илюша. А потом и на следующий день, а потом и вовсе остался у неё ночевать.

Как раз в это время, в августе, у меня начинались экзамены в Литературный Институт, которые я с треском провалил, прославившись тем, что пришёл пьяный на апелляцию из-за тройки по истории.

В то время я находился в состоянии такого эмоционального раздвоя, что мог легко пройти по перилам моста и очень любил кататься сзади на троллейбусах, там, где наверху у них – лесенка, а внизу – очень удобные подножки для ног. И только ангел, который нежно целует в затылок всех, кто болен от несчастливой любви, спас меня от несчастного случая.

Сам же Илюша успешно поступил в РГГУ и после зачисления стал всюду теперь бывать вместе с Верой. Отношений мы не выясняли. Я просто перестал приходить в «Кругосветное путешествие».

Полтора года мы не общались, а тридцать первого декабря 1994 года я позвонил ему по телефону и поздравил с наступающим новым годом.

... Мы встретились после праздников, в самом начале 1995 года и меня сразу поразила перемена, которая за это время с ним произошла. Теперь это был не робкий юноша, а студент престижного университета и деловой человек, имеющий свой бизнес. Да, наше место к этому времени стало настоящим клубом, со своими официантами, поваром и билетёром-вышибалой на входе. Поговорив с ним чуть более часа, я понял, что он стал более цинично относиться к происходящему вокруг, но сохранил идеализированные взгляды на искусство и роль автора в обществе. Впрочем, тогда мы ещё верили в то, что русская культура, опыт её прошлого и развитие в настоящем, может как-то изменить и спасти эту страну. Про Веру он только обмолвился, что она совершила по отношению к нему акт предательства, а я не стал уточнять подробности. Мне он сразу предложил работать у него тем, кого называют сейчас арт-директором. Предупредил, что много платить мне не сможет, но рассчитывает на мой вкус и отношению к делу. Не знаю, были ли мы те пол года друзьями, но наши отношения всё же не строились по форме «начальник-подчинённый». Скорее всего, это было деловое сотрудничество с совместным пьянством и времяпровождением.

Летом я второй раз поступал во ВГИК – к тому времени я ещё нигде не учился, а у Ильи ещё весной появились проблемы сначала с бандитами, а когда он решил их с помощью сосватанной ему одной женщиной крыши, состоящей из со-

трудников МВД, то потом проблемы начались уже с ними. Деньгами он с ними поделился, но этого им оказалось мало, и они захотели стать совладельцами. Илюша прекрасно понимал, что если так произойдёт, то это место быстро превратится в обычный бандитский кабак – работники МВД не слишком от них отличались.

Теперь Илюша думал, как ему от них отвязаться, потому что искать какую-нибудь другую, например, чеченскую крышу, было бы совсем опрометчиво.

Илья собирался сначала поменять статус этого места, представив его как кафе при арт-галерее, но всё равно четырёхкомнатная квартира в центре Москвы оставалась слишком лакомым куском и официально она ему не принадлежала. Он только платил за её аренду той самой суровой тётке из ЖЭКа, которая сильно поднялась за это время, ездила пусть на старом, но мерседесе, и имела сотовый телефон.

Илюша очень не хотел покидать место, которому за два года отдал столько сил, но понимал, что выиграть сражение с этими прожженными монстрами ему может помочь только счастливый случай. Поэтому он решил потянуть время до осени и постараться успеть заработать побольше денег.

Для этого мы устроили во дворе дома фестиваль, на который пригласили всех, кого смогли. Он прошёл в последние три дня августа, когда жители большого города уже вернулись из отпусков и готовятся к встрече осени.

Первый день был отдан под выступление поэтов и акусти-

ку. Во второй играли группы, исполняющие реггей и экспериментальную электронную музыку, а в третий, последний вечер, должна была состояться танцевальная вечеринка, посвящённая прощанию с летом. Дом наш был ещё заброшен в ожидании ремонта, жили там только какие-то тихие нелегалы, которых пускала за деньги тётка на мерседесе, поэтому с музыкой никаких проблем у нас не было.

Людей пришло очень много. Мы с Илюшей в те дни очень мало спали, постоянно разруливали какие-то дела и старались, чтобы всем было хорошо, прекрасно понимая, что это последнее такого рода событие, но, разумеется, не догадывались, что это так же и последние дни самого «Кругосветного путешествия».

Что же касается меня, то ещё в июле я поступил на сценарный факультет ВГИК к Александру Кайдановскому, и в сентябре готовился войти в новую для меня среду Института Кинематографии, поэтому первое число я тоже ждал с нетерпением, а закончить вечер 31 августа мы собирались салютом, накупив большое количество китайских фейерверков.

Ранним вечером, когда танцы уже начались, я зашёл в квартиру, чтобы вынести во двор пиротехнику, и заметил в пустом баре одиноко сидящего человека лет сорока пяти. Выглядел он любопытно – в грубой косой куртке и дорогих очках в тонкой оправе.

– Молодой человек, – обратился он ко мне, когда увидел,

что я открываю нашу комнату-склад и что-то забираю оттуда, – Могу ли я увидеть владельца этого места?

– Извините, он сейчас занят, – ответил я и не соврал, потому что мы действительно были тогда в диких запарах.

– А вы не могли бы ему передать, что я хочу в течение оставшихся двух часов купить у него это место.

Я закрыл комнату и с удивлением на него посмотрел.

Человек в косухе тем временем вытащил из кармана антикварные часы на цепочке, небрежно откинул крышку и посмотрел в циферблат.

– Сейчас девять часов и одиннадцать минут, – сказал он, – Если до полуночи наша сделка не состоится, то это заведение превратится в тыкву, а ваш друг – в Золушку.

Я ошарашено застыл с пачками фейерверка в руках.

Во дворе играла музыка.

И хотя лицо мое не выражало никаких видимых эмоций, но в сознании уже вспыхнула, замигав, яркая оранжевая лампа и раздался сигнал тревоги. Его прерывистый неприятный звук перекрывал даже играющую во дворе музыку.

– Конечно, я передам... только как мне сказать, кто вы?

– Представьте ему меня как волшебника. Доброго волшебника, который через три часа может стать очень злым.

– Хорошо.

Пытаясь сохранять невозмутимый вид, я покинул клуб и вышел во двор. Предполагая, что человек наблюдает за мной из окна, я спокойным шагом дошёл до точки запуска фейер-

верка, а когда смешался с толпой танцующих людей, то за несколько мгновений достиг импровизированной сцены. За ней располагалась закрытая зона, условно огороженная висящими на верёвках простынями. Там я нашёл Илюшу, который в этот момент разруливал споры двух диджеев о том, кому из них последнему играть на закрытии. В качестве компромисса он уговаривал их устроить совместный сет, но оба были не согласны, так как имели разное видение материала, который должен был звучать непосредственно во время салюта.

Я попытался дождаться, пока они придут к какому-то соглашению, но спор затягивался. Тогда я посоветовал просто подбросить им монетку, чтобы их разрешил случай, отвёл своего друга в сторону и кратко рассказал о человеке с антикварными часами. Илюша на мгновение задумался, а потом положил руку мне на плечо.

– Всё, Федя, «Кругосветное путешествие» кончилось. Через два часа это место перестанет быть нашим.

– И ты даже не пойдёшь с ним поговорить?

– Ты не понимаешь. Если я возьму у него деньги, то он потом повёрнёт всё так, что я буду ему должен. Причём гораздо больше. Ты просто дел с такими людьми не имел. Надо всё заканчивать и разбежаться! Устроить прощальный салют, а потом бросить всё и уйти!

– И ты готов с этим смириться? – удивился я.

– Знаешь, у меня было время, чтобы просчитать риски, и

я понял, что они не оправданы. Бороться есть смысл только в том случае, если ты имеешь хоть один шанс на победу, а ей здесь и не пахнет при любом раскладе, понимаешь?

В ответ я молча кивнул. Собственно, к этому всё и шло, теперь оставалось лишь с достоинством принять своё поражение.

Но покинуть наш тонущий кругосветный корабль оказалось не так просто, как мы предполагали. Когда я принялся готовить к запуску салют, то стал замечать одиноко стоящих людей в кожаных куртках и чёрных, до блеска начищенных туфлях. Они сильно выделялись из колыхавшейся волнами толпы, и я знал, что так выглядят опера. Теперь никаких сомнений, что нас пасут, больше не оставалось.

Я предупредил Илюшу, у которого к этому времени уже было столько денег, полученных за вход на концерт и выпивку, что он носил их в свёрнутом целлофановом пакете. Другой пакет, гораздо большего размера, лежал у нас в кладовке, в той самой комнате, где два года назад мы нашли за плинтусом дневник мечтательного неудачника. Его надо было как-то достать, но там, рядом, в пустом баре, скорее всего, терпеливо сидел и ждал человек с часами.

– Федя, ты должен сходить туда ещё раз.

– Илюша, ты меня подставляешь!

– А кого мне ещё об этом просить?

Конечно, мне не хотелось туда возвращаться и вступать в диалог с опасным человеком, но никому кроме меня Илю-

ша не мог доверить вынести оттуда деньги, а заодно и журнальчик с нашей бухгалтерией, который, попав в чужие руки, станет предметом шантажа или поводом для заведения уголовного дела за неуплату налогов.

– Ладно. Только я светиться и выносить их не буду. Следи за окном и подходи, когда я его открою – я всё вниз тебе сброшу.

– Договорились.

Поднявшись в квартиру, я прошёл мимо бара и да, этот опасный мужик оставался там, но что-то неуловимо изменилось в атмосфере комнаты, и произошло это оттого, что он был теперь не один.

Напротив него за столом сидела девушка, каких раньше я никогда не встречал.

Это была длинноволосая блондинка в коротком синем платье, и, не смотря на конец лета, её кожа выглядела настолько молочно-белой, что, казалось, светилась в августовских сумерках, контрастируя с жёлтым светом свисающих с потолка ламп. Она была явно «не отсюда» и под этими словами я имею в виду не социальную среду или географическое местоположения, а нечто большее.

Не смотря на то, что бар на эти дни переехал во двор, перед ними стояла какая-то бутылка зелёного стекла и два пластиковых стаканчика, на треть наполненных жидкостью жёлтого цвета. Я на мгновение застыл, разглядывая её, а потом

быстро проскочил мимо, но мужик в косухе даже не обратил на меня внимания, его взгляд был прикован к девушке, впрочем, это было совсем не удивительно, да и меня такая ситуация вполне устраивала. Я открыл комнату, запер за собой дверь, нашёл сумку покрепче и переложил туда деньги, а так же большую тетрадь в твёрдой обложке, где и велась вся наша бухгалтерия.

Пробежал глазами по складу и понял, что кое-какие вещи хоть и представляют некоторую ценность, но они нужны только здесь, на территории «Кругосветного путешествия», в другом месте им просто может не найтись применения. Так, уезжая жить на север, мы не берём с собой сандалии и шорты, а улетаю на юг, постараемся не отягощать свой багаж зимней одеждой.

От многолетнего действия сырости и солнца, деревянные оконные рамы высохли и склеились между собой, мне пришлось забраться на подоконник и несколько раз пнуть их ногой, чтобы открыть.

Я глянул вниз и увидел Илюшу, который конспиративно стоял у стены, делая вид, что просто слушает музыку. Я уже собирался как-то привлечь его внимание, но тут взгляд мой упал на висевший у окна костюм повара – белый халат и шапочку. Надеюсь, что Илюша поймёт ход моих мыслей, я снял его с крючка, запихнул в сумку и благополучно скинул её в руки Илюши.

Закрыв комнату, я собрался, было, так же тихо свалить, но

любопытство и желание получше рассмотреть эту странную девушку заставило меня остановиться в дверях.

На этот раз и белая девушка и человек с часами повернули лица в мою сторону.

– Ну и где мои ключи от квартиры? – спросил мужчина в косухе.

– Я передал ваше сообщение.

– Значит, он не придёт, судя по всему?

– Я не знаю.

– А я знаю. И уже тут осваиваюсь.

После этих слов я собирался уйти, но тут девушка достала откуда-то ещё один стаканчик и поставила его на стол.

– Выпей с нами абсент, – предложила она, и я понял, что не могу отказаться.

Подошёл к их столу и сел на свободный табурет, а она налила мне сразу половину стакана. Бросив взгляд на этикетку, я обнаружил, что содержание спирта в этом напитке составляет 74 процента, но меня это не напугало, а скорее даже обрадовало – в подобной ситуации просто необходимо было принять хорошую дозу чего-нибудь крепкого.

– Спасибо. Никогда не пил абсент. А где вы его достали? В Москве же не продаётся.

– Это из Праги, – ответила она, – Я прожила там некоторое время.

– На улице Алхимиков? – почему-то спросил я.

Девушка улыбнулась. Глаза её были изумрудного цвета,

они напоминали бездонный колодец, и я понял, что не такая уж она молодая, просто хорошо выглядит, а лет ей может быть сколько угодно.

– На улице Метакхимиков, – ответил за неё опасный мужик, потянулся за бутылкой, налил ей и себе по четверти стакана и продолжил, – Предлагаю выпить за то, что Вишнёвый Сад теперь мой!

После этого он покосился в мою сторону, пытаясь оценить, какое впечатление произвёл на меня своей фразой, но я только поднял свой стакан и сказал:

– За тонущий корабль пью не чокаясь.

И, не спеша, но не отрываясь, выпил свою порцию. В горле стало горячо, но мне как-то уже доводилось делать глоток чистого спирта, и тогда ощущения были похуже, поэтому сейчас я стойко принял алкоголь и даже не скривился. Хотя, честно говоря, на вкус этот легендарный напиток оказался на редкость мерзостным пойлом, от которого у меня сразу покраснело лицо и повысилось слюновыделение.

А те двое чокнулись, с улыбками глядя в глаза друг другу, и медленно пили маленькими глотками. Только улыбка мужчины была торжествующей ухмылкой победителя, а улыбка девушки имела сразу несколько эмоциональных и смысловых уровней, а на последнем, самом глубинном из них читалось: «Я самодостаточна и опасна. В любую секунду я могу исчезнуть, а потом так же неожиданно появиться и ударить».

И мне стало ясно, что она вовсе не с ним, а ведёт какую-то

собственную игру по правилам, известным лишь ей одной. И она тоже ждёт Илюшу, но особо на это не рассчитывает, и теперь они сидят здесь, как два демона на перекуре после обеденного перерыва. Только человек с антикварными часами не считывает этого, не догадывается кто перед ним, потому что она воспринимает его, как потенциального противника и выставила перед ним щит, а мне почему-то позволяет смотреть на настоящую себя.

– Если он не собирается приходить, так пусть хоть через кого-то передаст мне ключи, – мужик отвлёкся, наконец, от созерцания женской красоты и перевёл своё внимание на меня, – Ты не думай, мои ребята любую дверь могут открыть, просто это такой символический жест.

В это мгновение я и почувствовал действие абсента. Он высвободил и расправил сжатую пружину моих нервов, я даже услышал, как она вздрогнула, раскрываясь внутри моего черепа. Эта вибрация расслабила меня и наполнила разум спокойствием.

– Наполеон тоже ждал, когда ему ключи от города принесут, – ответил я.

– Считаешь меня захватчиком? – мужчина оставался невозмутим, – Но ведь уже пришла пора прикрыть вашу лавочку. И заметь, я даже не спрашиваю, как тебя зовут, ты мне не интересен.

В ответ я лишь равнодушно пожал плечами и собрался, было, уходить, но тут белая девушка произнесла фразу, над

которой я ещё долго потом размышлял.

– Зато я знаю, кто ты, – сказала она, – Мальчик, который укротит Камень.

– Чего? – удивился я, поворачиваясь в её сторону.

– Но это будет нескоро. Поэтому трать пока свою юность, начинай взрослеть и закалять твёрдость духа, это тебе пригодится. Поверь мне, будущее совсем не такое, как ты себе представляешь.

Теперь я был совершенно сбит с толку, а человек в косухе тем временем достал из внутреннего кармана увесистый мобильный телефон с антенной, набрал какой-то короткий номер и без приветствия произнёс: «Когда всё закончится, начинайте».

И, не смотря на прохладу стен старого дома, мне стало жарко.

Я понимал, что пора уходить, тем более, что в этот момент во дворе, гораздо раньше запланированного нами времени, грянул фейерверк – это говорило о том, что обстановка внизу уже сильно накалилась.

А когда сидящий с нами человек отвернулся, чтобы посмотреть на россыпи салюта в окне, произошло что-то тихое, но совершенно дикое. На всей молочно-белой коже девушки за исключением её лица, вдруг выступили чёрные татуировки. Цвета тьмы в тёмной комнате. Сложные, узорчатые переплетения. Я видел их совсем не долго, возможно, не более двух секунд и успел только заметить, что они не имели ост-

рых углов и при этом непрерывно двигались, плавно перетекали по ней, словно сотни маленьких змеек.

От неожиданности я моргнул, и её кожа вновь стала чистой. Она смотрела на меня и улыбалась.

– Ты уже понял? Я ведь тоже жду твоего друга.

Мужик в косухе опять повернулся к нам. Удивление на его лице быстро сменилось холодным напряжением. Глаза его прищурились, он явно собирался что-то сказать, но осёкся, когда она на него посмотрела.

– Но, в отличие от этого господина, – продолжала девушка, – Я изначально не ставлю никаких ультиматумов. Не важно, придёт он ко мне сейчас, завтра или летом через три года – у нас с ним впереди есть ещё время. Так и передай ему: Алла тебя подождёт.

Я кивнул и быстро встал из-за стола, чувствуя, что оставаться здесь больше нельзя.

– Приятно было с вами познакомиться, – только и смог произнести я, обращаясь исключительно к ней, – До свидания.

– Ну, с тобой-то мы вряд ли ещё увидимся, – процедил сквозь зубы мужик.

А она поцеловала кончики своих длинных пальцев, после чего приложила их к моему лбу над переносицей, а человек с часами, скривив губы, молча наблюдал за происходящим.

Через мгновение я уже бежал вниз по лестнице, держа в голове лишь одну мысль: «А вдруг она меня заколдовала?!»

А когда выскочил, прыгнув, как резиновый мячик, по ступенькам подъезда, то сразу понял – что-то не так.

В чаше двора стремительно потемнело, музыка смолкла. В безветренном воздухе покачивался дым от фейерверков, его пронизывал свет трёх небольших прожекторов. А воины сумерек, те, что стоят «между собакой и волком», а попросту говоря, являются шакалами, теперь размахивали своими мусорскими удостоверениями и выгоняли со двора одних людей, грубо обыскивали других, а на одном парне с растафарианскими дредами уже застёгивали наручники.

Трое самых мрачных оперов, с фактурными рожами подмосковного быдла, разворовывали остатки из дворового бара, открывали бутылки и пили прямо из горла, громко ржали и выкрикивали оскорбления проходящим мимо девушкам. Они выражали готовность в любой момент вступить в драку с посетителями концерта, достаточно было лишь одного неосторожно брошенного слова, одной искры догорающего фейерверка.

Мимо меня быстро прошёл какой-то толстый повар в халате и белом колпаке, в каждой его руке болтался пакет с мусором, откуда торчали горла пустых бутылок.

– Быстро уходи! – процедил повар сквозь сжатые зубы и только тогда я опознал в нём Илюшу, который удачно воспользовался предложенным мной камуфляжем, а пакет с ручкой замаскировал под пивное пузо.

Когда я заметил, что ему удалось беспрепятственно поки-

нуть двор, то пошёл было за ним, понимая, что подобно героям легенд и мифов, мне ни в коем случае нельзя оглядываться. Но у двери, ведущей на улицу из заколоченной досками арки, всё-таки остановился и бросил последний взгляд на наши окна.

И теперь «Кругосветное путешествие» представлялось мне вовсе не тонущим кораблём, а какой-то конструкцией, вроде выполненного в форме дома аэростата. Наполненный невесомым газом наших несбывшихся надежд, он медленно поднимался вверх, чтобы навсегда улететь в уже ставшее осенним небо цвета индиго. Да, от абсента и усталости после трёх дней фестивальной беготни мне действительно казалось, что расстояние между нами отдаляется-приближается, как в фильме Хичкока «Головокружение» или в зуме фотообъектива. Во всём доме горело только одно окно, у которого стояла беловолосая девушка в синем платье. И она махала мне рукой на прощанье.

Я улыбнулся ей и, слегка пошатываясь, двинулся в сторону метро Третьяковская.

... Рано утром меня разбудил звонок в дверь. На пороге стоял Илюша с большим рюкзаком за плечами. Он рассказал, что заехал домой, забрал остальные деньги и самые необходимые вещи, потому что не знал, насколько сильно он влип, и будут ли его там пасти. Зато он был уверен, что мусора что-то попытаются ему предъявить, поэтому решил по-

ка прятаться. Он выдал мне неплохую по тем временам сумму денег, добавил, что оставил кое-что своим родителям, а основной капитал попросил поддержать пока у себя.

Когда мы пили чай на моей кухне, я описал ему белую девушку, не став, впрочем, рассказывать про её оживающие татуировки, но Илюша ответил, что не знает никакой такой Аллы, но это ещё один знак, что ему нужно уезжать отсюда как можно дальше.

Потом мы дошли до метро, и я поехал на свой первый день учёбы во ВГИК, а он – к себе в РГГУ, чтобы мутить там академический отпуск.

До холодов он жил на даче у нашего общего знакомого, а в Москву приезжал, чтобы менять рубли на доллары, всё время в разных обменниках и не слишком большими суммами. Одновременно он подал документы на загранпаспорт, а когда получил его, то оставил мне свои паспортные данные и пухлую пачку купюр с портретами мёртвых американских президентов, попросив переслать их, когда он определится со своим новым местом для проживания.

Его прощальная вечеринка состоялась седьмого ноября. В то время этот «праздник» ещё оставался официальным выходным днём и на улицу вышли полчища разъярённых пенсионеров с красными флагами, а так же радикально настроенная молодёжь с чёрными. Впрочем, вечеринкой назвать это было сложно – мы просто купили в ларьках на Пуш-

кинской площади массандровский портвейн и выпили его в маленьком сквере Литературного института с нашими приятельницами, с которыми мы три года назад поступали в МГУ, сёстрами-близнецами Любой и Надей.

По тусовочным заведениям мы не пошли, потому что Илюша предполагал, что его могут до сих пор пасти по клубам, ведь нормальных мест тогда было так мало, что реально было обойти все за вечер. Поэтому мы согрелись в каком-то случайном кафе чаем и коньяком, а после долгого прощания разъехались в разные направления.

Никто не знал, куда он уехал, а когда наступил бесснежный декабрь, в его первую субботу у меня в квартире раздался телефонный звонок. Илюша звонил из индийского города Калангут, штат Гоа, и попросил отправить по «вестерн юнион» все его деньги. Тогда я ещё не знал, что это за место, хотя и читал про него в журнале «Птюч». Оно представлялось мне чем-то вроде населённой хипарями Лисьей Бухты в Крыму, но при этом более экзотичным. Я был несколько разочарован, потому что считал, что Илюша уехал в Европу, а поездки в восточном направлении тогда представлялись мне бесперспективными. Я записал всю необходимую информацию и пообещал заняться этим в понедельник, но на следующий день, в воскресенье, мне позвонили однокурсники и сказали, что сегодня умер наш мастер, Александр Кайдановский. Всю следующую неделю мы пили водку. Сначала в ин-

ституте, потом в общежитии, потом на похоронах и опять в институте и общежитии. Это событие сильно сплотило наш курс, мы много и мрачно шутили, чтобы как-то справиться с шоком от потери.

В субботу, когда я валялся дома с похмелья, Илюша позвонил снова. Я ожидал услышать в свой адрес упрёки, но Илюша был на удивление спокоен, поинтересовался, сколько я потратил из них за два месяца, но услышав, что его бабло я не трогал, попросил отправить ему не откладывая.

Не смотря на подступающую дурноту, я положил пачку долларов в сумку и поехал на Тверскую улицу. В метро было многолюдно, но никто из стоящих рядом со мной в вагоне людей даже не представлял, что какой-то студент везёт с собой сумму денег, большую, чем зарплата за несколько лет любого из них. Зато подобное удивление я вызвал у работника банка, он долго изучал мой паспорт, а затем оформил денежный перевод и, превратившись в двоичный код, Илюшины деньги пролетели половину мира, чтобы опять оказаться в руках у бывшего основателя «Кругосветного путешествия».

После этого он ещё раз позвонил, но не застал меня дома. В тот вечер в Москве, наконец, выпал снег, а я очень поздно пришёл с поминок, это были «9 дней» Александра Кайдановского. Илюша говорил с моей мамой и просил передать огромное спасибо за то, что я сохранил и выслал ему деньги, на которые он теперь собирается открыть бар на берегу

Аравийского моря.

– А он сказал, как этот бар назовёт? – поинтересовался я у мамы.

– А разве это так важно? – удивилась она.

И ещё полтора года мы с ним не виделись.

Часть

II

Астрология

В тёплом и прекрасном сентябре 2000 года – года Дракона, таилось нечто тревожное.

Мужчины и женщины вступали в головокружительные отношения, а потом вдруг ссорились на пустом месте; внезапно получали большие деньги и испуганно тратили их, пропуская через свои пальцы твёрдый шелест купюр и стараясь при этом заглотнуть как можно больше свободы и алкоголя. В кафе и ресторанах играла мягкая музыка, помогающая людям без печали забывать о прошедшей любви и прощаться с летом – во время прохождения таможи на его незримой границе многие утратили важные для них ранее желания и мечты, сочтя их лишним балластом.

Что же касается лично меня, то ещё в июне, по приезду из Болгарии я расстался с девушкой, мы были вместе два года, а во время двухнедельного отдыха в дыре под названием Варна поняли, что нас ничего больше не связывает. Теперь я опять был один и помогал Илюше, который уже год жил в Москве и больше не собирался её покидать, с его работой.

На закате мы с ним сидели в ресторане на крыше высотки на Маяковской, пили виски с колой и собирались чуть позже выдвинуться в ОГИ. В то время мы любили контрасты и легко запрыгивали из подвалов на крыши и, наоборот, плава-

но спускались вниз, из небожителей – в маргиналы. И никто не понимал, кто мы такие на самом деле. Ведь именно в это время, на рубеже веков, произошло смешение стилей, когда по человеку было уже невозможно определить, чем именно он занимается, грань между свободным художником и высокооплачиваемым дизайнером стёрлась настолько, что стала совсем прозрачной.

Возможно, Илюша был одним из первых, кто заметил это ещё в прошлом году, поэтому сейчас он занимался тем, что вводил моду на пафосную трату денег среди тех людей, у которых раньше их не было. Пару лет назад они ещё смеялись над «новыми русскими», а теперь сами почувствовали вкус и запах мимолётного счастья от обладания материальными благами, а так же неудовлетворённость от их количества.

И если понятие «фрустрация» заключается в несовпадении желаемого и действительного, то теперь Илюша помогал людям хотя бы отчасти избавиться от неё, осуществив некоторые свои фантазии типа полёта на воздушном шаре в компании возлюбленной и струнного оркестра или в подводной вечеринке с аквалангами в бассейне для дайверов, а я выступал в качестве его ассистента. Он не открывал мне полностью свои планы, но меня это, по большому счёту не очень интересовало. Я доверял ему и не хотел забивать себе голову какими-то схемами и комбинациями. В то время я был болен – мной овладел синдром продолжения праздника. Я переживал расставание и, чтобы о нём не думать, пытался выстро-

ить своё существование, как карнавал. Иногда я вспоминал о похожем на притчу эксперименте над крысой, с вживлёнными в её центр удовольствия электродами, как она нажимала на рычаг, пока не умерла от перевозбуждения. Эта история меня, конечно, пугала, заставляя задуматься над смыслом и целью собственного существования, но я всё равно не мог ничего с собой сделать.

В июле я закончил ВГИК, защитил диплом и по моему сценарию уже снимался полнометражный фильм, поэтому я думал, что дальше будет всё только ещё лучше. Я испытывал одно из заблуждений молодых людей, сходное с ситуацией, когда в тумане ты штурмуешь вершину и думаешь, что впереди ещё длинный путь, а потом оказывается, что ты перепутал дорогу и уже стоишь на своём маленьком пике, а теперь с него надо слезать и спускаться вниз, чтобы подобраться к другим высотам. Впрочем, это стало понятно мне лишь через многие годы, а сейчас мы допивали из своих бокалов, глядя, как солнце растворяется в дымке ядовитого смога над пейзажами Крылатских холмов.

Илюша в прошлом году восстановился у себя в РГГУ, сейчас у него начинался четвёртый курс, кроме этого он владел небольшим магазином экзотических товаров, поступающих по отработанным каналам из Индии – три года поездок в эту страну помогли наладить коммерческие связи.

Теперь мы беседовали о том, как ему видоизменить свою

контору и делать ли это в сторону event- или PR-агентства. В конце лета мы неделю жили без телевидения из-за пожара на Останкинской башне, и это привело нас к мысли заниматься проектами в Интернете – да, это слово ещё писалось тогда с большой буквы. Пол года назад мой друг Дима подарил мне свой старый модем, и я уже успел испытать всю радость неустойчивых подключений через телефонную линию по карточкам провайдеров. Тот же друг сейчас доделывал сайт для Илюшиной конторы, собираясь запустить его в самое ближайшее время.

За соседними от нас столами сидели две компании – одна, состоящая из пафосных пузатых мужчин и другая, из ещё более пафосных бизнес-леди в офисной одежде. Выпивающие мужики бросали на женщин любопытные взгляды, но те полностью игнорировали их, демонстрируя свою независимость. Казалось, что город уже оправился после кризиса двухлетней давности и люди вновь принялись играть в свои павлиньи игры, всеми доступными для них способами пытаются указать на свой статус.

Расплатившись, мы спустились вниз, поймали на Садовом Кольце машину и вскоре оказались в знаменитом подвале Потаповского переулка, куда многие наши знакомые приходили практически каждый вечер.

Не смотря на четверг, который некоторые офисные работники называют «маленькой пятницей», свободные места ещё оставались. Илюша взял себе виски со льдом, а мне тут обыч-

но наливали в большой бокал сто грамм коньяка Арарат, разбавив его кока-колой и накидав ещё льда и лимонов – не сказать, что это был полезный напиток, но о своём здоровье тогда никто из нас ещё не беспокоился.

Вечер только начинался, и официантки томно бродили по залу или задумчиво застывали у кассового аппарата, являя собой фирменный стиль этого места, где иногда приходилось по часу проводить в ожидании бесхитростного заказа.

Одна компания в самом тёмном углу с хохотом напивалась, кто-то просто ужинал после работы, несколько одиноких бородатых мужчин, сидевших в разных концах зала с одинаковым выражением лица смотрели в глубину своих пивных кружек. Парочками приходили, заполняя зал, милостивые девушки, обсуждающие свои амурные и культурные дела, а к нам попыталась подсесть пьющая поэтесса, но мы ответили ей отказом, сославшись на то, что у нас серьёзный разговор о работе.

– Да, кстати, мы ей не наврали, – сказал мне Илюша, когда обиженная поэтесса ушла и принялась окучивать бородатого мужика с пивом, – Один человек просит для своего знакомого кредит на развитие какого-то нелегального бизнеса – они оба придут сегодня, объяснят, в чём дело и расскажут, на что именно пойдут деньги.

И он выложил из кармана на стол свой телефон. У меня мобильного тогда ещё не было, но я уже размышлял о его покупке.

– Ты решил задуматься о вложениях в чужие истории? – поинтересовался я.

– Да нет, я просто его послушаю, мне интересно, чем сейчас, вообще, занимаются люди.

Тут нас отвлекло небольшое событие. Какой-то парень, не смотря на тёплый, но всё-таки прохладный осенний вечер, заявился в домашних тапочках на босу ногу, огляделся по сторонам, подсел к выпивающей компаний и принялся что-то говорить им на повышенных тонах. Приглядевшись, мы заметили, что это не парень, а уже сильно взрослый дядя, который просто очень молодо выглядит, а когда прислушались, то выяснилось, что это переводчик одного из издательств. Он высказывал сидевшим за столом людям, что практически бесплатно переводил для них Уильяма Берроуза и Хантера Томпсона, поэтому теперь они должны его за это поить. Сидящие за столом уже не смеялись, недоумение на их лицах сменилось удивлением, а позже и некоторым сочувствием, они о чём-то попросили официантку и минут через пятнадцать суровому работнику слова принесли пол стакана водки и кружку пива.

За наш стол, тем временем, подсело двое. Один из них – наш ровесник, какой-то знакомый Илюши, а другой выглядел как хиппи, поэтому и казался гораздо старше. Он носил бороду, длинные волосы и толстые «плюсовые» очки, из-за которых его глаза увеличивались, как под лупой, а взгляд становился вкрадчивым и беззащитным. Именно так в ки-

но показывают ботаников-изобретателей, странных учёных, продукты чьего труда иногда становятся опасны для общества. Впрочем, в этом вскоре сами мы смогли убедиться, когда познакомивший нас парень ушёл, и мы остались с ним один на один.

Человека с бородой и в очках звали Арсений. Я заметил, что то ли от его поношенной одежды, то ли от него самого исходит особый специфический запах, какой бывает в кабинете стоматолога. Уже одно это немного настораживало, а затем он сразу выложил на стол все свои карты. Арсений оказался фармацевтом и выпускником химфака МГУ. Помимо основной своей легальной работы он увлекался синтезом психоделических веществ и в девяносто третьем году даже проходил «практику» в одной из подпольных Петербургских лабораторий.

Именно психоделикам он и отдавал предпочтение в отличие от более популярных амфетаминов, которые пользуются успехом как у бизнесменов, так и у участников преступных группировок, потому что под стимуляторами можно долго работать, а вещества типа кислоты – это только для отдыха, да и то не для всякого.

Он мог бы разбогатеть, производя так называемые «спиды», но никогда не связывался с криминальными структурами и к работе всегда относился творчески, а после нескольких лет экспериментов на самом себе ему удалось получить микс чистого стимулирующего вещества с чем-то вро-

де LSD, и он решил, что это может стать наркотиком для избранных.

– И вы хотите, чтобы я спонсировал ваши разработки? – удивился Илюша, – Я такими вещами не занимаюсь!

– Всё уже разработано. Мне просто нужны деньги, чтобы наладить его производство. Понимаете, для этого необходима квартира – обязательно на последнем этаже, с хорошей вытяжкой и системой вентиляции, а сырьё для синтеза полуплегално продаётся в других городах, поэтому его как-то надо не только закупить, но и ещё сюда привести. И если вы не хотите участвовать в производстве и получать проценты от прибыли, то я просто возьму у вас кредит на полгода.

– Нет, это не возможно, – отозвался Илюша, – Вы заметили – я даже не спросил, сколько вам надо денег – для меня это принципиальная позиция. Я понимаю, что вам не хочется связываться с банками, но я не ростовщик и не подпольный предприниматель, чтобы давать деньги на производство химии.

– Но ведь вы принимали грибы и LSD? Читали Тимоти Лири и МакКену? Думали об открытии границ восприятия...

– Я и сейчас иногда об этом размышляю. Но я жил в Гоа и наблюдал там, как в такой фармацевтически продвинутой стране, как Индия, люди травились всяким синтезированным говном. И дать вам на это деньги – это уже уголовная статья, понимаете? Мало мне было других проблем в своё

время.

И тогда Арсений достал из кармана портмоне, положил его на стол и открыл. Оттуда, как из объёмной поздравительной открытки, поднялось, распускаясь, нечто вроде искусственного цветка, состоящего из узких и разноцветных бумажных лент. Хранясь в скученном виде, на свободе они распрямились, изогнувшись, как праздничный серпантин, предлагая отправиться в объятия радости и веселья.

– Возможно, вы измените своё мнение, когда это попробуете, – продолжал он, – Мой продукт я назвал «зодиак», потому что у него существует двенадцать разновидностей по количеству астрологических знаков. По силе воздействия они равны, а по образу отличаются друг от друга – каждый из препаратов обладает своим характером, совпадая с архетипом определённого знака.

Илюша печально вздохнул. Думаю, мысленно он уже проклинал своего знакомого, который, ничего толком не объяснив, привёл на встречу этого опасного практикующего мечтателя с астрологическим уклоном, который теперь пытается соблазнить его каким-то редким веществом, явно вызывающем эйфорию и, как следствие, привыкание.

В то время окраина Москвы уже плотно сидела на героине, в городе его было много, а кокаин из-за своей высокой стоимости был далеко не всем по карману. Поэтому мы сразу поняли бизнес-идею этого человека – синтезировать нечто элитарное, но не слишком дорогое, чтобы подсадить на него

так называемый средний класс – тех, кто два года назад стояли в очереди в недавно появившиеся банкоматы, в надежде успеть забрать собственные деньги, пока они не исчезли в общем коллапсе. А сейчас, когда люди немного оправились после катастрофы, этот химик рассчитывает на них, а так же тех, что сидят сейчас за соседними от нас столами, либо являются Илюшиными клиентами... Да, скорее всего он в курсе, чем Илья сейчас занимается и в будущем планирует наладить сбыт этой своей хрени для нормальной, не криминальной публики.

Илюша выпил остатки виски и задумался. Я понимал ход его мыслей, ведь взять хоть что-то из любопытства уже означало вступить с этим человеком в некие отношения, из которых иногда вытекают непредсказуемые последствия.

– Как мне это рассматривать? – спросил он, – В качестве навязывания своих услуг или подарка?

При слове «подарок» Арсений оживился, видимо, почувствовав некоторое проявление интереса к продукту своего труда.

– Это пробная демонстративная версия. Какой вы хотите знак? Свой собственный или примерить на себе чей-то чужой?

– Они что, действительно несут в себе разные психологические характеристики? – поинтересовался я, впервые за встречу заговорив с химиком, – Я что, буду вести себя как-то по-другому в привычных ситуациях?

До этого я молча пил свою алкогольную газировку, но все эти намёки о смене ролевых архетипов всё-таки привлекли моё внимание.

– Да, это как ненадолго изменить свой характер, – отвечал он, – Знаете, застенчивый человек ведь тоже способен на красивый поступок, только его приведёт к этому какая-нибудь длинная любовная история, так же и добрый руководитель способен стать очень жёстким, если его поставят надзирателем в судьбоносном для него деле. Это всё реальные, но медленные перемены, а моё лекарство делает это быстро, но на короткое время.

У меня по коже вдруг побежали мурашки. На мгновение я показался сам себе персонажем фантастического романа, которому предлагают таблетку, чтобы изменить собственные психологические установки. Сбросить балласт рефлексии и занять недостающие качества – именно этого мне всегда не хватало.

Чтобы крепко стоять на земле и – как мне тогда казалось – не идти по жизни в слепую, я принимал на веру всякие концепции, вроде тех, что надо быть успешным и востребованным. Окружая себя разными символами, я получал зависимость от них и жил в обычной ловушке молодого жителя большого города, ничего не подозревая об этом. Вот почему подобный эффект меня сильно заинтриговал.

– Я вот «весы» по гороскопу, но мне мой знак не очень нравится. Какой-то он слишком рефлексивный и уравнове-

шенный. Мне бы что-нибудь противоположное...

– Близнецы?

– Нет, это опять двойственность, а мне надо нечто действительное, типа «стрельца».

– Конечно, у меня есть Стрелец.

Илюша посмотрел на меня с любопытством, зная, насколько я в таких вещах осторожен.

– Ты действительно готов это попробовать?

– Да, мне хочется встряхнуться и ощутить перемены, а то я застрял этой осенью в образе какого-то погрустневшего Петрушки, который может превратиться в Пьеро, а я этого не хочу. Скоро зима и чтобы она стала для меня прекрасной, надо понять конкретную цель и работать над её достижением... Ну и выяснить насколько это отличается от обычного ЛСД.

После моих последних слов Арсений улыбнулся.

– Продукт очень чистый, – проговорил он, оторвав от одной из полос бумаги небольшой фрагмент, длиной в полтора сантиметра, – Это – Стрелец. Приятного аппетита.

Обрывок был оранжевого цвета. Я взял его и положил между страницами в «Московский дневник» Вальтера Беньямина – книгу, которая лежала у меня в сумке.

– Ну ладно, а мне дайте тогда моих «рыб», – неожиданно попросил Илюша, – Не хочу ловить чужие трипы, да и меня мой знак устраивает вполне.

И он молча принял в ладонь кусочек зелёной бумаги, хотя

по его виду было ясно, что до сих пор не решил, нужно ему это или нет.

После этого Арсений, сочтя свою миссию выполненной, попрощался с нами и ушёл. Телефона он не оставил, только электронную почту. Возможно, он был уверен, что раз мы взяли его штафф, то обязательно попробуем, после чего окажемся на крючке и сами выйдем на связь.

В зале тем временем уже не осталось свободных мест, он наполнился гулким шумом голосов, затем из динамиков хлынула задорная музыка. А мы сидели и размышляли, как нам поступить с этими, на первый взгляд ни к чему нас не обязывающими «подарками».

Конечно, нельзя принимать от незнакомцев странные бумажки с непонятными веществами. Как немного мнительный человек, я даже вспомнил обстоятельства смерти поэта и писателя Бориса Поплавского. Какой-то знакомый уговорил его принять вместе наркотики, а сам оказался самоубийцей, которому было страшно умирать одному, вот он и прихватил поэта с собой на тот свет за компанию.

– Ты уверен, что никто из старых врагов не пытается подсунуть тебе это и таким образом отомстить? – на всякий случай поинтересовался у Илюши.

– Старых врагов здесь уже нет, а новых я пока не завёл.

– Тогда что будем с этим делать?

– Может прокатимся завтра на парходике, пока навигация не закрылась? И там их употребим?

– Хороший план. Тогда я утром допишу для тебя концепцию для тех людей, которые придут в понедельник, и давай встретимся на Киевской.

Мы покинули ОГИ, когда там уже начинались пьяные танцы и попрощались у памятника Грибоедову, где я сел на тридцать девятый трамвай, поехав к себе в Замоскворечье.

На следующее утро, потратив несколько часов на написание текста, я, как и каждый день до этого, поехал в больницу, где лежала моя мама после второй операции, которая должна была убрать последствия неудачно сделанной первой. Там меня всегда накрывало ощущение медленной и необратимой тоски. Не смотря на свои частые посещения, я не мог долго там находиться – мне было тревожно и грустно, а желание как можно быстрее попасть в привычную среду и вытеснить из своих мыслей всё происходящее там, мешало мне воспитывать в себе сострадание.

В три часа дня мы вместе вышли из метро на площадь у Киевского вокзала – адского места, наполненного измученными пожилыми женщинами, торгующими чем попало, подозрительного вида шпаной с деревенским загаром и южным говором, мрачных милиционеров и каких-то стрёмных девиц в боевой раскраске, судя по их виду – безжалостных и опасных. Про местных же нищих Илюша сказал, что они хоть и недотягивают до индийских, ещё в детстве искалеченных таким образом, чтобы внушать людям ужас и сострада-

ние, но пугают его гораздо больше из-за своего дикого нрава и непредсказуемого поведения.

Стараясь побыстрее миновать это место, мы попали на пристань, а купив билеты, заняли хорошие места на готовом к отправлению катере, полупустом благодаря ещё не завершённом рабочему дню.

Отчалив, мы двинувшись в сторону Новодевичьего монастыря. Путь нам, как маяк, указывала высотка Университета, а прозрачный воздух ещё не тревожил пар из труб спящей всё лето ТЭЦ на Бережковской Набережной. Такие дни, полные бездонной небесной глубины хотелось продлить всеми доступными способами; пуститься в погоню за уходящим летом, прямо на юг, ступая босиком по горячим его следам.

– А ты не собираешься этой зимой опять куда-нибудь поехать, в жаркие страны? – поинтересовался я у Ильи, – Я бы тоже с тобой махнул, пока деньги есть.

Но в ответ он только отрицательно покачал головой.

– Сейчас всё самое интересное происходит именно здесь.

– Жаль, а то ведь я дальше Праги нигде и не был... Значит, придётся самому над этим поработать, – ответил я, надеясь, что моя профессия поможет мне путешествовать по миру.

Вообще, начало двухтысячных – это было время больших надежд.

– О, кстати, к нам ещё присоединится одна девушка, – вспомнил Илюша, – Сейчас я ей позвоню, чтобы она под села к нам у Дома на Набережной.

Уточнив у кого-то из команды, во сколько мы там окажемся, он коротко договорился о встрече.

– Слушай, мне кажется, её тоже надо угостить.

– И что ты предлагаешь?

– Давай немного оторвём от каждой из наших бумажек и ей отдадим.

– Знаешь, мне не жалко, но что произойдёт с этой девушкой, когда в её сознании случится конфликт между «рыбам» и «стрельцами»?

– Федь, по-моему всё это такая туфта! Просто что-то мягче прёт, а что-то жёстче. Конечно, какие-то кислотные сорта доставляют дискомфорт, поэтому про них и говорят, что вот эта добрая, а та злая. Но какие-то более сложные характеристики... Я в это не верю. Тем более она полгода работала администратором в клубе «Птюч» и её подобной хренью не удивишь.

– А-а, ну так бы сразу и сказал!

Цены на спиртное в убогом корабельном баре оказались непомерно завышены, но самым недорогим напитком там оказалось почему-то шампанское. Мы взяли бутылку, оторвали каждый по одной трети от своей бумажной полосы, оставив это для Илюшиной подруги, а остальное прожевали во рту, запив порцией «брюта» с щекочущими рот кислыми пузырьками.

В это время мы медленно проходили мимо Воробьёвых Гор, где деревья ещё не успели пожелтеть и это казалось

необычным – все последние годы осени выдавались пасмурными и дождливыми.

– Всё-таки во всемирном потеплении есть какие-то плюсы, – заметил я, ещё не подозревая о том, что изменение климата вскоре обернётся для нас сырыми и затяжными зимами.

Сидя на верхней палубе и подставив лица нежному сентябрьскому солнцу, мы ловили последние подарки безвозвратно уходящего лета, пытаюсь сберечь в своих телах его тепло, как в аккумуляторных батареях, согреваясь ими долгой зимой. В какой-то момент мне показалось, что мотор нашего корабля уж как-то слишком громко тарахтит, а затем я стал различать в его гудении ритмичную музыку. А когда мы миновали Парк Горького с нелепым турецким Луна-Парком на набережной и проходили под Крымским мостом, накрывшая нас тень поменяла нечто неуловимое внутри моего зрительного восприятия. Снова оказавшись на солнце, мир приобрёл некую глубину и я наслаждался открывшейся мне перспективой с видом на Стрелку и стоящего на ней Петра Первого. В этот момент у меня получилось увидеть родной город свежими глазами приехавшего сюда иностранца и эта набережная, бывшая заводская окраина, построенная из тёмно-красного кирпича, почему-то вызывала в памяти ранние стихи Маяковского и выглядела незнакомой, чужой и прекрасной.

Мы причалили у театра Эстрады, и на борт вошла Настя – очень милая и интеллигентная девушка с короткими

волосами и нежной улыбкой. Мне она сразу понравилась, а так как действие вещества к тому времени уже начало себя проявлять, то показалось, что от неё исходит едва уловимый мягкий свет. Не знаю, о чём именно думал в это время Илюша, но, наверное, именно тогда он в неё и влюблялся.

Взяв ещё одну бутылку шампанского, мы расположились на корме и попытались завести беседу, но в тот небольшой отрезок времени, когда тебя только прихватывает и начинает накрывать, все ощущения сосредотачиваются на внутреннем состоянии. Тогда хочется стать молчаливым и неподвижным, осознавая, как где-то в глубине океана твоего подсознания из-за сотрясения дна зарождается мощная волна цунами. Вот она формируется и, набирая высоту и скорость, идёт в сторону берега, чтобы обрушиться на него и смести все логические постройки твоего разума.

В такой момент я посмотрел в тёмно-коричневую воду Москва-реки и неожиданно прочувствовал весь ужас произошедшей месяц назад катастрофы, связанной с подводной лодкой «Курск». Тогда мы ещё не знали подробностей – только в октябре водолазы вскрыли отсек и нашли предсмертную записку в кармане кителя капитана, но я вдруг представил обстоятельства смерти экипажа, задохнувшегося при пожаре в этой напичканной современным оборудованием машине смерти для выпуска атомных торпед и самой напоминающую формой боевую торпеду.

Тогда я достал блокнот, ручку и написал стихотворение:

В Баренцевом море
Ветер и туман,
Дремлет под водою
Сомкнутый капкан.
И никто не вскроет,
Лето – не придёт,
Нам никто с тобою
Глаз не отведёт.

– Ты что, фиксируешь ощущения? – поинтересовался
Илюша.

– Нет, просто пишу.

– Можно, я взгляну? – попросила Настя.

– Да, конечно, – я протянул ей блокнот.

– Что ж, начало трипа у вас хоть и не весёлое, но вдумчивое, – проговорила она, прочитав, – Именно это мне сейчас и надо. Давайте, что там у вас, я тоже это приму.

Мы как-то сразу оживились, выдали Насте обрывки наших бумажек, и она бросила их в шампанское, как это иногда делают на новый год, выпивая и проглатывая записку с загаданным в ней желанием.

– За прекрасную осень и идущую за ней зиму, – произнёс я нечто вроде тоста, – И чтобы она не была с нами слишком жестока.

Однако мой оптимистический порыв остался без отве-

та. Грохот корабельного мотора сдавливал ставший восприимчивым слух и сквозь него явно проступал чужеродный шум, напоминающий шипение пузырьков в шампанском или треск работы сварочного аппарата. Мы слишком поздно поняли, что сами себе всё портим – нам следовало бы отправиться на прогулку в тихое место среди деревьев, где-нибудь в Нескучном Саду, а не сидеть в тархтящем катере, нюхая дым солярки, но сейчас как-то переиграть ситуацию уже невозможно – прихватившее нас вещество оказалось совсем не весёлым, а вдумчивым.

Мы неотвратимо погружались в себя и разобщались, занятые осмотром собственных глубин, поднимая с неподвижного дна осколки и обрывки невысказанного – а это занятие требует серьёзной сосредоточенности. Да и на уровне обычных телесных ощущений всё тоже протекало непривычно. Шампанское просто стекало по пищеводу, как вода в сток раковины, а из процесса курения полностью ушло удовольствие, оно не вызывало теперь никаких ощущений, даже неприятных. Сигарета казалась сделанной из пластмассы, а её дым вовсе не будоражил, став каким-то нейтральным, и я даже обрадовался, что смогу теперь запросто бросить это бессмысленное занятие, но, разумеется, ошибался.

Короче, к концу поездки мы очень сильно прибились. Когда наш корабль причалил напротив Новоспасского монастыря и маленького пруда перед ним, на берег мы сошли какими-то изумлёнными, как космонавты, ступающие в своих

неудобных скафандрах на поверхность незнакомой планеты. Медленно шагали по трапу, внимательно смотря не перед собой, а куда-то внутрь. Со стороны могло показаться, что мы только что получили какое-то трагическое известие и вот теперь его перевариваем. Впрочем, такие же застывшие выражения лиц бывают у сильно пьяных людей, перед тем, как они начинают падать или что-то выкрикивать, как правило, они уже находятся в фазе беспамятства. Однако наши мозги работали сейчас с быстротой разгоняющегося компьютерного процессора. Каждый структурировал в своей голове биты информации, мысли имели столько разветвлений, что их трудно было одновременно удерживать в голове, отсюда и возникало это ощущение изумления. Но, скорее всего, нас удивляли даже не мысли, как таковые, а сам механизм их воспроизведения, словно мы впервые обратили внимание на то, как устроен наш разум и теперь сокрушались, что не используем его возможности в полную силу.

Мне хотелось побыть одному, но одновременно и с кем-то общаться, но потом я понял, что вести диалог легче всего с самим собой. Мы как-то быстро попрощались и Илюша с Настей, поглощённые обработкой собственных мыслительных ощущений, даже не удивились, что мы расстаёмся. Всё в этот момент было скомкано и сумбурно, они явно спешили, но сами не понимали, куда именно, а я остался на берегу пруда, разглядывая отражение куполов монастыря, и совершенно не понимал, что делать дальше. Не представляя,

каким должен стать следующий пункт моего назначения и как до него добраться, потому что поездка в метро в таком состоянии была равнозначна прогулке по наполненному чудовищами Бестиарию, а ловить машину не имело смысла из-за пятничных пробок.

Но внезапно я осознал, что нахожусь неподалёку от Крутицкого Подворья, где осенью после окончания школы семь месяцев проработал в реставрации помощником каменщика. Именно там мне и стоило сейчас оказаться и, как только я обрёл цель, собранно и бодро двинулся для её исполнения, всё встало на свои места, и мой маршрут пролёг мигающей пунктирной линией по воображаемой карте.

Довольно скоро я попал в тихое пространство этого памятника архитектуры – большой двор с Успенским собором, окружённым каменными палатами и галереями между ними. На территории я не заметил ни одного человека, но, судя по всему, реставрационные работы до сих пор продолжались. Ноги сами принесли меня в дальнюю часть комплекса, к Воскресенской церкви, которую мы восстанавливали после того, как она много лет была жилым домом. Здесь я научился класть кирпичи и писал свою первую повесть, которая так и осталась неоконченной россыпью рукописных фрагментов.

Я взглянул на крышу, которую мы укрепляли кладкой и обшивали досками, вспомнив, какой трепетный вид открывался с неё на Москву. Ровно девять лет назад, в сентябре

1991 года, стояла такая же чудесная погода. Облокотившись на стропила, я смотрел на уютное Замоскворечье и ажурную Шуховскую башню, а за ней сверкала на солнце золотая вершина здания Академии Наук, далёкая, как мечтания семнадцатилетнего юноши о необычных открытиях, творческих прорывах, судьбоносных встречах с единомышленниками и, конечно, любви.

И тогда я понял, что пришёл сюда в поисках подсказок, способных сообщить мне, как выстраивать свою жизнь в дальнейшем, а благодаря принятому веществу казалось, что они где-то рядом – как в зоне моего сознания, так и в окружающих повсюду деталях. И если я сумею их обнаружить, то смогу создать себе в помощь некую схему, типа таблицы Менделеева.

Обойдя церковь против часовой стрелки, я заметил открытую железную калитку и попал через неё в узкий двор, огороженный Набережными палатами, за которыми начинался обрывистый спуск к невидимой отсюда реке. Так я и оказался в давно забытом мной заповедном пространстве. Одним из тех, где в потайных складках большого города полностью прерывается течение времени, там кирпичные стены заросли диким виноградом, а под ногами поблёскивают остатки ушедших в землю каменных плит.

Пытаясь сосредоточиться сквозь клокотавший внутри меня кислотный сумбур, я подобрал несколько обломков старых кирпичей из небольшой кучи, чёрным маркером напи-

сал на них слова «страх», «эгоизм», «лень», «творчество», «любовь», «красота», «страдание», и принялся раскладывать их на полу. В тот момент мне казалось, что, воспользовавшись логикой причинно-следственных связей, я смогу вывести единую формулу для всех этих элементов.

Конечно, со стороны это выглядело, как занятие глупое, но именно таким образом я проводил сеанс воздействия на свою страдающую невротами психику, в процессе убедившись, что менять стоит не себя, а само своё отношение к себе и миру вокруг. Все мои построения неправильны изначально, а каждое чувство самоценно и неотделимо от нас самих, но его можно просто отложить в сторону, чтобы оно всё так же присутствовало, но не доставляло тебе беспокойства.

Вот тогда я и вспомнил ритуальную игру своего глубокого детства, поступив с осколками камней тем же образом – брал в ладони каждый из них, устанавливал эмоциональную связь с написанным на нём словом, присматривал для него подходящее место во дворе и оставлял там.

И, кажется, мне это помогло, потому что уже безо всякого страха перед обитателями подземелья я спустился в метро.

Странно, но там, внизу, уже царилась осень, отметив человеческие лица своей тусклой печатью. Я ехал в вагоне, который очень сильно качало, напоминая какой-нибудь раздолбанный поезд «Москва-Севастополь» и мне вдруг очень сильно захотелось поехать на нём вслед за ускользающим ле-

том, очутится в середине октября на пустом пляже ещё тёплого моря и там отпраздновать свой день рождения. Но только стартовать туда мне было не с кем, а путешествовать в одиночестве я ещё не решался, оценив всю прелесть таких поездок только после тридцати лет.

На переходе с Таганской радиальной на кольцевую меня вдруг неожиданно взяли под руки двое каких-то стрёмного вида парней и, выведя из толпы, поставили спиной к стене перехода. Один из них, высокий и худощавый, навис надо мной и глаза его непрерывно бегали из стороны в сторону, а второй, такой же маленький, как я, был совсем страшный, с печатью вырождения на лице, низким лбом и похожим на пятачок носом. Судя по всему, он и играл в их дуэте роль пугала. Приблизив ко мне вплотную своё лицо, он приоткрыл рот, дыхнув гнилью и обнажив потемневшие кариесные зубы.

Сама ситуация показалась мне немного жутковатой, но я тут же вспомнил, что мой страх – это всего лишь обломок кирпича, просто эмоция, которую я могу пережить и отбросить.

– Здорово, ты из Люберецких знаешь кого? – с налёта спросил он, и когда вместо ответа я промолчал, то продолжил, – Нам нужны деньги. Одолжи немного.

– Нет, – я отрицательно покачал головой, – Всё, что у меня есть нужно мне самому.

Такой реакции они явно не ждали, поэтому с удивлением

переглянулись.

– Давай я въеду ему прямо здесь? – с готовностью предложил Маленький своему поделщику, одновременно следя за моей реакцией.

– Ты чё не видишь, он вскрытый, оставь его! – неожиданно занервничал Длинный.

Он взял своего приятеля за плечи, отворачивая его от меня, словно переключая на другую цель своего натасканного пса, но тот ещё успел бросить мне:

– Живи пока!

И они нырнули в человеческую реку, внезапно исчезнув в этом потоке, а я проследовал дальше на кольцевую линию.

Эта попытка ограбления, как ни странно, оставила меня равнодушным – я отнёсся к тем существам, как к падальщикам, стоящим в самом низу пищевой цепочки хищных животных или карикатурным персонажам, типа Винтика и Шпунтика – именно по этим причинам им не удалось меня напугать.

Гораздо больше мои мысли в тот момент занимало жёлтое табло перед тоннелем, где показывалось точное время и его количество до прибытия поезда. Тогда мне нравилось, случайно проходя мимо, обнаружить там симметричные или одинаковые цифры, вроде 13.31 или 22.22. Это представлялось мне неким кодом к будущему счастью, поэтому я так обрадовался когда, садясь в вагон подъехавшего поезда, заметил, как знаки времени на электронном циферблате слов-

но специально для меня на мгновение замерли в виде трёх одинаковых чисел 18.18.18.

Выйдя на Добрынинской и попав в вечерний пятничный пик, когда все возвращались со своих работ, я скользил мимо людей, как сквозь заросшее высокими травами поле, а когда подошёл к переходу на Серпуховскую, чтобы подняться наверх уже оттуда, то встретил Лиду.

Её я узнал сразу, за эти годы она стала только красивее и теперь спускалась по ступеням прямо ко мне навстречу.

– Лида? – удивился я, – Здравствуй.

А она как-то осторожно улыбнулась, сказав мне: «Привет». Первое слово через девять лет – о, опять этот временной промежуток – со времён окончания школы.

Она была той самой девочкой в нашем классе, с которой у меня сложились доверительные отношения, но дружили мы только внутри школьных стен – у меня тогда уже были совсем другие компании, я даже не остался на дискотеку выпускного вечера и с тех пор мы больше не виделись.

– Давай выйдем на улицу, – предложил я, после того, как мы безуспешно попытались обменяться несколькими фразами посреди бурлящих завихрений человеческого водоворота, – Здесь нельзя говорить.

– Пошли, – сразу согласилась она, – Правда у меня не так много времени.

Конечно, мне было интересно всё про неё узнать, но особо

задавать вопросы – а я в своём состоянии остерегался лиш-
ний раз это делать, чтобы не ляпнуть невзначай нечто стран-
ное – мне не пришлось. Как только мы понеслись вверх по
ленте эскалатора, она начала сама.

– Я только что из посольства, мне дали визу, и я, Федь,
рассталась с женихом со своим, а теперь уезжаю в Ирландию
работать.

– В Ирландию? Но там же холодно... – я был так удивлён,
что зачем-то ещё добавил, – Да и пьют много...

– Ну, не больше, чем у нас. Кстати, на счёт выпить – после
сегодняшнего стресса мне это необходимо. Я сейчас еду к
подругам на мои проводы, но раз уж мы так странно встре-
тились, то нужно раздобыть пластиковые стаканы.

– Но почему не в более тёплую страну, в Испанию, напри-
мер? – поинтересовался я, когда, купив всё необходимое, мы
прошли мимо храма Вознесения Господня за Серпуховски-
ми воротами.

– А ты думаешь, у меня есть выбор? Во Францию меня не
взяли, а я нормально знаю только два языка.

– Круто. Я-то вообще ни одного. И что ты там будешь де-
лать?

– То, чего не умеют и не хотят делать местные, – загадоч-
но ответила она, при этом лицо её никакой радости не выра-
жало, а над бровями проступили морщины.

Тем временем мы оказались во дворе дома, бывшего ко-
гда-то городской усадьбой, где на втором этаже ещё уцеле-

ла выступающая полукругом застеклённая терраса летнего сада. Его я обнаружил совсем случайно, много раз проходя мимо ничем не примечательного фасада, а двор стал теперь совсем миниатюрным, перекрытым забором соседней стройки. Помещались там только двойные качели, клумба и давно стоящая здесь, похожая на жука старая «Волга».

Это было ещё одно заповедное место, но оно слишком обветшало и уже не выдерживало натиска времени; на его крыше росли деревья, а в единственной квартире, где вечерами горел электрический свет, окна всегда были занавешены шторами, оттуда не доносилось ни звука. Казалось, про него все забыли – и районные застройщики и историки из Архнадзора; теперь дом будет много лет медленно разрушаться сам по себе, пока город не поглотит его и переварит.

Мы сели на качели напротив друг друга, и Лида достала из пакета бутылку иностранного игристого вина, скорее всего поддельного, хотя уверяла меня, что купила её в проверенном магазине.

Впрочем, мне было все равно, где его изготовили, в Италии или Рязани; важно было само сочетание алкоголя, пузырьков углекислого газа, двора дома с почти двухсотлетней историей и покидающей страну Лидой, с которой меня связывала сейчас трепетная грусть по нашим несостоявшимся отношениям.

– Представляешь, у меня ведь даже мозгов не хватило телефон у тебя попросить, – сказал я, открывая бутылку с

пробкой, как у шампанского, – Я тогда думал – всё, школа кончилось и всё связанное с ней тоже, только потом уже пожалел, спустя годы.

– А у меня твой всегда был. Я взяла его у Ярославы, её мама состояла в родительском комитете, у неё все номера были.

– И чего ты не позвонила?

– А зачем? Ты ведь даже ушёл с выпускного, тебе всё это было неинтересно. Впрочем, думаю, ты сам давно понял, как бессмысленно цепляться за своё прошлое.

– Тогда за твой отъезд, – сказал я, протянув стакан, откуда слышалось мощное, как мне показалось, шипение, напомнимшее шум в голове, оставивший меня лишь после визита в Подворье.

– Да, за отъезд.

Мы чокнулись, выпив сразу по половине, и пузырящаяся безвкусная жидкость снова беспрепятственно стекла по пищеводу в желудок.

Я рассказал ей, что только недавно защитил диплом, она поздравила меня со съёмками фильма и добавила, что поступила в Университет уже на следующий год после школы. Поэтому уже три года работает переводчицей в каких-то пафосных, но скучных компаниях, а мечтала стать гидом-экскурсоводом, общаться с интересными людьми, а не с сухарями от бизнеса, но туда не проникнуть из-за мафии суровых, ещё советских интуристовских тёток, поэтому уезжает

теперь безо всякого сожаления.

– Я всего на один год, если мне не продлят контракт.

– Но ведь многие остаются просто потому, что там просто жить комфортнее, чем у нас.

– Посмотрим, тем более я верю, что тут тоже что-то изменится.

И она лихо опрокинула стакан, допив шампанское. А я смотрел на неё и улыбался.

– В Университете ты, наверно, тоже была отличницей с хулиганским уклоном?

– Ну уж не буду скромничать, всякое бывало... А помнишь, как мы шли из школы к метро и ели твои бутерброды с колбасой? – неожиданно спросила она, – И ты рассказывал, как на колбасной фабрике ненасытные крысы от жадности падают в фарш и становятся частью их начинки?

– Да, а ты жила так далеко от школы, где-то в Чертаново...

– У нас же был экспериментальный класс, туда многие со всей Москвы приезжали.

– Ты ещё рассказывала про свою подругу, которая в вагоне метро и на эскалаторе может на пол сесть, а я ответил, что тоже так делаю.

– Да, ты меня удивил. И ещё когда пришёл в последний класс первого сентября на линейку, весть такой кудрявый и рассказал, как ездил в Крым автостопом и был на нудистском пляже... Я ведь думала, что ты такой ботаник!

– А помнишь, как ты меня демонстративно обняла, и я

тебя тоже, на глазах у чувака, который к тебе подкатывал!

– Ага! – и мы вместе засмеялись.

Тогда мне захотелось пересесть на сидения рядом с ней и обнять, но я не решился, испугавшись, что под действием кислоты на ощупь она окажется такой же пластиковой, как и всё остальное. Впрочем, выпитый стакан шампанского так её взбудоражил, что она совсем не замечала моего не совсем обычного состояния, а может, всегда считала меня странным юношей.

– Ладно, у нас бы всё равно ничего не получилось, – сказала она после недолгой паузы.

– А нам просто не надо было хотеть что-то друг от друга получить, – неожиданно для самого себя ответил ей я.

Тогда она сама пересела ко мне и обняла, благодаря чему наше сидение опасно накренилось, как деревянная шлюпка во время шторма.

– Извини, но мне уже пора. Я слишком поздно встретила тебя. Моя московская история закончилась час назад с получением визы.

– Значит, я стал её финалом.

– Да, и хорошо, что именно ты ...

Заключительную часть нашей встречи можно было озаглавить как: «Одноклассники целуются на качелях девять лет спустя после того, когда им надо было это сделать». Оба мы понимали, что, скорее всего, никогда больше не увидимся. Лида попросила не провожать её до метро, сказала мне на

прощание: «Береги себя», а затем добавила: «И завязывай с тем, что ты сегодня употреблял...», чем на несколько секунд повергла меня в состояние шока и быстро ушла. Я же остался допивать шампанское и курить, покачиваясь на качелях, ощущая в глубине сознания необычные перемены.

Этот поцелуй потревожил моё сердце, разбудив в нём щемящее чувство грусти, а когда оно проникло в разум, то и перестало подпитывать моё эго. Меня словно развернуло на сто восемьдесят градусов, и я под другим углом взглянул на окружающих и моё отношение к ним. Собственно, этому нас и учили на сценарном факультете – ставить себя на место персонажа и оценивать события с его точки зрения, но я только сейчас понял, что это надо применять и к живым людям. И ещё вдруг осознал, что всегда много врал, зачастую без всякой для себя выгоды, просто чтобы рассказать что-то интересное, и всё эти годы был так заиклен на собственных ощущениях, что не замечал их мелкость, скудность и однообразие.

...В тот вечер я больше не строил планов и не стал принимать какого-либо рода действия, отказавшись от самого момента выбора становиться «стрельцом» или вообще кем-то, кем я не являюсь. Это решение успокоило меня, а когда действие вещества перешло в новую стадию, я занимался тем, чего давно уж не делал – до глубокой ночи по памяти рисовал виды сверху на московские крыши, такие уютные и пустые.

На следующий день, приехав в больницу к маме, я заметил, что больше не испытываю страха или отторжения, идя по её коридорам. Я просто принял эту ситуацию, не прячась за искусственной стеной равнодушия.

Мама рассказала, что утром пришли результаты анализов и улучшения начались, но ей придётся провести здесь ещё три недели – среди ещё четырнадцати пожилых женщин, в огромной палате – таких я ещё никогда не видел, но ведь это была старейшая больница Москвы. Конечно, это расстраивало, но зато давало надежду на исцеление, потому вся эта история с последствиями неудачной операции и сменой лечебных заведений началась ещё в июне, и уже порядком её измотало. А здесь ей действительно могут оказать помощь.

Там в палате, среди запахов лекарств и каких-то старческих выделений я поцеловал её, взял за руку, и меня накрыло такими волнами сострадания, чего не случалось уже лет пять, с тех пор, как мне самому было очень плохо при протекании процесса, называемого «взрослением».

Когда я уходил, глаза мои блестели, наполнившись жгучей влагой, мне пришлось идти промывать их в местном туалете. Выглядел он печально, под стать всей Первой Градской больнице, основанной на деньги князя Голицына для самых малоимущих слоёв населения, а покинув её пределы и ощущая себя змеёй, сбросившей старую кожу и ещё не успевшей нарастить новую, я думал о человеческой боли, физической

и душевной, существующей для того, чтобы испытывать радость жизни от одного только её отсутствия.

Уже вечером, проанализировав последние сутки, я пришёл к выводу, что никаких перемен характера у меня вчера не происходило. Выходит, все эти бумажки-промокашки с зодиакальными символами – всего лишь глупая псевдозагадочная интрига, чтобы заинтересовать интеллигентных людей необычным приключением и сделать постоянными покупателями, то есть подсадить, потому что стимуляторы просто приносят уверенность и ещё под ними можно много работать – для этого их и употребляют.

Но с другой стороны, кое-что изменилось, ведь в процессе вчерашних размышлений я лишился настолько глубоких страхов, о существовании которых даже не подозревал и просто открылся миру, не постеснявшись собственного сострадания.

Однако у Илюши всё прошло по-другому. После подробного телефонного разговора мы оба пришли к выводу, что так, как он осознавал и ощущал себя прошлым вечером и ночью, в классической психиатрии называется «мания величия». Он даже написал концепцию своего дальнейшего развития и теперь не мог понять, чего же в ней больше – ложного ощущения избранности или фантастической глупости. Сейчас же он стеснялся этого состояния, но Илюше хотелось повторить его ещё раз – видимо, оно сильно ему понрави-

лось. Поэтому, стараясь рассуждать здраво, он признал «зодиак» слишком опасным веществом.

– Знаешь, а со мной ничего ужасного не случилось. Наоборот, я кое-что понял.

– И хотел бы снова ощутить подобное? – настороженно поинтересовался Илюша.

– Думаю, теперь это есть во мне самом.

– По-моему это ещё хуже.

– Даже если речь о бережном отношении к другим людям?
– У меня одна знакомая художница, когда у неё обострилось чувство сострадания, на глазах у своего мужа пустила жить двух бомжей к себе в мастерскую. Надеюсь, ты к подобному не придёшь.

– Ну, это явно расстройство психики...

– А от наркотиков с ума люди и сходят, уж поверь мне, как я в Индии этого насмотрелся! То, что мы употребили – была, по ходу, какая-то суровая смесь стимуляторов с психоделиками, а своей болтовнёй он просто пытался нас заинтриговать. И хорошо, что мы ещё немного приняли! – заключил он в конце нашего разговора, – Я этому знакомому, который нас свёл, уже сказал, что больше никаких с ним дел иметь не хочу, а что касается Арсения... Я бы сам сдал его мусорам, если б не знал, как там у них всё работает! Но пусть лучше люди едят обычные промокашки или кокаин нюхают – у кого деньги есть, только не надо им по недорогой цене таблетки для безумия раздавать! И, думаю, я найду способ, как ему

помешать.

В последующие дни, поглощённые текущей работой, к этой теме мы с ним не возвращались. Лишь однажды Илюша упомянул о Насте, которую той ночью посетило состояние влюблённости, и она, стараясь быть откровенной, рассказала ему слишком много подробностей из своей жизни, испытав затем настолько сильное чувство неловкости, что у них так ничего и не сложилось.

Тем временем тёплая осень Года Дракона продолжалась, но где-то за её пределами уже формировались событийные линии возможного будущего, рождавшие смутное ощущение тревоги. Приближался ноябрь, а вслед за ним и зима, которая больше не казалась мне прекрасной, и я теперь не совсем понимал, куда мне двигаться дальше. Не смотря на видимость некоторого оживления кинопроцесса, конкретной работы у меня по-прежнему не было, только смутные предложения сделать что-нибудь на перспективу. Конечно, я писал бесплатно для выпускников режиссёрского факультета и пытался общаться с какими-то мутными людьми, гордо называвшими себя кинопродюсерами, но что из этого выйдет, оставалось неясно.

Наши же отношения с Илюшей стали меняться в сторону совсем рабоче-исполнительских, складываясь по принципу «начальник-подчинённый», и чем больше мы зарабатывали денег, тем более официальными они становились. По-

добные истории слишком часто заканчиваются взаимными упрёками, обидами и последующими ссорами, поэтому, когда мою маму выписали из больницы и, почувствовав себя лучше, она вернулась к работе, я уже понял – мне придётся уйти. Конечно, тогда я потеряю единственный стабильный источник доходов, но зато сохраню с ним хорошие отношения, поэтому мы решили добить все совместные дела за остаток года и расстаться как сотрудники компании, дабы сберечь нашу дружбу.

Через пару месяцев, уже в конце ноября, Илюша как-то обмолвился, что передал адрес электронной почты Арсения одному своему партнёру, имеющему связи с ФСБ.

– Вот пусть они на него выйдут и решат, что с ним делать, – мрачно прокомментировал это он.

И действительно я больше никогда не слышал про «зодиак». Возможно, он так и не попал на подпольный рынок благодаря Илюше, но есть и другая версия. ФСБ-шники вышли на Арсения, но не стали его закрывать, а заставили работать на себя и Илюша, сам того не желая, добился того, что они получили в своё распоряжение сильнодействующее и не слишком затратное в исполнении вещество, дающее уверенность в собственной правоте и, судя по всему, возродившее былое могущество этой организации.

А что же касается лично меня – спустя много лет я заметил, что любой алкоголь – особенно крепкий – действует действительно странно – будто при его приёме в сознании

что-то переключается и меня как-то по-кислотному накрывает. Вполне допускаю, что это и есть долгоиграющие последствия того приёма «зодиака», поэтому после тридцати пяти я практически перестал пить все эти невкусные московские коньяки и вискари.

И ещё с тех пор я больше не интересуюсь гороскопами.

Ярость

Весь март две тысячи пятого город заметало снегопадами так, что специальные службы не успевали вывозить тяжёлый рыхлый снег на окраины и в конце месяца вдоль дорог образовались спрессованные горы с человеческий рост. Мы даже шутили, что милиционеры должны ездить теперь на лыжах.

Первого апреля небо над Москвой распахнулось и столичные жители, слеповато прищуриваясь, как кроты, наконец увидели долгожданное солнце. За неделю сугробы опали и потемнели, но не исчезли, напоминая выброшенные на пляж туши китов, которые начали разлагаться. Вечерами идущие с работы люди пили прямо на ходу пиво, а пустые бутылки вставляли в их покрытую чёрной сажой твёрдую корку, благодаря чему они ещё больше стали напоминать остовы скелетов, проступившие под сгнивающей плотью. Неубранные и дикие, эти горы снега превращали облик залитого солнцем весеннего города в усеянные мёртвыми телами каменные бухты – именно таким он мне и представлялся в тот день, когда я шёл на свадьбу к продюсеру.

До нового года я писал диалоги для мыльного сериала и эта работа мне понравилась. Главным качеством там выступала дисциплина и умение не нарушать сроки, а из тех подробных поэпизодных планов, которые высылали мне каж-

дый четверг главные авторы, речи персонажей складывались легко и органично. Меня даже ни разу не попросили что-либо переписать, все правки редакторы вносили сами, и я только приезжал к ним раз в месяц получать деньги. Правда к лету, по моим расчётам, они должны были кончиться, но сейчас я переписывал свой полнометражный сценарий для продюсера, который был, как мне казалось, заинтересован в его постановке и даже пригласил меня на свою свадьбу. Впрочем, случилось это благодаря тому, что для организации всего действия я свёл его с Илюшиной конторой, а сам Илюша тоже должен был там присутствовать – одновременно в качестве гостя и работника.

Я не понимал, что можно преподнести в подарок человеку, у которого и так всё есть, даже яхта. Поэтому зашёл в книжный магазин «Москва» и купил там хороший альбом репродукций лучших – по мнению его составителей, картин двадцатого века – уж на их подлинники ему точно денег не хватит. Больше я ничего дарить не собирался – пусть сначала запустит мой проект и сам мне заплатит. А на сегодняшние знакомства с другими продюсерами и дальнейшее сотрудничество с ними я тоже особо не рассчитывал, потому что шёл на большую пьянку, где все сделанные предложения и розданные обещания не стоят и выпитой этими людьми водки.

Происходило всё это в каком-то одноэтажном павильоне Парка Горького, где в то время царило безлюдное запустение, но мне нравилось бывать тут ранней весной и поздней

осенью, проходя мимо пустых аттракционов, где горели огни и играла музыка, ощущая себя персонажем фантастического рассказа про город невидимок.

Погода в тот день оказалась необычайно теплой благодаря южному циклону, который уже вызвал ряд смерчей в Орловской и Курской областях, а теперь, потеряв силы, мягко обволакивал просторы столицы. Зайдя в парк со стороны Первой Градской больницы, где пять лет назад лежала моя мама, я явно ощутил среди сугробов и голых веток какое-то внутреннее движение, едва уловимые вздрагивания или вздохи готовой к пробуждению природы, а подходя к распахнутым дверям, откуда уже доносилась музыка, испытал некоторое возбуждение перед праздником.

Я специально пришёл позже, когда все уже сядут за стол, чтобы не участвовать в этих ожиданиях, когда мужчины в пиджаках многозначительно курят на улице, гораздо интереснее было посмотреть на них сейчас, когда они ослабили галстуки и стали болтливы. Я назвал свою фамилию охранникам на входе, они отметили её в списке и пронумеровали мой подарок, который я сдал в специальное хранилище и занял свободное место в конце одного из трёх праздничных столов.

Звали продюсера Виктор Тупоруков. Чтобы отстраниться от своей крестьянской фамилии, он элегантно одевался, не ходил, как некоторые мосфильмовские кадры, в старых сви-

терах и со щетиной, от него всегда хорошо пахло парфюмом Hermes, и при мне он даже не матерился. Впрочем, с кино у нас в результате так ничего и не получилось.

Зато сегодня у него всё было отлично и он справлял свадьбу с красивой молодой блондинкой робкого вида, трепетной и смешливой. Однако, услышав разговоры в своей дальней части стола, я обнаружил, что не всё так просто. Это была дочь голливудского продюсера второго или третьего эшелона, имевшего армянские корни, а ради брака с ней он расстался со своей московской невестой.

Да, хорошо иногда бывает садиться с краю, среди маргинальной части приглашённых, где, вдалеке от почётных гостей все шушукаются, комментируют речи поздравительных тостов и пародируют их. Эти люди сразу предложили мне виски, но я пил вино, собираясь оставаться как можно более трезвым, ведь нет ничего глупее, чем напиться на глазах у человека, с которым ты рассчитываешь на финансовое сотрудничество.

Илюшу я заметил сидящим ближайшим от служебных помещений столом, и мне стало любопытно, какого рода развлечения и сюрпризы он приготовил, ведь пока они заключались лишь в скрипичном оркестре, состоящем из украшенных цветами весенних нимф лет двадцати.

Роль тамады исполнял какой-то человек, который казалось, знал всех присутствующих. Его работа в этом и заключалась: самим своим существованием он опровергал вы-

ражение «хороший парень – это не профессия» и производил впечатление человека, способного совершить любую социальную коммуникацию и – если ты ему, конечно, понравишься – мог познакомить тебя и с надменной красавицей и представить проверенному драг-дилеру.

После выкрика «Горько!» откуда-то сверху посыпались лепестки роз, а благодаря воздушной пушке они разлетелись по всему залу.

– Какая пошлятина! – прокомментировал мой сосед слева, – Они бы ещё живых бабочек выпустили, чтобы они тут все потом передохли!

– Или кошечек с бантиками, а ещё лучше стиптизёрш! – подхватил сосед справа, подливая себе виски.

– Так это ж свадьба, а не мальчишник, – поправил его кто-то из сидящих напротив, – И он, говорят, был вчера, только нас туда не позвали.

Ответом ему послужило гробовое молчание – развивать эту тему никто, почему-то, не стал, а мои соседи засмотрелись на мужчину и женщину в итальянских карнавальных масках. С помощью овальных трубочек они выпускали мыльные пузыри и, по идее, должны были создавать кинематографическую атмосферу, однако не вызывали ничего, кроме недоумения – это чем-то напоминало детский утренник, хотя пузыри у них действительно были большие, радужные и красивые.

Встав из-за стола покурить, я увидел выходящего из под-

собных коридоров Илюшу, который коротко сообщил, что утверждённая программа вечера под угрозой срыва. В другой же части зала посетителей банкета развлекал пират на костылях и повязкой на глазу, чей пропахший мосфильмовским нафталином костюм сохранился, видимо, ещё со съёмок сериала моего детства под названием «Остров сокровищ». Зато на плече у него сидел большой попугай и вытягивал из шляпы «билетики счастья», вручая удивлённым гостям надписи вроде «свою любовь вы найдёте в морском круизе» или «на рассвете вас разбудят хорошие новости».

Мне тоже надо было развлечься общением, но все тут разделились на небольшие компании, которые стояли с каким-то совершенно заговорщицким видом, как римляне на форуме перед убийством Цезаря, и присоединиться к ним было невозможно. Одна лишь невеста заливисто хохотала и о чём-то быстро тараторила по-английски в компании расфуфыренных девиц с цепкими взглядами, скорее всего – креативных продюсерш, которые начальствуют над редакторами и говорят авторам, какой именно продукт ждут от них студии.

Только какая-то общительная женщина выпила со мной вина, и, как выяснилось, она является «вторым» – так называют «режиссёров по площадке», в обязанности которого входит контролировать весь съёмочный процесс и решать любые вопросы, поэтому она легко перемещалась от одной компании в другую и со всеми могла поддержать беседу.

Именно от неё я и узнал, что все тут ждут приглашённую звезду, имя которой пока держится в тайне.

К тому времени перестали раздаваться и выкрики «горько» – гости как-то позабыли о поводе, по которому тут собрались и увлеклись разговорами о работе. Я тоже вступил с кем-то в беседу и не заметил, как во главе стола разгорелся спор об адаптации русской классики для сериалов, а жених, будучи уже сильно нетрезв, громко заметил:

– А вон там, в конце стола скромно сидит сценарист! – Виктор указал прямо на меня, и я немного удивился, что являюсь тут единственным представителем своего цеха, – Он вам всё и расскажет! Но имейте в виду, что у меня его переманить вам денег не хватит!

«Да что он несёт, он же мне ни копейки не заплатил!» – подумал я, но не стал удивляться, потому что это были обычные продюсерские понты.

Но именно после этого ко мне и подошёл спортивного вида пожилой дядечка с усталым лицом, в котором я сразу узнал известного режиссёра, снявшего ещё в советские времена несколько хороших фильмов. Мы с ним немного поговорили, обменялись телефонами, и позже случилось так, что я стал с ним работать.

Затем внимание гостей привлёк необычный клоун с шикарным номером про гибель и возрождение любви. Это было совершенно пронзительное выступление мима в традициях

Леонида Енгибарова. Глядя на него, у меня случился непровольный сердечный спазм, двери моих чувств распахнулись, и я понял, что никому не хочу приносить боль, как бы мне самому в этот момент не было плохо. Мне захотелось побыть немного одному, и в сумерках я очутился на улице. Обошёл весь фасад, чтобы не слышать звуки неожиданно заигравшей музыки и зашёл за угол. Там было уже совсем темно, поэтому я не заметил двух мужчин в длинных чёрных пальто. Лишь когда один из них бросил на асфальт сигарету и её искры рассыпались маленьким салютом, я понял, что стою не один, и услышал их голоса.

– Да у Вити не осталось больше вариантов, чтобы этот долг погасить, в кинопроизводстве ему отказали, а кредит уже не дадут, ему просто нечем возвращать.

– Пускай яхту свою продаст.

– А она и не его совсем.

Я отступил, чтобы уйти, но любопытство удержало меня ещё на несколько секунд, и я успел услышать:

– Так что эту лирическую сказку Госкино финансировать не будет и пусть он не шуршит по другим инвесторам, я их предупрежу.

И тогда я с ужасом понял, что речь идёт именно о моём сценарии.

Дело в том, что брать деньги на существующий проект за счёт нового – это обычная продюсерская практика. Особенно для людей, которые разворовывают их ещё перед запус-

ком самих съёмок, на стадии подготовки. И тогда приходится искать какие-то другие деньги, взамен тех, что тебе дали под конкретную постановку, но которых у тебя уже нет. Значит, надо мутить что-то очередное и опять получить бабло. Только у Тупорукова, дела, похоже, идут гораздо хуже, чем он пытается показать, и женитьба на дочери американского продюсера являлась для него единственным верным способом пережить финансовую бурю. Впрочем, другая буря могла разыгаться вскоре прямо здесь и сейчас – в закатном небе явно различалась идущая с юга сизая туча, которая прямо на глазах распухала, увеличивалась в размерах. Являясь отголоском черноморского циклона, она вполне могла принести с собой первый весенний шторм и вышедшие покурить исполнители огненного шоу принялись волноваться, что их выступление на улице теперь под угрозой срыва и полный гонорар им не заплатят.

Смотря на них, я осознавал, что нахожусь в ещё более худшей ситуации, ведь денег под мою историю Тупуруков ни у кого не получит, но я всё равно должен закончить новый вариант сценария, чтобы показывать его уже другим людям. А обещания Виктора больше не имеют никакой силы; съёмок в этом году не будет, и мне лишь остаётся, как посоветовали героям мультсериала «Футурама» после одной катастрофы – «разровнять поверхность и жить дальше».

Конечно, моё весеннее настроение не то, чтобы испортилось, оно просто улетело вместе с порывом шквалистого вет-

ра, и я подумал, что здесь сегодня точно пронесётся ураган, после чего потушил сигарету и прошёл в зал, где уже выключили часть освещения, и приглашённый диджей играл свой сет. Там я налил себе вина и принялся тупо наблюдать за танцем жениха и невесты, что выделявали разные па в окружении хлопающих им гостей.

Потом все расселись, а на улице началась гроза, что, конечно, рановато для начала апреля, но я явно различил несколько вспышек молнии через неплотно затянутое шторой окно. Гром сюда не доносился, заглушённый децибелами мощных колонок, а когда музыка стала совсем торжественней и все обернулись ко входу, ожидая увидеть приглашённую звезду, в распахнутых дверях вдруг появилась высокая тридцатилетняя девушка в мотоциклетном костюме. Чуть позже я узнал, что это и была бывшая невеста продюсера по имени Ольга.

Вслед за ней в помещение ворвался шквалистый ветер, в его порывах длинные чёрные волосы гостыи, заплетённые в маленькие косички, как-то жутковато развевались, предавая ей сходство с Медузой Горгоной. Впрочем, её яростному виду могла сейчас позавидовать любая греческая эриния или древнеримская фурия. К ней уже подскочил замешкавшийся охранник, когда над головой девушки, в районе потолка, произошла яркая вспышка. Одновременно с ней что-то хлопнуло, и тогда звук из колонок вырубился, а весь свет погас.

Стало так тихо, что все услышали громовые раскаты и шум дождя на улице. Неожиданно запахло свежим спутником грозы озоном. Но никто ещё не успел опомниться, когда в зале появилась шаровая молния. В том, что это она, я не сомневался. Бело-розовая, размером с мяч для большого тенниса и излучавшая вокруг себя свет, похожий на сияние кварцевой лампы, она плавно летела от Ольги – будто выпущенная из её разгневанной груди, прямо в сторону жениха и невесты.

Шаровая молния замерла перед столом в нескольких метрах от пары, и в паузе между залпами грома все услышали исходящий от неё шум или потрескивание, а потом она направилась прямо на невесту.

– Ой, мамочки... – еле слышно прошептала она по-русски, но в гробовой тишине это прозвучало как вскрик.

Я тогда подумал о том, что либо забыл, либо вообще не поинтересовался, как её зовут, а теперь это может оказаться уже не важно...

Все стояли, как в ступоре, а может и были в курсе, что им нельзя шевелиться.

И только один человек, в котором я чуть позже опознал Илюшу, оказался неподвластен гипнозу загадочного явления природы. Не поворачиваясь к шаровой молнии спиной, словно это было живое хищное существо, он зашёл за невесту и, высунувшись из-за её затылка, с силой подул на шар. И молния начала плавно отдаляться, уходя вверх.

Я слышал, как у всех гостей вырвался вздох облегчения. Многие тоже начали дуть в сторону незваного гостя; так продолжалось несколько секунд, пока у жениха не зазвонил телефон. Он лежал прямо на столе перед ним и Виктор Тупоуков, вдруг как-то совершенно по-девичьи вскрикнув, отшвырнул его от себя, словно мерзкую и опасную тварь вроде скорпиона. Шаровая молния, резко спикировав вниз, ушла в звонящий телефон, который гулко грохнул и распался на осколки у самого пола.

В следующий момент зал погрузился уже в полную тьму. Запахло горелым, у всех звенело в ушах. Охранники включили фонари и принялись осматривать место взрыва, а замершие в мрачном оцепенении гости лишь грубо ругались, когда дрожащий бледный луч попадал им на лица.

Тем временем в дверях, никем не замеченный, стоял известный актёр – приглашённая на свадьбу звезда. Он поддерживал явно теряющую сознание Ольгу, а бросив взгляд на погружённый во мрак финал праздника сразу оценил обстановку, после чего помог ей дойти до его машины и они куда-то вместе уехали.

С их исчезновением гроза тоже проследовала дальше и часть гостей сразу же покинула праздник, а иные остались допивать под аккомпанемент отдалённых громовых раскатов, звеня в темноте бутылками, подсвечивая себе телефонами и перешёптываясь. Тут и пригодились участники огненного шоу, которые зажгли свои шары на стальных цепях, и

банкетный зал стал напоминать теперь обычный пригородный ресторан после небольшого разгрома.

Невеста убежала плакать в туалет, а Виктор, находясь в состоянии шока, выкладывал на стол что-то из своих карманов, пока не обнаружил в одном из них, самом незаметном, расположенном на уровне подмышки, какой-то небольшой предмет.

Рассмотрев его и, видимо, узнав, он громко закричал: «А-а, вот оно что!»

После он попытался сломать его надвое, а когда это не удалось, бросил на пол и принялся топтать ногами в сверкающе начищенных итальянских ботинках, приговаривая:

– Это та ведьма! Та, старая мексиканская ведьма!

После чего тамада вместе с ещё двумя друзьями куда-то его повели, а он продолжал отбрыкиваться и выкрикивать.

Насколько я понял, Илюше сейчас тоже было не до меня, поэтому я взял со стола открытую бутылку белого вина и молча ушёл – прощаться тут мне было не с кем.

Домой я добирался пешком, время от времени прикладываясь к бутылке и продолжая размышлять о случившемся, а воздух после грозы взбодрил меня свежестью, оставаясь при этом необычно тёплым для этого времени года.

На следующий день Илюша сообщил мне, что Виктор отказался выплатить ему вторую часть гонорара, сославшись на срыв мероприятия, поэтому он решил найти эту девушку

и разобраться, что именно произошло, и могла ли она как-то это подстроить. Тогда я и взялся за поиски обманутой невесты, чьё явление на свадьбу в образе злой волшебницы стало дурным предзнаменованием. Уже тогда было ясно, что этот брак долго не протянет – они тихо развелись меньше, чем через год, и Тупоруков так и не смог поправить свои дела.

После прогулок по мосфильмовским курилкам я выяснил некоторые подробности – местные сплетники называли её «бездарной художницей» и «отчаянной мотоциклисткой», а через неделю нам с Илюшей даже удалось связаться с ней лично.

Мы встретились в парке около её дома, и Ольга оказалась на удивление милой девушкой, а когда мы выразили ей сочувствие, и она поняла, что мы не являемся журналистами, то даже пригласила нас к себе в гости. Видимо, ей действительно хотелось выговориться, а каких-то близких подруг у неё не было – они оставили Ольгу из зависти ещё во времена её романа с продюсером.

Она рассказала, как прошлой осенью они с Виктором ездили в Мексику, и какая-то пожилая женщина продала им необычный талисман для влюблённых – деревянную свистульку, служившую для укрепления отношений в разлуке – её надо было разделить на две части и хранить у обоих. Тогда это показалось им романтичным, потому что сразу оттуда Тупоруков поехал в Лос-Анджелес, налаживать связи для совместного кинопроизводства, а вернулся уже с невестой.

Ольга решила, что талисман не сработал, но оставила у себя на память о предательстве, а Виктор, судя по всему, просто забыл про него, упрятав в карман пиджака, по странной случайности одетого им на свадьбу.

Ольга же в этот день проснулась в плохом настроении, которое с каждым часом всё ухудшалось, а когда принялась разбирать свои с Виктором фотографии, то и обнаружила мексиканский сувенир. Тогда у неё и возникло острое желание заявиться на свадьбу и бросить эту штуковину в лицо бывшему жениху, а без труда выяснив место проведения банкета, она просто села на мотоцикл и поехала, решив действовать по ситуации. Талисман лежал в нагрудном кармане – именно рядом с ним она и заметила возникший перед ней бело-розовый шар, впорхнувший в наполненный гостями банкетный зал при её появлении во время грозы. А за мгновение до этого, когда она только распахивала входные двери, прямо над ней сверкнула молния. Ольге даже показалось, что она обтекла её и ворвалась внутрь в виде маленького сгустка ярости, вытянутого прямо из сердца. Она даже показала нам обгоревший кусочек дерева – всё, что осталось от её части свистульки.

– Я тогда даже испугалась, что в меня бес вселился, в церковь потом ходила, – сказала она, когда мы пили чай, – Но никакого отторжения служба в храме у меня не вызвала. Хотя не удивлюсь, если меня теперь сочтут ведьмой, которая испортила свадьбу.

– А ведь это ты, Илья, невесту спас от молнии, – заметил я.

– Может, именно поэтому Виктор со мной и не расплатился? – усмехнулся он мне в ответ.

После визита к Ольге мы ещё долго обсуждали детали событий того вечера и как они неслучайно сложились в общую картину, будто действительно оказались притянуты друг к другу благодаря её энергии ярости и отчаяния.

– Это всё не просто так, – заключил Илюша, – И она сама ничего про себя не знает. Что-то мы забыли про прабабушек у неё расспросить, наверняка одна из них где-нибудь колдовала, на севере России...

Мой друг явно запал на неё, а возможно его влечение к необычным женщинам являлось последствиями психологической травмы, переосмысленной реакцией на давнее приключение нашей юности, когда мы чуть не оказались в плену у крымских сирен. Он ещё несколько раз встречался с ней, приглашал в театр и даже пытался помочь организовать выставку её картин, на которых люди, постепенно заменяя части своих тел искусственными деталями, переделывают себя в роботов или андроидов – это как кому удобнее воспринимать. Но в начале лета Ольга вдруг покинула город, это случилось так же неожиданно, как и её исчезновение после своего эффектного появления на свадьбе. Илюша пару месяцев волновался, не натворила ли она ещё каких дел, но затем увлёкся певицей из Минска и стал забывать о ней.

Спустя год мы узнали, что, вернувшись из Непала, Ольга ведёт теперь курсы психологического тренинга и избавляет людей от разного рода зависимостей. Курсы заключались в том, что она вывозит небольшую группу с палатками куда-то очень далеко от цивилизации, а через месяц они возвращаются уже немного другими.

– Не хочешь в такой поход с ней сходить? – с иронией поинтересовался у меня Илюша, а потом сам серьёзно ответил, – А я бы с ней совершил горный трек вокруг Аннапурны, надо будет ей позвонить...

И хотя они даже о чём-то договорились, Илюша слишком поздно понял, что если он собирается и дальше удерживать своё агентство, то должен оставаться в Москве. Ту поездку пришлось отменить, и когда это случилось, я впервые увидел в глазах у моего друга усталость. Усталость от этого города, от его обитателей и их странных желаний, которые Илюша пытался воплощать ради развлечения людей, уставших ещё больше, чем он.

А ведь нам обоим было на тот момент только тридцать два года.

Гости на даче

Не так-то просто в пятницу вечером улизнуть со студии, потому что на Мосфильме, все, бывает, сидят по своим кабинетам часов до девяти, а то и задерживаются допоздна. Особенно печально наблюдать за этим зимой, когда в десять вечера усталые девушки поодиночке выходят куда-то в пургу и ждут потом автобусы на остановке, такие измученные и потерянные.

Но сейчас стоял конец мая 2007 года, город уже шагнул одной ногой в лето, а мне повезло, что Режиссёр, у которого я работаю, ещё вчера уехал к себе на дачу и сегодня я собирался совершить тоже самое действие, осложняемое тем, что за работой трёх студийных сотрудников следили Гадские Сёстры. Ими я называл двойняшек Вику и Риту, которых пожилой Режиссёр, сам ни с кем не ругаясь, использовал в качестве репрессивного механизма.

Как человек, который ещё годы назад решил для себя, что он не хочет больше врать или говорить неправду, я оставался в затруднительном положении. Если бы я просто сказал, что уже сделал всё на сегодня, они загрузили бы меня какой-нибудь очередной хреню – все знают, что объём работы никогда не может иссякнуть. Поэтому ещё вчера я предупредил их, что мне надо будет уехать по семейным делам, а сегодня

в четыре дня просто собрался и попрощался с ними.

И тут же началось:

– А ты куда?

– А почему так рано?

– А ты всё закончил?

Но я ответил, что к приезду Режиссёра должен показать ему экспликацию – это нечто вроде концепции для чиновников Госкино, которая, кстати, была уже мной написана – и под мрачными и завистливыми взорами четырёх глаз покинул кабинет. Остальные же двое сотрудников, покорно склонив лица перед мониторами, представляли меня в этот момент кем-то вроде удачливого проходимца, в отличие от них сумевшего избежать общего тюремного заключения.

Доехав до Киевского вокзала, я спустился в метро и вышел у другого вокзала, Павелецкого, сел в экспресс, едва успев занять одно из последних свободных мест, и ринулся вон из города.

Пронизанный жгучими солнечными лучами адский пятничный поезд, как всегда, оказался дико забит народом. Немолодые женщины и мужчины стояли в проходах и, не смотря на открытые окна, воздух попадал в вагоны, только когда поезд открывал двери на остановках. Пот стекал по лицу, капая на грудь и пробираясь по позвоночнику – это была самая суровая часть моего путешествия, но я знал, что полтора часа моих мучений окажутся вознаграждены. И, конеч-

но, так оно и случилось.

Выйдя в Ступино и поднявшись по лестнице над перроном, я увидел, что здесь уже стоит лето, его сочная зелень тут и там перемежалась белыми всполохами цветущих яблонь. Пахло костром и сиренью, а в глубоком небе курсировали самолёты, идущие на посадку или летящие в южные страны из Домодедово.

И всё вокруг замерло, как перед приходом какого-то доброго и долгожданного цунами, будто надо мной возвышалась гигантская призрачная волна, что вот-вот накроет, подхватит и понесет сквозь июнь, июль и август, выбросив на берег и отхлынув лишь сентябре. И тогда я снова стану нелепо озираться по сторонам, не в силах понять, почему мой волшебный полёт на её гребне оказался так быстр, и куда всё это теперь исчезло.

Своего папу я обнаружил на участке, где он попивал вино и что-то деловито чинил, а мама должна была приехать завтра на машине тётиного мужа, так как живут они через две улицы. Именно они и рассказали нам три года назад о продаже заброшенного участка. Заросший ядовитым трубочником в высоту моего роста, в первый наш приезд он выглядел совершенно дико; два года я мучительно вскапывал опутанную корнями землю – теперь это стало легче, а мама лечила старые яблони и сажала кусты смородины и крыжовника. Как-то весной, приехав сюда впервые после очень тяжёлой зимы, когда один большой кинопроект рухнул, и мне не за-

платили за пол года работы, я нашёл в железном ведре мёртвую бабочку-шоколадницу. Было очень грустно, что в отличие от меня она так и не смогла дожить до апреля, я похоронил её у вишнёвого дерева.

В прошлом году мы начали жечь сгнившие, сваленные у забора старые доски, а когда расчистили место, то обнаружили там целую поляну ландышей. Как раз сейчас, в это время года, они должны расцветать, поэтому, по приезду, я первым делом отправился на них посмотреть. Присел на корточки и поздоровался с ними, ведь они росли здесь ещё в те времена, когда вокруг стоял лес. Часть их уцелела, когда прокладывали дорогу и проводили застройку, а теперь эти маленькие белые колокольчики являлись для меня метафорой стойкости и той скрытой красоты, поиск которой занимает всю нашу жизнь.

В тот вечер я занимался самой обычной дачной бытовухой, а когда стемнело, мне позвонил Илюша, которого я не видел с самого начала апреля из-за его загруженности делами по продаже своего PR-агентства.

– Привет, ты чем сейчас занят? – поинтересовался он, – Давай увидимся.

– Да я на даче.

– О, тогда давай я завтра к тебе приеду, ты ведь уже давно меня туда звал. Надо попрощаться.

– Так ты уже уезжаешь? – я действительно удивился, не ожидая, как быстро он всё провернёт.

– Да, и очень скоро.

В субботу я встретил его на станции, мы купили в городском супермаркете большую коробку аргентинского вина и доехали до моего посёлка. Строили его для преподавателей и работников Бауманского института и, не смотря на то, что с тех пор многие дома поменяли своих хозяев, публика тут была приличная.

Мама и папа обрадовались Илюшиному приезду и пока мы с мамой готовили еду, папа провёл ему экскурсию, разъясняя специфику дачного быта, когда даже для такой банальной процедуры, как приготовление чая требуется совершить в три раза больше действий, чем в городской квартире.

Наконец мы сели обедать за столом среди деревьев, выпили вина, и Илюша рассказал, что он уже подал документы на полугодовую визу. Сначала он приедет в гости к своим европейским друзьям, а потом некоторое время поживёт самостоятельно и решит, стоит ли там оставаться.

– Я специально лечу туда не в сезон, когда туристов мало и легче обустроится, – объяснил он.

– Но вы так и не сказали, что это за место и где оно? – поинтересовалась мама.

– Просто здесь о нём мало кто знает, это остров Панган в Сиамском заливе.

– А, Сиам! Так раньше назывался Таиланд, – проявил осведомлённость мой папа, – Я читал в «Аргументах и Фак-

тах», что это страна для секс-туризма.

– На самом деле это не так, – ответил Илюша, совсем не смутившись, – Для разврата там есть один большой город под названием Паттайя, куда как раз и возят пачками наших соотечественников, а по их рассказам все потом думают, что по всей стране тоже самое.

– А, это как судить о России по Москве? – улыбнулся папа.

– Или как судить о стране по визиту в бордель. Хотя для антрополога это, безусловно, станет познавательным и захватывающим приключением. Но в нашем публичном пространстве я уже много чего видел, поэтому его и покидаю.

Все трое, мы принялись задавать Илюше вопросы.

Королевством Таиланд я в то время особо не интересовался и оно представлялось мне чем-то вроде пакетного курорта типа Турции и Египта, только более дорогого из-за долгого перелёта, но фотографии тропических островов всегда вызвали у меня ощущение чего-то далекого и, соответственно, недоступного, я даже никогда не задумывался, что туда можно просто так взять и приехать, при этом не истратив до хрена денег. Однако, по ответам Илюши выходило, что это не так. Он объяснил, что билет на самолёт надо просто покупать заранее по спецпредложениям, а жильё искать в несколько этапов, уже находясь на месте и осматривая варианты.

– Илюша, а чем ты там собираешься заниматься? – спросила мама.

– Знаете, я слишком долго всё время чем-то занимался, и мне это надоело, – с улыбкой отвечал он, – Вот у вас есть теперь сад и вы можете его возделывать. А я хочу отыскать свой и просто быть в нём.

– На другом конце земли? – скептически отозвался папа.

– Наш внутренний сад может быть где угодно. Вам вот повезло, а мне пока нет.

– Илья, но тебе не кажется, что ты не совсем то время выбрал, чтобы уезжать, – отозвалась мама, – Ведь здесь столько сейчас возможностей!

– Типа «мы встали, наконец, с колен»? – процитировал Илюша, – Да я удачно продал бизнес, на пике цен, потому что в какой-то момент все эти пиар-агентства никому и на хрен не будут нужны, – закончил он, стараясь не ругаться при моей маме, – Не может всё так долго продолжаться, вся эта стабильность. Она просто искусственно создаётся. В Америке подобные ситуации называются словом «пузырь». А у нас – «мыльный пузырь».

– Знаешь, у меня тоже были мысли, что пора осваивать профессии, необходимые в военное время. А то как-то тихо сейчас, как перед ураганом.

– Да, Федя. И тебе тоже пора сменить род деятельности. За семь лет после окончания института ты так и не воплотил ни один свой собственный замысел. А они ведь у тебя были. Когда ты последний раз писал прозу? Не сценарии на заказ, а какой-нибудь рассказ для самого себя.

Я на мгновение задумался.

– Два года назад. Но тогда мне было хреново, плюс ещё сидел без работы и эту ситуацию я больше не хочу повторять. А когда написание текстов становится работой, то на отдыхе уже и не хочется ручку в руки брать. Правда, тут, на даче, всё по-другому.

– Вот видишь. Поэтому изыщи возможность проводить здесь как можно больше времени. И тогда сам увидишь, как всё измениться.

В ответ я молча кивнул.

Когда мои родители ушли заниматься своими дачными делами, мы убрали со стола и продолжили пить вино дальше.

– Федя, это застывший город, – говорил Илюша, – Такое ощущение, что он завис, как компьютер и ему нужна перезагрузка, но я не собираюсь в этом участвовать, потому что хочу пожить немного для себя. Ты помнишь, как пятнадцать лет назад в Саду Эрмитаж, странный, похожий на фокусника человек завёл нас в своё ретро-футуристическое устройство, забрал у нас по воспоминанию, а взамен показал, якобы, будущее?

– Да, разумеется, – конечно, я не забыл ту ночь в Эрмитаже, тёмную будку и смутный образ будущего меня, увиденный словно со стороны, – Но я совсем не помню, в чём он заключался. Кажется, там была какая-то странная комната, но что в ней находилось, я и тогда не понял, а сейчас этого уже тем более не припомнить.

– А я увидел тогда остров с пальмами. И теперь именно туда и отправляюсь.

– Надеюсь, я смогу к тебе приехать туда.

– Конечно, сможешь. Понимаешь, ты слишком много денег тратишь по кабакам, а Москва – неоправданно дорогой город. И когда ты попадёшь в Юго-Восточную Азию, то поймешь – всех этих средств, которые ты за год бессмысленно распыляешь, шатаясь в выходные по барам, вполне хватает для того, чтобы месяц жить на берегу моря.

– Ну, просто благодаря работе на Мосфильме у меня сейчас опять появились деньги. А то помню, как несколько лет назад я пришёл в ресторан на встречу однокурсников и там все заказали себе выпивку и еду, а у меня денег едва хватало на две кружки пива...

Но эта студийная работа, она что-то так заёбывает... я ведь не пишу сейчас ничего, только раз в год переписываю для нового продюсера свой старый сценарий, в надежде, что он у меня его купит. А всё остальное время обслуживаю интересы Режиссёра.

– Продашь ты сценарий или нет, в любом случае, тебе стоит жить более аскетично. Да, я понимаю, девушек всегда надо водить на выставки и танцы, даже самые трепетные московские барышни весьма меркантильны, но не иди у них на поводу. Не пытайся сразу заполучить объект своей любви или вожделения, а лучше держись от него на расстоянии и страдай – многие хорошие истории именно так и рождались.

Тебе надо летом сидеть на даче и писать, а зимой приезжать ко мне и писать дальше.

– Да, это чудесный план. Давай за это и выпьем.

Поздним вечером я уложил Илюшу спать в своей комнате, а сам остался сидеть за столом, взбудораженный мыслями о его отъезде и о том, почему всю юность, мечтая о путешествиях, я вдруг сам не заметил, как оказался запаянным в стальные швы своего города. Когда я целыми днями переписывал сценарий детского сериала, у меня не было средств даже на поездку в Кострому, а теперь, когда денег стало гораздо больше, я вынужден постоянно находиться на студии, под рукой у впадающего в маразм Режиссёра, с которым зачастую приходится терпеливо нянчиться, как с капризным ребёнком. Через полгода мне исполнится тридцать три, а я так и не видел ни Лиссабона, ни Барселоны, ни Марокканских пальм, ни Индийского океана. Безусловно, Илюша прав и надо как-то изменить свой образ жизни, вести себя более аскетично и начинать откладывать деньги, иначе я так и буду крутиться безумной белкой в этом московском колесе сансары.

Потом я ещё долго читал на веранде, пока не решил последний раз покурить перед сном, зашёл за дом и погрузился в холодную тишину спящего посёлка.

Стояла безлунная ночь, фонарь на дороге тоже почему-то не горел, а неподалёку от себя, в самой глухой части сада,

я вдруг услышал железный скрежет и какой-то рассыпчатый шум, будто кто-то с силой бьётся об ячеистую сеть забора со стороны наших соседей, которые в эти выходные так и не приехали.

Я встрепенулся.

– Эй, кто здесь?

Мне никто не отозвался, но удары не прервались. Я подумал, что это какой-нибудь пьяный забрёл на чужой участок и вот теперь пытается его так покинуть.

– Эй, ты меня слышишь? Хватит тут лазить! – как можно более твёрдо произнёсся, а когда мне никто не ответил, метнулся к бытовке, где спали родители, и включил прожектор.

Но его луч, направленный на центральную часть нашей территории, оказался совершенно бесполезен, он ничего здесь не освещал, а нечто молчаливое всё продолжало биться, совсем не реагируя на мои окрики.

Из тьмы не доносилось ни вздохов, ни хрипов, только заборная сеть сотрясалась от непрерывных ритмических ударов, словно в ней кто-то застрял и теперь рвался на свободу, причём именно в моём направлении.

Мне уже давно стало не по себе от подобного упорства и так как дом, где ночевали мои родители, находился ближе, то я сначала распахнул дверь в их бытовку.

– Мама! Папа! Просыпайтесь, к нам кто-то ломится!

Но никто из них даже не пошевелился. И при этом спали они совсем тихо, даже папа вообще не храпел, и это показало-

лось мне как-то уж совсем не нормально.

В панике я пробежал по саду к террасе, взял там фонарик и принялся будить спящего в комнате Илюшу.

– Илья, вставай! Слышишь меня, проснись! Там что-то бьётся и я это не пойму!

Несколько секунд я тряс своего друга за плечи, но он тоже не издал ни звука и даже не пошевелился.

Происходило нечто жуткое – все, кроме меня, находились в каком-то совсем беспробудном состоянии и одним только свежим подмосковным воздухом – а здесь летают майские жуки, что говорит о хорошей экологии – этого не объяснить. Такое ощущение, словно их погрузили в идеальную для отключения сознания среду или это просто наступил Час Быка, когда невозможно выплыть одним рывком из глубин гипнотического иллюзорно-реального сновидения, а стоящим на вахте начинает мерещиться всякая чертовщина. Чтобы удостовериться, действительно ли эти громкие удары не являются плодами моего внезапного безумия, я опять ринулся к забору и остановился, обнаружив, что звук утих.

Тогда я включил фонарик, и в его бледном неоновом свете ко мне неожиданно вышло существо. Оно напоминало небольшую чёрную собачку, но точно ей не являлось и для собаки вело себя слишком молчаливо.

«Это лиса!» – подумал я, сразу вспомнив о том, что к людям обычно выходят только бешенные лисы.

Я попятился от неё, а она сделала несколько шагов в мо-

ём направлении. Было так странно осознавать, что такое маленькое животное наделало столько шума. Потом я, кажется, моргнул, на секунду не удержав его в поле зрения. И оно исчезло. Я посветил по сторонам, но нигде не шевельнулся ни один куст – существо скрылось, и меня снова окутала холодная тишина, хранящая бесшумные следы передвижения всех ночных тварей.

Это происшествие снова вызвало у меня желание закутить, после чего я прилёг на свободную кровать в бытовке, где мой папа уже вовсю давал храпака, будто с уходом неназванного зверя истончилось и вызванное им всеобщее оцепенение, поэтому уснуть я смог далеко не сразу, взбудораженный ночной встречей.

Утром я обследовал ту часть забора, где ночью билось маленькое животное, и заметил у самой земли дыру в ячеистой сети, но никаких следов прорыва в виде отметин на земле от когтей или остатков шерсти там не обнаружил.

Во время завтрака, рассказав эту историю, я выслушал несколько версий от тех, кто эти события проспали, начиная от нашествия гигантской белки и заканчивая приبلудным псом, а встречу с лисой все сочли невозможной. И хотя меня больше всего поразило, что я не смог никого добудиться, ни Илюша, ни мама с папой какого-то особого значения этому не придали.

Затем мы с Илюшей поработали – спилили двуручной пи-

лой пару старых деревьев, мешающих расти молодым, и на тележке откатили к помойке части железных кроватей, а так же и другой хлам, оставшийся от прошлых хозяев.

Чтобы не ехать в город с толпой воскресных дачников, домой мы возвращались на полупустом четырёхчасовом экспрессе, а когда приближались к Домодедово, Илюша улыбнулся.

– Смотри, вот моя новая стартовая площадка. Уже скоро я сюда вернусь, чтобы надолго это всё покинуть.

– Помаши мне в окошко, когда будешь над моей дачей пролетать, – отозвался я.

– Обязательно. И, кстати, это подарок для тебя. Держи.

И он протянул мне стальную цилиндрическую пирамидку, величиной с мизинец.

Это был изящно выполненный макет недостроенной башни с прорезями длинных узких окон и обвивающими её круглые стены лестницами – такая микроскульптура в стиле модерн, не старая, но явно изготовленная многие годы назад.

– Эта модель сделана по изображению Вавилонской Башни из книги Афанасия Кирхера, – объяснил мне Илюша, – Был такой учёный и математик, его ещё называют последним гением Ренессанса. Это он увидел в микроскоп бактерии чумы и один из первых использовал «волшебный фонарь» для показа на стене картинок. А эта вещь, я называю её Железный Вавилон – символизирует город, где мы живём, и является талисманом для существования в нём. И теперь я остав-

ляю его тебе, чтобы Вавилон не имел над тобой никакой власти.

– Спасибо, это то, что мне сейчас и нужно.

– Я знаю.

Мы вместе вышли в «Нижних Котлах», переместились в метро, и через две остановки я покинул вагон. А попрощались мы так, словно снова встретимся через неделю – после тридцати почему-то уже совсем не кажется странным, что с кем-то из друзей ты можешь видеться один раз в несколько лет. Но за те два года до нашей следующей встречи меня, наконец-то, начали оставлять будоражившие мозг концепции навязанных представлений о том, кем ты должен являться и что именно делать. Я учился у ландышей, у старых яблонь и растущей у дачного забора маленькой сосны, узнав от них, что существуют такие перемены, которые творятся медленно, исподволь, поэтому могут занимать целые годы, но являются по-настоящему важными и глубинными. Благодаря им мне и удалось без надрыва встретить случившийся через год кризис, уже не испытывая надежд и иллюзий, зная, что в любой момент ты сам можешь превратиться в застрявшее во тьме существо, и чем спокойнее ты будешь дышать, тем быстрее выберешься на свет.

Уехать в лето

В конце ноября или начале декабря две тысячи восьмого года – месяц я точно не помню, только на улице в это время лежал грязный снег и многие уже чувствовали себя утомлённо – я ходил на встречу со своими коллегами-сценаристами. Там один активист пытался выработать правила, как нам вести себя перед лицом грядущей безработицы. Подобные сообщества пытались организовывать уже не первый раз, но ничего, как правило, из этого не выходило – Гильдия Сценаристов занималась в то время какой-то непонятной бюрократической работой, она была способна организовать только семинар в Матвеевском, которые, кажется, уже к тому времени не проводились, а настоящего профсоюза, способного надавить на продюсеров, у нас не было.

Тогда уже прошла мода на доллары и гонорары все озвучивали в рублях, поэтому кризис ударил и по тем, кто реально работал за деньги, а те же, кто писали на перспективу, уверенные, что их труд будет оплачен, полностью лишились этих надежд. Что касается лично меня – мне просто сказали, что мой проект заморожен. Причём это была моя личная история, которую я писал не на заказ. Она была про парня, полюбившего девушку, которая умеет летать и боится, что неудачные любовные отношения могут лишить её этого да-

ра. Ещё весной я передал права на сценарий студии, получил гонорар и даже познакомился с набранной режиссёром съёмочной группой, но потом кто-то кого-то подвёл, летний запуск не состоялся, то есть съёмки были отменены, а осенью всем было уже не до этого. Правда через год процесс возобновился, но выделенных средств всё равно не хватило, кажется, кто-то из продюсеров что-то украл, и в последствии этот фильм так никогда и не сняли.

Деньги у меня ещё оставались, а перспектив не было никаких, поэтому я решил, пока не поздно, съездить в гости к Илюше на остров Панган и это стало моим первым путешествием в Юго-Восточную Азию.

Но была одна проблема – я совершенно не знал английского. В средней школе наш класс тупо разделили на две половины, и я попал в немецкую группу, а в институте у меня была блажь учить французский. Поэтому, купив перед новым годом билет на начало февраля, я месяц плотно прозямался с толковым репетитором, и она дала мне те основы языка, который любой образованный человек получает ещё в нормальной школе, а не в такой, как у меня, где на переменах старшеклассники лупили друг друга портфелями по головам, а всем остальным легко было попасть под раздачу. Конечно, после этого я не заговорил на языке Шекспира, но вполне мог теперь объясниться в магазине или на автобусной станции.

Не смотря на некоторые мои тревоги, полёт с пересадкой в Дохе прошёл нормально, в Бангкоке я добрался до забронированной гостиницы с бассейном на крыше, купил в агентстве билет до Пангана и вечером пошёл гулять на Каосан Род. Знаменитая улица встретила меня высокими децибелами из огромных колонок, а так же дешёвым джин-тоником и раскрепощёнными людьми. Процент белых и азиатов был здесь примерно такой же, как и в Москве, поэтому я чувствовал себя привычно. Казалось, я попал в некое утопическое подобие Арбата, какой по-хорошему, должна быть нормальная пешеходная улица в центре большого города. Тут было весело и ненапряжно. Ближе к ночи бесцеремонные тук-тукеры предлагали отвезти меня в массажные салоны, демонстрируя альбомы с фотографиями полуобнажённых девиц, а я лишь смеялся им в ответ. Перемещаясь от одного бара с хаотично расставленными столами к другому, я везде пил джин-тоник, наблюдая за танцующими хип-хоп тайцами или уличным представлением пообтрёпанных жизнью в Азии европейцев. Один раз ко мне подошла симпатичная девушка в красном платье и с хорошо сыгранным застенчивым видом предложила провести с ней ночь, но я вежливо отказался, не разделяя быдловатую браваду наших соотечественников, которая заключалась в том, что по приезду надо обязательно трахнуть с тайкой.

И хотя с утра я бодро встал и позавтракал, часов в одиннадцать на улице стало совсем жарко, а возможно, это про-

сто началась совпавшая с похмельем акклиматизация, но я больше не мог никуда идти. Поэтому вместо обычного туристического времяпровождения типа прогулки по храмам, катанию по реке, визита в Королевский Дворец или, на худой конец, в бассейн у себя на крыше, я весь день пролежал под хреновым кондиционером у себя в комнате, и сердце моё прыгало, как маленький и испуганный дикий зверёк в тесной клетке.

К вечеру я пришёл в себя и заранее объявился в условленном месте, хотя мог бы и не торопиться – уезжающая на острова европейская публика подтягивалась к конторе ещё в течение часа. Затем уверенный тайский чувак повёл нас через улицы, жестом руки останавливая машины перед нашей колонной, и мне показалось, что я стал участником какого-то школьного похода, только теперь уже среди повзрослевших неформалов.

Пройдя примерно четыре квартала, мы оказались на автовокзале, где нас принялись неспешно распределять по автобусам. Тогда все начали болтать между собой, а я не мог принять участие в общей беседе и стыдился своего незнания языка. Эта сцена напомнила мне ситуацию детства, когда меня в первый раз отправляли в пионерский лагерь. Где-то на окраине тогдашней Москвы, на широкой площади, ожидали отъезда за город автобусы с номерами отрядов, и у каждого, разбившись на компании, стояли группы мальчиков и дево-

чек, знакомых ещё с первой смены. Они что-то рассказывали друг другу и громко смеялись, а я, со своим маленьким жёлтым чемоданчиком мялся в отдалении, не решаясь подойти и познакомиться. Вот только сейчас пионерский лагерь стал международным, а я хоть уже и не был застенчив, но только говорить с ними снова не мог, потому что не всегда даже понимал, о чём именно меня спрашивают.

Когда автобус тронулся, в нём тут же вырубили свет, как в курятнике, но кто-то продолжал ещё читать, запасшись фонариком. Кондиционер дул нещадно, поэтому я обмотал шею платком, укрыл ноги пледом и наконец-то первый раз нормально поспал, ведь моё тело ещё не перестроилось с зимы на лето, и лютый тайский источник холода просто возвратил его в привычное состояние.

Часа в четыре утра нас высадили у пирса, где под навесами какие-то мужики пили пиво. Там всё было занято, но у самого берега стояла стопка пластиковых стульев. Я начал снимать их по одному и передавать подходящим людям, а потом сел лицом к воде, и место рядом со мной занял молчаливый японский парень. Пару раз мы отлучались, приглядывая за вещами друг друга, я посмотрел во сколько отправляется первый корабль, купил чай и банан, а на обратном пути встретил взволнованную девушку, которая, как я понял, очень напрягалась из-за того, что нас обещали привезти в Сураттани, а вместо этого мы оказались в Чумпоне. В ответ я

указал в сторону расписания и добавил, что это не проблема и на Панган мы приедем, но её это не удовлетворило, и она отправилась на поиски справедливости. Примерно через минуту я увидел, как она, уже в компании других ребят, приехавших вместе со мной, донимает отвечавшего за нашу перевозку тайца, который сказал ей примерно то же самое, что и я, а потом принялся выкрикивать какую-то странную фразу. Прислушавшись, я разобрал нечто вроде «сис а дис». «Сис а Дис! – раз десять громко повторил таец, которого, судя по всему, они порядком подзаманали, – Сис а Дис!» Когда, уже успокоившись, он прошёл мимо меня, я показал ему билет, а он вручил мне наклейку с надписью Koh Phangan. Судя по всему, такие же он раздал и ребятам, поэтому непонятно, зачем было так напрягаться. «Ты не волнуйся, – писал мне Илюша, когда я высказал сомнение, смогу ли добраться до острова в одиночку, – Тайцы – это не индусы, они доставят тебя, куда надо, у них всё отработано». Скорее всего, у девочек это тоже было первое путешествие, но, в отличие от них, я был совершенно спокоен. Наверно потому, что уже подосознательно понял – эта страна меня приняла. А что касается загадочной фразы, то примерно через неделю, привыкнув к тайскому английскому, я разгадал её смысл. Она означала: «сикс ауэрс дипарча» – типа, в шесть часов отправление.

Но отчалили мы только в семь, когда стало уже светло, а часа через три катер остановился у заповедного острова Тао, где вышла половина всех пассажиров. Тогда я ничего не знал

ни об этом острове, ни о некоторых других, типа Ко Липе, ещё сохранявших завесу полусекретности. Впрочем, в конце первого десятилетия нашего века все самые лучшие дикие острова Королевства Таиланд бэкпекеры уже освоили, и на некоторые из них хлынул поток туристов, но на том же Тао ещё можно было запросто ночевать в спальниках на веранде кафе, где ты ужинал. Я же двигался дальше, на Панган – место популярное, но пока ещё только в узких кругах.

Помню, что после отправления с Тао я ещё минут сорок посидел в салоне на корме, а мимо меня сновали бывалые таурированные мужики, лихо покупавшие пиво и бледные молодые люди с пакетиками в руках – их укачивало с похмелья на носу летящего по волнам катера. Затем я решил подняться наверх и тогда Остров явился мне в виде синего облака на горизонте. В морской дымке он выглядел призрачной громадой, грозovým миражем, каждые четверть часа становясь всё больше и огромнее. Вот уже пропала иллюзия его небесного происхождения – теперь ясно можно было разглядеть покатые зелёные горы, крыши гостиничных домиков и вышки приёмов спутниковых сигналов.

Я послал смс Илюше, но мы ещё долго плыли вокруг всей его западной части, а ближе к причалу справа по борту появились ещё два совсем маленьких островка, и я вдруг явственно осознал, что сейчас исполняется какая-то моя глубинная детская мечта. Давно позабытая, погребенная под пластами взросления вместе с другими её братьями и сест-

рами, она бы так и дремала в тихом уголке моего вытесненного сознания, пока я не разбудил её, просто попав в необходимое место. А возможно, именно она и вела меня сейчас в сторону Панганского пирса, всё эти годы, подобно радиомаяку, пробуждаясь в определённое время и посылая сигнал до тех пор, пока он не был услышан тем мной, кем я стал двадцать семь лет спустя.

Мы причалили. Тайский парень, дремавший на сваленных в кучу рюкзаках путешественников, резво вскочил на ноги, перепрыгнул на пирс и принялся вязать канат к бакену.

Растянувшись в очередь, все чинно сошли на берег. Близился полдень, от бетона пристани исходил жар, а очертания соседнего острова Самуи были практически неразличимы через толщу воздуха, нагретого водяной линзой Сиамского залива.

Оказалось, что Илюша ждал меня на соседнем, большом пирсе, куда приходят паромы из Донсака, но вскоре я увидел его долговязую фигуру – тарахтя на скутере, он срезал путь ко мне прямо по бездорожью.

Ещё перед отъездом он посоветовал мне не брать сумку или чемодан на колёсах, а купить именно рюкзак, поэтому я легко сел сзади него и мы въехали в столицу острова Тонг Салу – цивилизованную деревню, состоящую из двухэтажных домов и четырёх улиц.

В магазине «7/11», где мы взяли пива и сэндвичи с кревет-

ками, царило оживление: какой-то юный англичанин, подбадриваемый своими друзьями, переодевал шорты, застенчиво возвышаясь из-за полки с журналом «Космополитен» на тайском языке, а их французские сверстники, спасаясь от жары, завтракали какими-то котлетами прямо под кондиционером, громко обсуждая события прошедшей ночи, думая, что их никто тут не понимает.

Выйдя на улицу, мы пересекли небольшую площадь и присели за каменный столик, какие здесь во множестве стоят у дороги. Рядом располагалась стоянка местных таксистов на сонгтэо – машинах с крытым кузовом, где по бокам располагались две лавки. Они поинтересовались, надо ли нам куда ехать, а после отказа утратили всякий интерес.

– А это местная мафия, – сказал про них Илюша, – Пользуются монополией и дерут по стольтнику за проезд в одну сторону! А на восточное побережье вообще двести, но туда и так абы кто хрен проедет. И вообще, без скутера тут никак!

– Знаешь, Илья, – начал говорить я, – Огромное тебе спасибо, что я сюда приехал!

– А, Федя, да ты ещё ничего тут не знаешь! Сейчас поедем ко мне, а если не понравится, найдём тебе другое жильё. Я тут где угодно тебя поселю. Если хочешь, с ней будешь жить! – и Илюша кивнул в сторону татуированной девушки с дредами, которая в этот момент с улыбкой проехала мимо нас босиком на скутере.

Я тоже улыбнулся, осознав, что моя долгая дорога нако-

нец подошла к концу – теперь осталось лишь бросить вещи и отправиться к морю. Когда мы уезжали, я достал фотоаппарат и снял тайца, который, положив на лицо шляпу, спал с плеером в ушах прямо на тротуаре рядом со своим велосипедом и большой табличкой с надписью «RENT» – сдавал ли он жильё или что-то другое, я так и не понял.

Обитал Илюша в небольшом поселении в джунглях, неподалёку от центральной дороги, насквозь пронизывающей остров с юга на север, от Тонг Салы до Чалоклама. Там, на приличном расстоянии друг от друга, укрытые в тени деревьев, стояли дома на высоких сваях.

Илюшин дом был однокомнатным, одна из его стен представляла из себя кухню, а душ с туалетом просто отделялись фанерной перегородкой. На полу стоял вентилятор, а кровать укрывала спадающая с потолка москитная сетка.

– Это жильё бюджетное, на сезон, – объяснил он, – Когда в апреле народ разъедется, я в нормальный дом заселюсь.

Первую неделю я осваивался на острове, который представлял из себя деревню размером немногим больше Садового Кольца, изрезанную бухтами и увенчанную невысокими, поросшими лесом горами.

Остаться пешеходом здесь не имело смысла из-за дальности расстояний, поэтому Илюша дал мне пару уроков вождения скутера. И хотя в управлении «мотосаем» – как называют его тайцы, не было ничего сложного, на здоровен-

ном Илюшином агрегате я чувствовал себя неуверенно. Найти же в аренду подходящий под мои габариты маленький мопед оказалось непросто, и уж мне совсем не хотелось оставлять за него в залог паспорт по распространённой на острове практике. Тем более у меня полностью отсутствовал опыт вождения скоростного транспорта – в экстремальной ситуации я могу не успеть быстро среагировать или, перепутав, в панике отжать на себя ручку, вместо тормоза только прибавив газа. К тому же арендодатели являлись тут ещё более зловещей мафией, чем таксисты, заставляя платить им деньги за каждую царапину, а в том, что я хоть раз, да уроню скутер, сомнений не оставалось. Время от времени я встречал молодых людей с содранной кожей, когда при падении с байка их несколько метров по инерции тащило по грунтовой дороге, как по тёрке для овощей, а так же с перебинтованными конечностями и пару раз с переломами, в гипсе и на костылях – подобные последствия аварий цинично назывались здесь «асфальтовая болезнь».

В результате, чтобы не зависеть от Илюшиных дел и его распорядка дня, я раздобыл себе велосипед, на котором мог рассекать по лишённому крутых подъёмов южному побережью, а оно и являлось самой оживлённой частью острова. Правда море там везде оказалось мелкое, чтобы нормально поплавать и посмотреть рыбок, надо было ехать на север и северо-запад, а самое тихое восточное побережье являлось так же и самым труднодоступным. Только хороший мото-

цикл мог вытянуть местные подъёмы по бездорожью и туристов привозили туда на гостиничных джипах с открытым кузовом. Поэтому первые дни Илюша рано утром прикатывал меня в бухту под названием Хад Салад, где я нырял на камнях с маской и трубкой, и забирал оттуда в районе полудня, а вскоре я более менее усвоил географию острова и начал исследовать его самостоятельно.

Сам Илюша смог получить рабочую визу, оказывая некоторую помощь в делах одному пожилому чеху, другу своих старых знакомых, в прошлом мультипликатору со студии «Баррандов», а ныне хозяину гестхауса, оформленного на его тайскую жену.

Таким образом Илюша присматривался к происходящему на острове и постепенно заводил связи с местными жителями и обитающими здесь фарангами, но собственное дело начинать не собирался. По его наблюдениям, это не имело смысла из-за законов Королевства и специфики тайского менталитета.

– Здесь может выгореть только бизнес, который не завязан на местных жителях. А без участия тайцев тебе тут не дадут ничем заниматься. Это замкнутый круг, понимаешь. Прибавь к этому местное раздолбайство и то, что для фарангов – то есть для иностранцев – здесь всё стоит в два раза дороже.

Пару раз в месяц он совершал оптовые закупки кокосового масла, тигрового бальзама и прочих полезных снадобий,

отправлял их посылками в Москву, пополняя тайскими товарами ассортимент эзотерического магазина, совладельцем которого он до сих пор оставался.

– На это я тут и живу, а работаю в основном для визы и развития кругозора, – объяснял он, – Но есть у меня один проект, я тебе как-нибудь потом о нём расскажу.

Панган показался мне приветливым островом, где все друг с другом здороваются, улыбаются и ведут беседы, участвовать в которых я не имел возможности из-за плохого знания языка. Тогда Илюша познакомил меня с несколькими соотечественниками, но, в основном, я проводил время либо с ним, либо один. Привыкнуть к лету оказалось несложно, уже через неделю у меня появилось ощущение, что я нахожусь здесь гораздо дольше, а за пару дней до февральского полнолуния людей тут сильно прибавилось. Совсем молодая публика состоящая из студентов, состоятельных бездельников и татуированных неформалов заполнила весь южный берег между столицей и Хад Рином – пляжем для проведения вечеринки.

Вели себя эти персонажи весьма раскованно. Мы даже стали свидетелями, как компания юных нетрезвых англичанок уговаривала местных ребят не закрывать поздним вечером бар и продолжить наливать выпивку, взамен предлагая им себя в качестве оплаты.

– А почему они отказались? – поинтересовался я у Илю-

ши, наблюдая, как бармен по-тайски невозмутимо просит шатающихся девиц освободить территорию.

– Да они в курсе, что эти сучки их продинамят!

Следующим вечером намечалось Full Moon Party и Илюша, хотя особым желанием и не горел, всё-таки решил составить мне компанию.

– Тебе один раз стоит на это посмотреть, – заявил он, – Но вообще самое интересное – приехать туда рано утром и увидеть, чем всё закончилось – это поучительное зрелище.

Утром перед вечеринкой я поплавал среди скудных коралловых рифов у маленького островка, соединённого с Панганом песчаной косой, а днём хорошенько выспался и теперь был готов к предстоящему отрыву.

Часов в девять вечера мы оказались в Тонг Сале, где Илюша припарковал скутер и объявил, что дальше мы едем на сонгтэо. Это были меры предосторожности, связанные с пьяным возвращением обратно – дорога на Хад Рин имела четыре или пять очень крутых подъёмов.

– И сегодня ночью здесь ожидаются смертельные гонки фарангов на мотоциклах, – объяснил Илюша, – Поэтому ну его нах, пускай лучше нас везут.

У пирса, где паслись пьяные толпы, приехавшие с соседнего острова Самуи, мы с трудом забрались в тайскую маршрутку, из которой всю дорогу слышались выкрики и визги наших юных попутчиков. Складывалось ощущение, что

эти ребята первый раз выбрались в самостоятельное путешествие и теперь желают испытать все радости долгожданной свободы. У входа на вечеринку надо было купить билет, но Илюша провёл меня обходной тропой, а ромом, соком и водой мы затарились заранее, чтобы не переплачивать.

Когда я только попал на пляж, происходящее там напомнило мне школьную дискотеку в её финальной части. Только при этом все были сильно и как-то по-любительски разукрашены флуоресцентными красками. Царило тут какое-то подростковое веселье. Парни скакали, как ненормальные, приветливо обращаясь ко всем с неизменным: «Вэ ю фром?», а их пухлорукие девицы непрерывно хохотали. И, конечно же, все ходили с пластиковыми ведёрками, как устраивающие куличики дети в песочнице, попивая из них миксы из крепкого алкоголя и энергетиков. Я ещё удивился, почему они прямо тут не падают и не валяются в песке, подобно местным собачкам, но оказалось, что это было только начало.

Луна стояла высоко, и её света вполне хватало для обзора забитого людьми берега. В какой-то момент с главной сцены в небо взметнулись фейерверки, заиграла какая-то европопса и по толпе прокатилась волна экстатических выкриков.

– И что, тут теперь всю ночь так и будет? – поинтересовался я, когда мы, отойдя в сторону, разливали ром по стаканам и разбавляли его соком, – Да это ж просто пионерский лагерь!

– Тут, к счастью не везде так. Пойдём дальше.

Озираясь, по сторонам, чтобы не быть случайно облитыми алкоголем из ведёр в руках у танцующей публики, мы попали в дальнюю оконечность пляжа и прошли по деревянному мостику среди огромных и покатых камней в некое пространство, где, как я понял, располагалась дискотека наших соотечественников. И надо отметить, что там всё было более достойно, чем колбасня на общем пляже – музыка качественней, а публика взрослей и спокойней.

К своему удивлению я повстречал там несколько знакомых, которых не видел с 90-х годов, а когда мы все вместе выпили, у меня появилось настроение танцевать.

Теперь я наконец-то понял, для чего всё это устраивается, пробуждая нашу первобытную память жизни в племенных союзах, когда после любого удачного события люди доводили себя до исступления ритуальными танцами у костра, а потом сделали их регулярными, приурочив к датам природных циклов.

Ночью, когда я уже порядком подустал и присел рядом с Илюшей, чтобы перекурить и выпить воды, он спросил меня:

– А ты помнишь, кто такой Билли Миллиган?

– Конечно. Это ведь я прислал тебе почитать про него.

Сам я узнал историю этого человека, страдающего синдромом множественных личностей благодаря посвящённой ему статье, где упоминалась так же документальная книга, написанная о нём Кизом Дэниэлом – автором трагического романа под названием «Цветы для Эджерона», знакомо-

му мне ещё по советской антологии американской фантастики. Именно прочитав этот роман, самая интеллектуальная из множественных личностей Билли Миллигана, которого звали Артур, договорился с другими, что этому автору можно довериться и обо всём рассказать.

Всего личностей в этом человеке было более двадцати, в том числе женские и детские; годами они пытались выстраивать отношения между собой, часто им это удавалось с помощью самых влиятельных из них, но иногда кто-то, существовавший на вторых ролях, всё неожиданно портил. До этого самый известный случай синдрома множественных личностей включал в себя около девяти персон. А этот парень содержал в себе слишком многочисленную группу, поэтому не мог нормально учиться в школе и в результате попал в тюрьму за преступления, совершённые кем-то из них.

Я знаю, что его историю пытались экранизировать несколько хороших американских режиссёров старой школы, но непонятно как там было с авторскими правами. После признания своего диагноза он провёл десять лет в лечебнице, был признан выздоровевшим, а через несколько лет после выхода навсегда исчез. И я поверил, что его личностям удалось между собой договориться, они устроили нечто вроде графика дежурств, а что касается добывания денег, думаю, проблем с ними у него не возникало – они обладали достаточным количеством востребованных профессий, а так же многие из них имели талант художников.

– Так вот, Федя,– сказал Илюша, – Этот человек живёт здесь. Я с ним дружу, и мы вместе пытаемся кое-что сделать. Конкретно говорить пока рано, но мы над этим работаем.

Думаю, если б мы не были к тому времени пьяны, Илюша мог мне ничего не сказать, так как не распространялся о своих планах с теми, кто в них не участвовал. Тогда я подумал, что мне, видимо, тоже уготовлена в них некая роль, потому что он добавил:

– Если он захочет, я тебя с ним познакомлю. Но с условием, что ты об этом не напишешь.

– Илюша, ну я ведь не журналист и понимаю, что любая тайна, не смотря на всю прелесть её раскрытия, должна сохраняться. Или иметь некий срок давности... А ему, вообще, сколько лет сейчас?

– Кстати, хорошо, что ты мне напомнил, у него скоро день рождения, надо подумать о подарке... Но он не очень старый, ему пятьдесят четыре года должно исполниться, а выглядит он вообще лет на сорок пять... Так, надо подумать, что ему подарить... А ты никаких книг с собой не привёз? Просто Артур учит русский, думаю «Евгений Онегин» идеально бы для него подошёл... Но вот остальным... Ох, я только сейчас осознал, это ж сколько мне надо подарков для них принести! Минимум четыре, для самых основных его личностей! Слушай, вот засада!

Однако уже через пару минут произошло событие, изменившее ход его мыслей.

Я даже успел зафиксировать момент, когда самозабвенно танцующие люди в десятке метров от нас неожиданно расступились, и в центре их круга словно материализовалась девушка в коротком синем платье и с длинными белыми волосами, чья кожа имела настолько необычный для этих мест бледно-молочный цвет, что сияла в отражённом от луны свете. Она вышла из круга и двинулась прямо к нам, обходя сидящих и спящих на подстилках людей.

Заметная издалека, она приковывала к себе общее внимание, я узнал её сразу, но когда она подошла совсем близко и, улыбнувшись, присела рядом, то с удивлением обнаружил, что она совсем не изменилась за те четырнадцать лет, что прошли со времён закрытия «Кругосветного Путешествия».

– Доброй ночи, – сказала она и добавила, посмотрев на Илюшу, – Я ещё в Москве пыталась с вами встретиться, но у нас это не получилось.

– Илюша... – прошептал я, – Познакомься, это Алла.

– Здравствуйте, – ответил Илюша и потом совершенно серьёзно – насколько позволяло ему пьяное состояние, добавил, – А вы мне, кстати, как-то приснились, лет пять назад...

И она не восприняла его слова как комплимент, из чего я сделал вывод – эта женщина сама может являться в сны тех, кому пожелает.

Под аккомпанемент монотонной музыки и белого лунного света, прерываемого яркими вспышками факелов, которыми

пытался кто-то жонглировать, Алла рассказала, что она антрополог, в девяностые годы жила в Европе, а в нулевые переехала в Азию. Но есть у неё и один проект, непосредственно связанный с нашим любимым городом. Исследуя его, она составляет собственную карту Москвы, отмечая на ней «добрые» и «злые» места, тёмные зоны и энергетические аномалии. Но так сама не появлялась там пару лет, то сейчас её интересует, что именно изменилось там после кризиса.

Илюша, хоть и возвращался домой прошлым летом, про кризис мог судить лишь по тому, как упал его доход от продажи товаров эзотерического магазина. Я же ответил, что многие грандиозные стройки заморожены и это хорошо для города, но в целом такое ощущение, что Москва как-то печально вздохнула и теперь замерла в отсутствии кислорода.

Мы ещё немного поговорили, но потом мне понадобилось отлучиться в туалет, а когда я вернулся, то Алла и Илюша уже настолько увлеклись беседой, что на меня внимания не обращали. Тогда я выпил ещё, немного прошёлся по окрестностям и в состоянии какой-то особой лёгкости, вызванной, возможно, лунным притяжением, забрался на огромный покатый валун. С него открывался вид на весь Хад Рин, с разных концов которого доносилась музыка, составляя единый хаотичный микс, напоминающий шум работы сталелитейного цеха. Однако, прислушавшись, в нём тоже можно было различить бьющий через край мощный энергетический нерв, и я сам не заметил, как пустился в одиночный шаман-

ский танец.

... Часа в четыре утра по пляжу прошла растянутая в цепь группа полицейских или даже каких-то военных. Они планомерно прочесывали всю территорию, не трогая пьяных или спящих, и обращая повышенное внимание на отчаянно выплясывающих живчиков, уводя с собой самых заводных, чтобы потом заставить их писать в баночку на предмет обнаружения в моче следов экстази и амфетаминов.

Чтобы не привлекать их внимание, я слез с камня и вернулся, обнаружив Илюшу уже в одиночестве, но с какой-то странной сигаркой в руке. Поначалу я удивился, ведь здесь он бросил курить из-за дороговизны и сомнительного качества местных сигарет, но потом до меня дошло, ведь мы – на Full Moon Party!

– Это что у тебя, косяк? – строго спросил я.

Илюша кивнул.

– А откуда он у тебя?

В ответ он лишь совершил руками загадочный жест, обращённый в сторону неба.

– Прячь скорей, сейчас сюда местные мусора придут!

Илюша поспешно отбросил самокрутку, будто это была петарда, вспыхнувшая в его руках, а для верности ещё и присыпал её песком.

– Илюша, ну зачем ты так?! – расстроился я, – Тут же ведь везде собачки писают! Да и вообще, как мы потом будем подбирать его и курить? Это же всё равно, что землю есть!

Но мой друг не успел мне ответить, потому что по деревянному настилу застучали ноги в крепких ботинках, и мимо нас прошли пятеро военных. Они остановились неподалёку и принялись изучать обстановку русского пати.

– А где Алла? – поинтересовался я у Илюши, поддерживая видимость светской беседы.

– Она пошла дальше, а я тебя ждать остался... Так это правда, что она тогда пыталась встретиться со мной в тот последний вечер, когда у меня клуб отобрали?

– Да.

– Странно. Ведь если б это произошло, всё могло бы быть совсем по-другому, – печально произнёс он и только сейчас я обратил внимание, какой же он грустный.

– Но зачем ты ей нужен?

– Просто она везде ищет соратников.

– И для чего?

Илюша пожал плечами.

– Да я пока сам не понял, мы же только познакомились. Но вечером опять встретимся, и она мне расскажет.

– Понятно. Только имей в виду, что она не совсем обычный человек, я, например, видел, как по её телу двигались чёрные татуировки. Кажется, всего пару секунд, но знаешь, мне этого хватило.

– Федя, да что ты несёшь! – ответил он, а когда удовлетворённые обстановкой военные прошли мимо нас обратно, сразу достал из песка косяк и добавил, – Давай лучше пере-

забьём его и покурим! Только я это не умею, поэтому, пожалуйста, сделай всё сам как надо!

...В половину седьмого начало светать, и мы выбрались на основной пляж, разглядывая уцелевшую публику. Некоторые немногочисленные персоны потерянно бродили по берегу, словно лунатики, кто-то спал на песке там, где упал, но основная масса оставшихся продолжала танцевать.

Теперь, когда все слабаки отсеялись ещё ночью, не выдержав этого изнурительного марафона, в толпе выделялось много молодых девушек спортивного телосложения, чья выносливость давала им явное превосходство на девятом часу непрерывных танцев. Глядя на их закалённые в европейских фитнес-центрах тела, Илюша сообщил мне, что днём или ранним вечером на другом пляже откроется after-party для самых стойких бойцов, но мне и так вполне хватило всего увиденного.

– Хорошо бы позавтракать, – сказал я, когда, возвращаясь на стоянку сонгтео, мы проходили мимо магазина «7/11», – Давай зайдём.

– Иди, я тебя подожду. Но, может, ты лучше грибного супчика захочешь отведать? Из волшебных тайских поганочек? – развеселился Илюша.

– А что, здесь есть такой? – совершенно серьёзно спросил его я.

– Ладно, я пошутил, поехали домой, а то будешь потом, как этот!

И он указал мне на сидящего прямо на земле парня с сияющими глазами. В сомкнутых лодочкой ладонях он бережно, словно драгоценные камни, держал осколки пляжных ракушек и кусочков омертвевших кораллов. Этими дарами он пытался поделиться с каждым, идущим мимо человеком, с улыбкой вытянув руки в сторону прохожих.

Теперь, после знакомства с Аллой, Илюшу я видел редко, ведь когда утром я уезжал на велосипеде, он ещё спал, а днём он передавал мне ключи от дома, потому что вечером я первый возвращался туда, нигде особо не засиживаясь.

Сидя на веранде, я слушал звуки джунглей, попивая пиво или ром с лимонадом, и меня это вполне устраивало – к тому времени я уже успел полюбить одиночные путешествия. Конечно, чтобы в первый раз уехать так далеко от дома мне понадобился проводник, а когда мой друг выступил в его роли и я усвоил несложные алгоритмы подобных перемещений, то уже мог отправляться дальше самостоятельно.

Стремительный роман, который случился у Илюши с девушкой, всё-таки встретившей его спустя четырнадцать лет, вызывал у меня некоторые вопросы, однако в ответ он только улыбался и говорил, что Алла – необычная женщина, что мне, в общем-то, и так было ясно. Как и то, что она очень быстро его околдовала и это понятие – вовсе не метафора, у меня ведь имелись некие представления о её возможностях. И ещё я смутно припоминал какую-то фразу, сказанную ей в

мой адрес, тогда она представлялась мне важной, но по прошествию стольких лет восстановить её смысл казалось уже невозможно.

– Илюша, а как твои дела с Билли Миллиганом? – поинтересовался я как-то утром, вернувшись домой после безуспешной попытки поплавать во время отлива на юге острова, когда воды там было по пояс.

– Да я уже пару недель с ним не виделся, – ответил он, собираясь на встречу с Аллой, которая жила на западе, в Шрилану.

– Может, ты мне всё-таки расскажешь, что именно вы с ним затеяли?

– В двух словах – снимать документальный фильм про невидимое туристами закулисье этого острова, про всю местную движуху. О том, сколько денег приносят острову все эти вечеринки и у кого они оседают. Туристы ведь видят только вершину айсберга, а мы попробуем раскрыть всю подноготную.

– Но это же опасно. Ваш фильм все его участники увидят рано или поздно.

– А ты думаешь, я в этой деревне собираюсь старость встречать, среди пальм? Азия -она большая, по ней всю жизнь можно путешествовать. Конечно, могут проблемы с мафией возникнуть, но Билли Миллиган учит меня шифроваться, у него большой опыт жизни под вымышленными именами и биографиями, ему любой разведчик позавидует.

– Илюша, будь осторожнее. И с ним, и с Аллой.

– Ну он-то тут живёт, а Алла скоро уедет. Но я, возможно, немного прокачусь с ней по другим островам, а потом заеду к ней на север, в предгорья, она говорит – там чудесно.

– Это горный климат на неё так подействовал? По-моему она с девяносто пятого года вообще не изменилась.

– Да, Федя, не то, что мы с тобой – один уже лысый, а другой – седой!

В конце второй недели я на пять дней снял себе бунгало в одной из труднодоступных бухт на северо-востоке острова, чтобы не мешать Илюшину роману и хоть немного почувствовать жизнь в глуши у моря.

Бухта была двойная, разделённая по центру скалистой, поросшей лесом грядой. Я жил на юге, в её более оживлённой части, под названием Nai Pan Yai. Здесь даже имелся магазин «7/11», но, не смотря на рыбацкий посёлок и какое-то количество бунгальных отелей, место оказалось действительно немногочисленным. Там не существовало никаких развлечений кроме дневного снорка и вечернего тупилова в кафе у воды, но я ни в чём не нуждался. Правда обедать мне приходилось в ресторанах, обнаглевшие хозяева которых заявляли цены согласно своему настроению, а оно всегда у них было хуже, чем у их коллег с более оживлённого юга острова.

Уже намного позже я узнал, что именно в этих тихих местах и происходили главные наркотические движения остро-

ва – купить там можно было не только марихуану, но и многое другое. Однако, ни с кем не общаясь, я просто этого не заметил, а Илюша не счёл необходимым вводить меня в курс дел. Впрочем, свой психоделический трип я там всё равно получил, когда в последний день меня накрыла лихорадка денге.

Просыпался я перед рассветом, выходил на пляж, встречал встающее из моря солнце и всю первую часть дня нырял с маской и трубкой, а полуденную жару переживал на своей веранде, сидя за ноутбуком, дабы интернет здесь хоть и медленно, но работал. Когда солнце зависало над горами, я вновь возвращался в воду, наблюдая вечернюю жизнь рыб и остатка кораллового рифа, на котором они и обитали. Подводная живность тут явно проигрывала Красному морю, кораллы, похоже, погибали и многие пляжи были усыпаны их мёртвыми остатками, а опытные люди говорили, что для настоящего снорка надо ехать на Тао. Да и никаких красивых закатных всполохов на восточном побережье не наблюдалось, тьма просто раскрывалась, возникая со всех сторон, и оставалось коротать остаток вечера в баре, либо на той же веранде.

За всё, проведённое здесь время я обмолвился всего несколькими словами с французской девушкой, которая тоже вставала и плавала рано по утрам, и молодой тайкой, что присматривала за моим комплексом бунгало. Так я и жил, начав понемногу писать вечерами, а потом меня заколбаси-

ло.

Известно, что существуют четыре серотипа вируса денге, а один комар может переносить сразу несколько его разновидностей. Видимо поэтому лекарство от него так и не изобрели, и иммунитета от болезни нет тоже. Наоборот, с каждым новым заражением шансы на смерть увеличиваются, поэтому она более опасна для тайцев и тех фарангов, что живут здесь десятками лет. Основными переносчиками денге являются комары, а так же летучие мыши и прочая живность. Но людей кусают в основном комары. Поражённые вирусом насекомые имеют на теле белые точки – это я видел потом на фото в интернете.

Не знаю, в этой ли бухте меня укусили – инкубационный период может длиться от трёх дней до недели, поэтому понять, где и когда именно я заразился уже невозможно. Тем более, вечером я всегда использовал купленную в Бангкоке жидкость против москитов, и это означало, что ужалили меня, скорее всего, на рассвете.

Сначала, переживая полуденную жару, я подумал, что просто перегрелся во время утренних погружений, но ближе к вечеру появились симптомы, как при сильной температуре во время гриппа с гулом в голове и ломотой в суставах. Я сообщил Илюше, что подхватил лихорадку, а за бунгало у меня оплачено до завтрашнего утра, и он ответил, что завтра заберёт меня, посоветовав постараться всё-таки дойти до

ближайшей тайской лавки и купить несколько литров воды. Хоть и с трудом, но я это проделал, каждые сто или пятьдесят метров останавливаясь на привалы в тени под деревом.

А после заката, с наступлением темноты, началось самое интересное.

Из-за температуры и шума в голове я не мог читать или даже слушать музыку, поэтому просто лежал с включённым светом, когда кто-то робко постучал ко мне в дверь. Я открыл её и увидел тайскую девушку, дочь хозяев, которая убиралась тут и присматривала за бунгалом. Она вошла, а когда я сообщил ей, что заболел, она, как мне показалось, сильно обеспокоилась.

– О, денге, денге, – сокрушалась девушка, – Ложись, тебе надо лежать.

Я в этот момент стоял, ссутулившись и держась рукой за стенку, поэтому сразу послушался и, сделав всего один шаг, вернулся в кровать – кроме кровати, тумбочки и вентилятора в моём маленьком сарайчике ничего больше не было, даже вешалки для одежды.

А она встала рядом, продолжая что-то говорить, покачиваясь при этом из стороны в сторону, а с её телом начали происходить необъяснимые метаморфозы. Оно удлинялось и истончалось, её руки вытянулись и как-то необычно изогнулись, вывернувшись в локтях, бёдра же стали плоскими и широкими, выведя вперёд высокие колени. На моих глазах девушка превращалась в существо, напоминающее самку

богомола, продолжая при этом раскачиваться передо мной, как в брачном танце, видимо, намекая на соитие, после которого я буду съеден.

Кроме подушки или маски с трубкой отбиваться от неё мне было нечем, а она нависла надо мной, и лицо её хоть и не изменилось, но неподвижно застыло, как маска, а тёмные глаза выражали какую-то вечную тоску.

В этот момент незапертая дверь распахнулась, и ко мне в бунгало ворвался Илюша.

– О-о, Илюша, ты приехал! Спаси меня! – простонал я, – Ты видишь, в кого превратилась эта милая девочка!

– Федя, здесь же никого нет! – Илюша насторожился, – У тебя что, галлюцинации?!

И действительно, оглядевшись по сторонам, я осознал – в этой деревянной коробочке мы с ним одни.

– Ох, блин, вот меня колбасит! Слушай, ты можешь прямо сейчас меня увезти? Я что-то не хочу больше тут оставаться!

– А ты удержишься? – с сомнением поинтересовался Илюша, а когда я кивнул, то ответил, – Ладно, поехали.

Убрав в рюкзак ноутбук и полотенце, я вышел на веранду и запер комнату, оставив ключ в замке, сел сзади на скутер и мы тронулись в путь по забирающей вверх тропе, а поднявшись к главной улице посёлка, покатали к выезду из бухты. На повороте свет скутера упал на обочину, где находился небольшой магазин тайских статуэток для украшения дома или сада. Они стояли прямо у дороги и на ночь их обыч-

но накрывали брезентом, но сегодня почему-то забыли, из-за этого мы их и потревожили – мне показалось, что некоторые фигуры повернули головы, отворачиваясь от яркого луча фары.

Затем, уже за нашими спинами раздался скрежет по асфальту и какой-то тяжёлый, чугунный топот. Он не отставал, и это означало – кто-то явно преследует нас.

Стояла безлунная ночь, и как я не оглядывался, не мог никого заметить на тёмной дороге, однако гулкие звуки и странное металлическое пощёлкивание раздавалось уже совсем близко.

– Илюша, жми на газ! – кричал я, слыша за спиной цоканье по асфальту, какое-то гудение и визгливые скрипы, от которых немела спина и мурашки ползли по коже, – Мы потревожили ритуальные скульптуры и теперь они нас догоняют!

Илюша встрепенулся, выжимая из своего «мотосая» всю его мощь, а хорошая дорога с покрытием в этот момент уже кончилась, мы с разгона принялись взбираться на один из перевалов, и я даже удивился, почему мы так легко тянем вверх.

Стук копыт и шелест крыльев за нами отдалился и стих, а Илюшин скутер продолжил своё движение, его колёса оторвались от земли, и он взлетел над дорогой. Я весь сжался, как в прыжке, ожидая падения, но высота только возрастала и вскоре мы уже неслись над верхушками деревьев. Теперь я

видел под собой северный берег острова и более светлое по контрасту с ним море, усеянное зелёными неоновыми огнями рыбацких лодок, приманивающих кальмаров.

– Илюша, – гаркнул я ему в ухо, перекрикивая ветер, – Быть такого не может! Моторолеры не летают!

– Ну да, – отвечал он, – Это же твоя галлюцинация, вызванная лихорадкой.

– Что, серьёзно?

Мне сразу стало как-то грустно и, перестав верить в реальность происходящего, сразу рухнул в воздушную яму, очнувшись, лежа в своём бунгало, весь в поту, не смотря на работающий вентилятор. Приподнявшись на кровати и почувствовав, как непривычно ноет всё моё тело, я выпил воды и опять погрузился в мир фантастических видений.

Теперь мы спускались на батискафе в глубоководную впадину совсем недавно обнаруженную в окрестностях острова, а Илюша объяснял мне, что здесь находится так называемая Сиамская Атлантида, от которой пошло развитие всех цивилизации этого региона. Но чем глубже мы погружались, тем хуже мне становилось из-за нарастающего давления, а потом трос, соединяющий нас с дрейфующим на поверхности кораблём, оборвался.

Тогда мы соскользнули в плотную пустоту, всё сильнее сжимавшую скорлупу нашей посуды, а когда заклёпки из-за нарастающего давления стали пулями выстреливать из обшивки, не выдержав тяжести многих тысяч атмосфер, наше

падение закончилось в ладонях у стоящей на дне гигантской статуи Будды.

Утром я проснулся оттого, что у меня дико ломило мышцы или суставы рук, ног, спины и шеи. Лежа в кровати, я принялся медленно крутиться, как веретено и тогда мне становилось немного легче.

Когда за мной приехал Илюша, мне было сложно поверить в его «настоящность» и как-то проверить это, ведь будучи плодом моего воображения, он мог правильно ответить на любой заданный мною вопрос, так как ответы так же исходили из моего мозга. Впрочем, когда я, собирая рюкзак, испытал приступ головокружения, то сразу понял – если мне дурно и тяжело – значит, это не сон, а суровая реальность.

Обхватив Илюшу за пояс и сцепив руки замком, я тяжело дышал ему в спину, стараясь не болтаться из стороны в сторону, а пока мы не попали на нормальную, относительно ровную и асфальтовую дорогу, а езда по грунтовке представляла из себя подъёмы и спуски под углом в девяносто градусов. Илюшин мопед просто не мог вытянуть такой подъём с двумя пассажирами, поэтому несколько раз мне приходилось слезать и плестись пешком, что в моём состоянии практически приравнивалось к высокогорному восхождению.

Время от времени мы останавливались на привалы, а когда, наконец, добрались до дома, я лёг на матрас на полу и опять принялся стонать и извиваться, как червь, сглаживая

боль в суставах. Наверно, со стороны это выглядело комично, потому что Илюша, понимая моё состояние, с трудом сдержался, чтобы не прыснуть от смеха.

К вечеру боль немного утихла, я смог поесть смешанных с йогуртом фруктов, а потом к Илюше приехала Алла, осмотрела меня и намазала ноющие части тела тигровым бальзамом, заметив, что какого-то особого лечения в моём случае не существует, кроме варианта поехать в госпиталь и на пару дней лечь под капельницу. Но без страховки это дорого, а если бы она и была, то страховая компания вполне могла отказаться оплатить госпитализацию, потому что не считает денге смертельной для европейцев – такие случаи уже были, поэтому я должен сам перенести лихорадку.

Приближался закат и я рассказал ей о своих ночных галлюцинациях, а Алла ответила, что пока не стемнело, они с Илюшей должны кое-что мне сообщить.

– Ты ведь заинтересован в том, чтобы наш город менялся в лучшую сторону и становился более пригодным для жизни, а служил не только фабрикой для зарабатывания и траты денег? – поинтересовалась Алла.

В ответ я кивнул.

– Кризис уже остановил грандиозные Лужковские стройки и распыление средств на чудовищные проекты, меняющие облик города, – начал Илюша, – И сейчас, во время такого затишья многие размышляют о том, как им самим, не дожидаясь помощи от властей, обустроить те районы, где

они живут и работают. Надеюсь, это многое изменит, но есть и кое-что скрытое.

– Как и в любом городе, в Москве существуют свои хорошие и плохие места, многие из них настолько старые, что давно вплелись в городскую ткань и стали чем-то привычным, так они маскируются, – продолжила Алла, – Поэтому проблема не только в том, как их убрать, а как их обнаружить. То есть место, например, явно «фонит», оно гнилое совсем, но вот из-за чего конкретно – непонятно. Это может быть и чья-то забытая могила или даже целое здание засекреченного института, где в 50-е годы проводили эксперименты по прорыву ткани реальности.

– И одна из таких точек на карте города – это Музей Современного Искусства, – вновь заговорил Илюша, – Алла уверена – с ним явно что-то не так, его фонды и выставочные пространства полны большого количества объектов, инсталляций, артефактов и некоторые из них реально опасны. Какие именно – нам с тобой, Федя, и предстоит выяснить, потому что мой знакомый по университету работает там директором выставочного отдела и у тебя есть шанс попасть туда на работу.

– Это интересно, – отвечал я, ощущая в этот момент какую-то нереальность всего происходящего.

– Ты должен устроиться туда и начать с этим разбираться – пока только понять, что именно там происходит. А когда я вернусь домой – не всё же время мне тут торчать – то тоже

туда устроюсь. И мы вместе, с помощью Аллы, вычислим эти объекты и придумаем, как от них избавиться. Как тебе такое предложение?

Хоть я и чувствовал себя неважно, но внимательно выслушал всё сказанное и мой ответ оказался краток:

– Я бы в любом случае хотел в музее поработать. И если то, что вы говорите – действительно так, давайте копать в этом направлении. А сейчас извините, мне что-то опять плохо.

Я осторожно встал и, держась за стенку, проследовал в туалет.

– Ты лежи и ни о чём не беспокойся, – отозвался Илюша, когда я вернулся, – А мы поехали на день рождения к Билли Миллигану. Как ты понимаешь, сегодня познакомить вас не получится.

– И сколько у вас для него подарков?

– Один главный и шесть маленьких, для четверых взрослых и двух детских личностей.

– Молодцы. Здорово придумали.

– Но имей в виду, что я вернусь только утром, – продолжил Илюша, – И если встретишь меня среди ночи, то это будет твоя галлюцинация. Запри за мной дверь и постарайся поесть чего-нибудь из холодильника.

– Илюша, привези мне мороженого!

– О, это очень хорошо, что ты о еде подумал – значит, ты выздоравливаешь.

К счастью, галлюцинации меня больше не посещали, и хотя спал я плохо, но сны мои оказались похожими на кино – в перерывах между пробуждениями я успел посмотреть продолжение сериала под названием «Приключения Илюши».

После того, как разумные подводные существа помогли нам выбраться из упавшего на дно впадины батискафа, вытащив его с помощью прирученного ими гигантского кальмара, мы полетели на воздушном шаре на юг Таиланда, к границе с Малайзией – в опасные районы, где свирепствуют мусульманские партизаны.

Там мы отыскивали затерянный в джунглях монастырь, обитатели которого, дав обет молчания, собирали по всей Азии осколки Серебряного Зеркала, разбитого во время китайской оккупации Тибета, которая и была устроена ради его уничтожения.

Однако за последние пятьдесят лет кусочки вечного зеркала обнаруживались подчас в самых неожиданных местах, и секретная миссия Илюши как раз и заключалась в том, чтобы доставить в монастырь один из таких осколков, поэтому нас с почестями встретили и даже разрешили посмотреть в воссозданный мастерами фрагмент Зеркала. В нём мы разглядели вещи, полностью изменившие нашу картину восприятия мира, но начисто всё забыли, когда покинули это скрытое от людей место.

На следующий день мне немного полегчало – мышцы уже

просто ныли или болели, но их больше не выкручивало внутри моего тела, да и температура, кажется, тоже начала понижаться, и я больше не испытывал ничего, кроме обычной слабости, ставшей для меня долгожданным отдыхом после всех этих мучений. Поэтому те, кто считает Панган психоделическим островом, могут быть уверены – здесь можно хорошо улететь и без наркотиков.

На четвёртый день после начала лихорадки я уже нормально ел и немного прокатился на велосипеде, на пятый почувствовал себя вновь в хорошей форме, но только оставалось мне всего два дня до отъезда.

Впрочем, всё могло быть и хуже. Если б мне пришлось возвращаться в этом расколбасе обратно в Бангкок или лететь в самолёте – меня могли бы в таком состоянии запросто сдать сразу по прилёту в инфекционную больницу и потом недели две продержат на карантине в компании с больными малярией, холерой и каким-нибудь очередным мутировавшим гриппом.

– Илюша, а наш разговор с Аллой не является плодом моих фантазий? – спросил я его, когда уже полностью выздоровел, – Ты действительно устроишь меня работать в Музей Современного Искусства, чтобы вычислить там какие-то опасные артефакты?

– Да, и я уже списался с директором выставочного отдела, но к себе в отдел они тебя взять не могут, либо просто не хотят. Зато в музее нужны монтажники, поэтому ты пока

им и поработай. Да, это суровый труд, но зато ты постоянно станешь бывать в хранении и всё там осмотришь.

Что ж, такой расклад меня вполне устраивал – я всегда мечтал побывать в музейных запасниках, тем более шансов найти работу в качестве сценариста у меня всё равно не было.

В последний вечер я прикатил на велосипеде к малому пирсу и присел на парапет в окружении стоящих с удочками местных жителей. Достал бутылку лимонада, отпил из неё и влил туда рома.

Солнце уже скрылось за одним из двух островков в километре от берега, начинались сиреневые сумерки, а я любовался на корабли, стоящие на рейде к западу от Пангана и думал: «Какой же я дурак, что купил билет всего на три недели!» Конечно, я совершенно не представлял, что меня ждёт на острове, и только пожив тут, начал осознавать – стоило использовать эти летние каникулы по полной программе и провести в Таиланде весь безвизовый месяц, а то когда теперь я здесь ещё окажусь?

Но было поздно.

На следующий день я взошёл на борт парома, в чрево которого загружались автобусы и легковые машины, поднялся на верхнюю палубу и помахал рукой провожавшим меня Илюше и Алле.

Корабль отчалил, а когда мы отошли от острова и встали

на фарватер, я увидел по правому борту множество других, совсем маленьких островов и их вид наполнил меня ощущением того, что я всё-таки исполнил свою детскую мечту. Но теперь, осознав, как, в общем-то, несложно оказалось её осуществить, буду слишком часто думать о возвращении.

А с Билли Миллиганом Илюша меня так и не познакомил.

Часть

III

ММСИ 1

Когда-то я думал о том, что человеку творческих профессий может пойти на пользу физический труд, и полагал, что смена вида деятельности взбодрит меня и внесёт в мою жизнь перемены. Поначалу так оно и случилось, но проработав шесть лет монтажником, я больше не строю иллюзий о пользе такой работы. Затрата сил хороша только если ты возделываешь свой собственный сад, строишь свой дом или – в самом радикальном варианте – восстанавливаешь родной город после катастрофы. Все же остальные варианты являются только более комфортными ситуациями твоего личного трудового лагеря, если, конечно, он отличается от тех, куда насильно сгоняли людей и где они работали за еду. Просто сейчас им дали возможность верить, что они тратят свои силы и разум в обмен на универсальные ценности, вроде денег, успеха или власти.

Впрочем, такие мысли меня настигли гораздо позже, а в начале марта 2009 года, через две недели после своего возвращения с острова я поступил на работу в Московский Музей Современного Искусства в должности «монтажника экспозиции и художественно-оформительских работ». В других отделах, где бы я тоже мог работать, все места были заняты выпускниками МГУ и РГГУ, они предпочитали свои компа-

нии и тоже имели друзей и однокурсников, поэтому шансов перевестись к ним у меня не было.

Но, не смотря на это, в музее мне понравилось. В то время все были относительно молоды, а количество сотрудников в отделах ещё не настолько сильно разрослось, поэтому все дружили, вместе отмечали дни рождения и выпивали на открытиях. Мне даже показалось, что я снова попал во времена моего студенчества, только, в добавок к общему веселью, здесь ещё два раза в месяц выдавали зарплату. И впервые за много лет мне не надо было выбивать из работодателей гонорар, который они всегда старались выплачивать мизерными частями, благодаря чему деньги сразу же исчезали. Да, первые годы моей работы здесь всё было проще и спокойнее. Конечно, приходилось иногда переделывать часть уже готовой выставки или оставаться работать в ночь на выходные, но перевесить картины в паре залов это не то же самое, что переписать поэпизодный план сценария, а за переработки нам выплачивали сверхурочные.

Но потом всё изменилось.

К тому времени, как я пришёл, в бригаде было уже четырнадцать человек, и я стал пятнадцатым. Сначала бригадиром был Митя, но потом его уволили за пьянство и на его место назначили пятидесятилетнего Олега, у которого через три года начало пошаливать сердце и он даже попал в больницу, после чего его сменил мой ровесник Кирилл. Сначала

он показался мне рассудительным и вменяемым, но на второй год бригадирства запас его прочности закончился и теперь он на моих глазах приобретал серьёзную форму невроза.

В самой бригаде существовало несколько фракции, участники которых старались держаться вместе. Изредка кто-то увольнялся и на его место приходил другой работник, примыкавший к одной из группировок в зависимости от своего происхождения, воспитания и жизненных установок. Часть бригады была практически непьющей, другая же квасила прямо на работе – это были здоровые ребята, которые могли запросто выпить за пять-шесть часов по поллитра водки каждый, при этом оставаясь вменяемыми и шутливыми. Они охотно соглашались на дежурства и оставались сверхурочно, поэтому на их проделки закрывали глаза. Я же, со своими винными привычками, был непонятен ни тем ни другим, и в алкогольной части бригады меня считали чистоплюем, а среди трезвенников я заимел репутацию пьяницы.

Ещё здесь процветали интриги, и если раньше я думал, что людям, получающим одинаковую и скромную по московским меркам зарплату делить особо нечего, то в последствии осознал, как сильно я ошибался.

Конечно, не всем поручалась денежная халтура, и разборки возникали из-за того, кому именно работать в выходные по двойной ставке, но взаимная неприязнь возникала из-за тех же отличий в культуре и воспитании – слишком разным

людям приходилось быть вместе. Когда вся бригада собиралась в нашей комнате на Петровке – тесной и узкой, похожей на пенал и переделанной из бывшего туалета, мне казалось, что примерно так выглядит набитая сидельцами тюремная камера, и я терял момент самоидентификации, не понимая больше, кто я такой.

В этом смысле работа действовала на меня разрушительно, но приносила постоянный доход и удовлетворяла эстетические потребности. Мне нравилось находиться в музейных хранилищах и рассматривать картины во время их регулярной описи. Так же я успел побывать в запасниках всех известных московских музеев, кроме Пушкинского, и прикоснуться к тем вещам, которые, вообще, мало кто видел.

Мне казалось, что музей – это всего лишь одна из работ, на которых я особо не задерживался больше года, но только когда 1 апреля 2014 года я вернулся из отпуска, который провёл в индийском штате Керала, то с ужасом понял, что не хочу больше приходить по утрам в этот особняк на Петровке, где меня подташнивает от одного только цвета стен в коридоре. А через пол года мне исполняется сорок лет, и у меня нет никаких готовых для реализации проектов, ни творческой энергии, ни перспектив. Я снова оказался в ситуации выжатого тюбика из-под зубной пасты, как это бывает после окончательного утверждения мучительно долго писавшегося и переписывавшегося сценария. Да только сейчас у меня

не было ничего.

Конечно, за первый год я расслабился. Мне нравилось приходиться в музей, как в некий творческий клуб и общаться с сотрудниками других отделов, а большинство моих коллег были молодыми людьми с хорошим чувством юмора, но постепенно многие из них ушли на более престижные работы. Уровень интеллекта в бригаде сильно упал, потому что остались в ней в основном те, кому просто повезло сюда устроиться, потому что других перспектив у них не было. И среди них – я. Слишком поздно осознав, как сильно может затянуть бездеятельная стабильность.

В самом начале 2013 года я влюбился в девушку из выставочного отдела на десять лет меня младше, а 13 марта, в сырую и снежную погоду возвращаясь домой с открытия выставки современного искусства Японии, сломал себе ногу, поскользнувшись на ступеньках на выходе из перехода метро. За двенадцать недель в гипсе и последующий восстановительный период я разработал комедийный сериал про жизнь художественной среды в месте, напоминающем Винзавод, но подобная история никого не заинтересовала. Продюсерам нужны были семейные саги, мелодрамы или такие молодёжные комедийные сериалы, которые будут понятны всей аудитории популярного канала.

На работу я вышел в июле, на самом пике лета и сразу почувствовал, что всё стало совсем невесело. Та девушка из

музея уже уволилась, а те, кто остались, стали какими-то пафосными и надменными, поговорить с ними о чём-либо, кроме работы сделалось невозможным.

Теперь здесь царила атмосфера отстранённости и ещё чего-то такого, чему я не сразу нашёл определение. Как будто в моё отсутствие все прошли через какое-то невидимое облечение, став мрачными и равнодушными существами, а атмосфера в бригаде совсем протухла. Накопилось большое количество взаимных обид и упрёков. Мне было очень странно наблюдать взрослых людей, которые ведут себя как дети, перекладывая друг на друга ответственность и отказываясь признавать собственные оплошности и ошибки.

В то время я уже стал забывать для чего именно я сюда пришёл. Ведь не имея способностей к взаимодействию с тонким миром, за эти годы я так и не вычислил ни одного опасного объекта, хотя многие из них действительно казались мне подозрительными.

Но тогда, в середине лета, я явно почувствовал – что-то случилось и в музее заработало мощное тёмное поле, влияющее на всех его сотрудников. Но что или кто именно его создаёт – узнать не в моих силах, пусть этим занимается Алла, а мне пора сваливать отсюда, пока я сам не превратился в скандального и пьющего неудачника. Впрочем, по московским меркам я и так уже считался порядочным маргиналом. За эти годы я успел растерять большинство связей, и уходить мне было некуда, поэтому, не в силах изменить внешнюю си-

туацию, я занялся внутренней.

Делать зарядку я не переставал даже когда моя правая нога была закатана по колено в гипс, и это не так сложно, как может кому-то показаться, существуют вполне доступные асаны. Сам гипс мне сняли в начале лета, но всё оно ушло на восстановление прежних функций – я ещё долго не мог бегать, но зато у меня хорошо получалось крутить педали велосипеда. Осенью я стал раньше ложиться и вставать, далось мне это непросто, но труднее всего было побороть привычку квасить по выходным. Помню, как, стиснув зубы, я проезжал на велосипеде по летнему вечернему городу, среди гуляющих пар и сидящих в уличных кафе компаний – одинокий, трезвый и печальный.

Мне понадобился примерно год, чтобы из совы постепенно стать жаворонком. Вместо девяти я просыпался теперь в семь, и у меня появилось утреннее свободное время, чтобы спокойно заниматься своими делами. Тогда я думал, что если стану дисциплинированным, то у меня появится, наконец, время, чтобы писать и пусть не скоро, но получить результат. На сценарные дела я больше не ставил, решив, что пора возвращаться к написанию прозы – пространству, где меня никто не мог ограничить, но вернуться к этому оказалось сложнее, чем я думал.

Проблема заключалась в том, что я утратил саму способность сосредотачиваться на написании текста и в свои выходные, когда я тупил перед экраном компьютера, мне с трудом

удавалось фиксировать какие-то смешные истории про музей, напоминая самому себе антрополога, долго прожившего в изучаемом им племени аборигенов и утратившего мыслительные навыки.

Вот и случилось так, что организовав свой образ жизни и весной 2014 года приехав из Индии, я неожиданно ясно осознал, что мне больше не нужна эта работа. И пусть я не смог выполнить задание и распознать объект, из-за которого тут стало всем так хреново, пора отсюда сваливать, пока он и меня не уничтожил. Тем более, потратив несколько лет на обслуживание интересов других авторов, я постепенно начал забывать, что сам им являюсь.

Однако, не собираясь принимать спонтанных решений, я мыслил стратегически, планируя доработать год до конца, чтобы накопить денег на зимовку в Таиланде, а так же – что немаловажно – в апреле в Москву вернулся Илюша, которого ждало место в выставочном отделе нашего музея и мне показалось забавным с ним опять поработать.

Три года назад Илюша окончательно покинул Панган и теперь приезжал домой каждый тёплый сезон, но без Аллы, рассказав, что она сейчас находится в одной высокогорной пещере.

– И что она там делает все эти годы? Медитирует?

– Э-э, знаешь, в это трудно поверить, но, похоже, она там спит.

– Ого! Это как великие воины и йогины, которые должны пробудиться перед решающей битвой?

– Нет, она просто ведёт такой образ жизни.

На дальнейшие же мой расспросы он отвечать не стал, сказав, что когда Алла приедет, то сама мне всё расскажет, если захочет.

С Пангана Илюше пришлось спасаться бегством после того, как они с Билли Миллиганом всё-таки сняли документальный фильм про местную мафию. Сам он ещё легко отделался, потому что Миллигана тайцы умудрились отравить каким-то редким ядом, пообещав противоядие, только если он сотрёт все копии фильма и навсегда уедет.

Те его личности, которые занимались съёмками, решили, что уничтожать фильм нельзя и, к счастью, Алла помогла им с Илюшей покинуть остров, отведя глаза местным наблюдателям, после того, как мафия приказала их не выпускать, а потом как-то умудрилась самостоятельно вылечить Билли. Что тут скажешь, уж лучше бы они привлекали внимание к погибающим коралловым рифам, никто ведь не любит иностранцев, играющих на чужой территории в борцов с коррупцией. Когда Миллиган выздоровел, они распрощались и с тех пор больше не виделись, он лишь один раз кратко ответил на его письмо, сообщив, что вернулся домой.

Илюша же проводил теперь зимы на севере Таиланда, либо в Катманду или на юге Индии, где мы с ним пару раз пересекались. Там он осваивал языки, как местные, так и ев-

ропейские, общаясь с другими лонгстеерами, и присматривался к местным вариантам и способам ведения бизнеса. Но сейчас, в предчувствии кризиса, связанного с беспокойной политической ситуацией из-за событий с Украиной, он решил не строить никаких планов на будущее и просто пожить дома.

Впрочем, и сам я, возвращаясь в апрельскую Москву, тоже готовился попасть в эпицентр политических и экономических потрясений. Обычно в отпуске всегда забывая о доме, сейчас это оказалось невозможным, и когда я встречал в кафе или на пляже кого-то из соотечественников, меня первым делом спрашивали: «Вы были сегодня в интернете? Какие новости из России и Украины?» Вечерами мы обсуждали ситуацию с Крымом и пытались понять, чем это обернётся для нас в долгосрочной перспективе. И тем сильнее меня поразило по приезду, насколько многие тут спокойно к этому отнеслись.

Однако оба мы решили, что некие непредсказуемые и деструктивные события просто на время отложились, но не исчезли, маяча впереди серым призраком, и в нашем видении ближайшего будущего присутствовала сосредоточенная готовность ко всему, как у людей, живущих на потревоженном вулкане, в государстве, где скоро могут просто кончиться деньги.

ММСИ 2

Летом четырнадцатого года я просыпался в семь утра, пару часов наслаждался тишиной и спокойствием, а потом включал режим робота и ехал в музей. В центре города я встречал на удивление много людей, которые просто гуляли или сидели на лавочках, наслаждаясь неспешным течением самого щедрого времени года и мне, каждый день проходящему мимо них на работу, это казалось необычным. Хотя и не так давно я сам был одним из них.

Ещё я представлял себе, как где-то рядом, в соседнем старом доме, в комнате, пахнувшей тёплым деревом и камнем, сейчас просыпаются влюблённые друг в друга парень и девушка. Окна у них распахнуты и густая зелень деревьев во дворе даёт прохладную тень, а они улыбаются друг другу, и, как ни странно, мысли о том, что кому-то сейчас лучше, чем мне, смиряли меня с собственным существованием.

А ведь когда-то у меня был целый период, когда мне не нравилось лето – времена в отсутствии дачи, в отсутствии денег и работы, когда в городе прекращалась всякая культурная жизнь, а девушки разъезжались на море. Теперь же всё было не так, я опять любил его, как в детстве, но не имел возможности прочувствовать, потому что постоянно был занят – работы на четырёх музейных объектах всегда хватало.

Одни выставки заканчивались, их надо было упаковать для перевозки и вернуть владельцам, потом завезти новые, подготовить залы, составить экспозицию и смонтировать – музейная работа уже превратилась в конвейер. Иногда утром мне звонил бригадир и просил приехать совсем на другой объект – всё постоянно переигрывалось и ситуация могла пару раз полностью измениться в течение получаса.

В целом, моя работа чем-то напоминала труд пожарных, состоящих из часов ожидания и быстрых коллективных действий, иногда сверхурочно – открытия выставок почему-то всегда планировались на начало недели, а из-за общей несогласованности разных отделов часто монтировались в последние дни, то есть в выходные. И, не смотря на занятость в учреждении культуры, я жил в некоем интеллектуальном вакууме, потому что кроме самой работы никаких общих тем для общения с коллегами по бригаде у меня не было.

У Илюши, конечно же, ситуация была гораздо лучше, с ним работали нормальные молодые люди, правда излишне пафосные, впрочем, мы сами в их возрасте вели себя также. Правда, некоторые из них так дико тупили и косячили во время подготовок своих выставок, что в этом заключалось даже нечто дикое, о работе выставочного отдела ходили легенды. Меня, вообще, после Мосфильма поражала ситуация, что так жестоко облажавшись в ответственных делах, эти люди всё равно продолжали оставаться на своём месте – со студии их бы сразу уволили, при этом вдобавок не заплатив за

текущий месяц. Но здесь без сожалений расставались только с техниками или монтажниками, поэтому одного парня, имеющего блат, который заперол большую международную выставку из-за проблем с веществами, сначала отправили на лечение, а потом, когда он вернулся тихий и спокойный, просто перевели в другой отдел, где он продолжал заниматься какими-то менее масштабными проектами.

Илюша приступил к работе сразу после майских праздников и один товарищ из нашей бригады так прокомментировал его появление:

– А в выставочном теперь какой-то длинный хрен новый. Всё чё-то ходит, смотрит, а понять ни хрена не может.

– Да это вообще мой старый друг, – ответил я, но не стал про него ничего рассказывать, уже понимая – всё сказанное мной будет впоследствии использовано в качестве материала для сплетен.

Чуть позже Илюша сам услышал, как двое монтажников обсуждали девушку из его отдела, которая не смогла договориться с таможей, из-за чего ящики с работами задержали в аэропорту на двое суток, и их должны были привезти только в ночь перед открытием. Те эпитеты, которыми они её наградили, а так же пожелания, высказанные в её адрес, произвели на моего друга неизгладимое впечатление.

– Да, Федя, теперь я тебя понимаю, в таком коллективе можно либо стать просветлённым, либо с ума сойти.

– Кое-кто считает, что это одно и то же.

Впрочем, веселья тут по-прежнему хватало, просто я как-то привык за годы работы к всеобщему безумию современного искусства.

Меня больше не удивляло, когда я изготавливал из листов гофрокартона большую картонную коробку, которую потом какая-то девушка прогрызала зубами, словно гусеница, высвобождаясь из неё на своём перформансе. Или когда в центре экспозиции ставили большую ёмкость с забродившим тестом, и оно вспучивалось на протяжении всего открытия, а я потом долго избавлялся от этой субстанции, похожей на биомассу из советского фантастического фильма «Через тернии к звёздам». В это время в соседнем зале посетители пытались есть поп-корн из большого, огороженного досками загона, а когда зрительницы рассказывали им, что вчера в этом пространстве ползал почти голый мужчина, те в панике бежали в туалет.

Один раз в Ночь Музеев, на глазах у публики, трепыхаясь в пустом тазу, умирала, задыхаясь, живая рыба, а возмущённые зрители в ужасе бормотали, ни к кому конкретно не обращаясь: «Они тут что, совсем уже охуели? А котёнка убить не пробовали?!»

Бывало, что какие-то картины монтировали вверх ногами, потому что без присутствия автора понять это было невозможно, а один раз уборщица смахнула с подоконника японскую инсталляцию со страховочной стоимостью в десять ты-

сяч долларов, приняв её за мусор – впрочем, подобные ситуации со странной частотой стали происходить по всей Европе.

И только один раз за последние пару лет я увидел нечто по настоящему красивое, когда обнажённая Ариадна лежала на постаменте и была опутана светящейся нитью, по которой, следуя своему интуитивному замыслу, в полной темноте к ней шёл Тесей.

С начала лета мы с Илюшей вместе часто бывали в фондах, где он с другими сотрудниками осматривал работы для предстоящей юбилейной выставки к пятидесятилетию ММ-СИ. Многие объекты действительно выглядели пугающе, но какой-то конкретной угрозы от них не исходило, вряд ли они могли разрушительно влиять на людей и окружающее пространство, однако бывшие обладатели всё же не решались хранить их у себя дома и спешили преподнести в дар музею.

И лишь когда в Москву приехала Алла и сочным июльским днём пришла с Илюшей на Петровку, то практически сразу, безошибочно его узнала.

Она оглядела двор, в дальней части которого располагалось кафе Март, где на его открытии, что сопровождалось обильными возлияниями, один известный человек кому-то откусил в пьяной драке кусочек уха.

– Давайте здесь немного побудем, – сказала она, бросив взгляд на большую медную скульптуру-солнце, которая, по-

коясь на здоровенном штыре, могла вращаться вокруг своей оси, – Красивое колесо.

– Это «Солнце мира» Арнальдо Помодоро, – отозвался я, – Он его ещё в девяносто первом году Горбачеву подарил.

Но она уже смотрела чуть в сторону – её внимание привлекло нечто, лежащее между блестящим металлическим диском и гигантским постаментом с памятником святой покровительницей Грузии Ниной.

– О-о, – выдохнула Алла, – Это ведь он... Вот только что с ним делать?

Мы подошли ближе к этому внушительных размеров объекту, который настолько отстранённо покоился у стены дома, что его замечали далеко не все посетители.

Алла провела рукой по его чёрной и гладкой, горячей от солнца каменной поверхности.

– И он не один, – задумчиво проговорила она, – Его что-то пробудило, потревожило или пообещало помощь и сотрудничество. Теперь надо отыскать остальных, тогда и посмотрим, как их остановить.

– А я пока могу рассказать, как он здесь очутился, – отвечал я, ещё в свой первый год работы услышав историю про выставку африканской скульптуры.

...Этот Камень приехал в музей вместе с другими своими африканскими – не могу сказать слово «братьями», потому что не знаю, в каких отношениях они между собой на-

ходились – весной 2006 года. Хранитель Сергей, который в это время ещё работал монтажником, рассказал мне, что скульптуры находились в ящиках-клетках, вместо упаковки проложенные большим количеством одежды из сэконд-хэнда – выставка путешествовала из Европы обратно в Африку, и, возможно, в этом заключался чей-то жест гуманитарной помощи. Тогда все монтажники начали со смехом доставать из ящиков штаны и примерять пиджаки, в кармане одного из которых Сергей даже нашёл монету в один евро. Потом камни начали расставлять во дворе музея, а для самых больших пригласили ребят с «Грузинки» – бригаду мужиков из южных республик бывшего СССР, которые жили и работали на Большой Грузинской, в резиденции-музее Зураба Константиновича. Они имели большой опыт работы с гигантскими объектами и даже потом ездили в Америку монтировать «Слезу», которую Церетели подарил и привёз на свои деньги, чтобы установить в память о погибших в разрушенных небоскрёбах.

Он был самый большой. Чтобы поставить вертикально, его долго пытались подвинуть с помощью ремней и специального крана, но ремни не удерживались на его гладких боках и соскальзывали. Только лишь приподнять его, чтобы крепко обвязать, удалось далеко не с первой попытки. Их бригадир Коля, мастер на все руки из Узбекистана, не переставал тогда повторять: «Блин, ребята, эти камни – они живые! Они точно живые!» На установку Камня ушёл почти

целый рабочий день. Его оградили столбиками с цепями, но эти меры защиты не сработали, когда на открытии подвыпившие гости полезли с ним фотографироваться. Тогда его окружили железными стойками, такими, что в метро разделяют человеческие потоки, а на политических митингах блокируют проходы для толпы по улице.

Через пару недель, в выходные, какой-то мальчик залез на одну из средних, но всё равно внушительного вида скульптур, она упала и раскололась надвое. Хорошо, что при этом никто не пострадал – современный музей со своими необычными конструкциями и технологиями становится всё более опасным местом для времяпровождения, но та выставка состояла из работ, продолжающих архаические традиции народов Африки, и возможно, не стоило собирать всё это в одном месте. Сотрудники музея опасались, не случится ли во время её действия ещё какая-нибудь история и шутили на тему того, сильно ли они удивятся, если придут утром на работу, а скульптуры окажутся стоящими на других местах. Или одна из них и вовсе исчезнет, а потом окажется обнаруженной, к примеру, на Страстном Бульваре, где до 1997 года реально валялись плиты старого немецкого кладбища, на которых можно было прочесть имена и даты рождения и смерти детей, и убранные только после реконструкции к 850-летию Москвы.

После истории с падением его соседа, Камень сразу же положили горизонтально, потратив на это ещё один день, а

когда выставка закончилась, перевозчики испугались с ним связываться и каким-то образом, через посольства стран-участников выставки договорились так, что он будет оставлен в дар музею. Камень задвинули в дальнюю часть двора, с тех пор он покоится там. Рядом с ним торчит табличка с его названием. Он называется «Великий африканский колдун». У него треугольная голова, круглые симметричные глаза и длинное покатое тело. Колдун лежит лицом вверх, непрерывно глядя в холодное и чужое северное небо. И он знает, что никогда уже не вернётся домой. И теперь не известно, напугало его это или разозлило. Так он и покоился там, пока не вступил в резонанс с ещё одним или несколькими артефактами из хранения, которые, как ему показалось, могут освободить его и спасти.

Второй объект – мрачную Книгу Художника я вычислил в середине осени, когда ситуация в музее стала ещё более удручающей.

Сначала, наш финансовый директор, Лола Сергеевна, объявила на совещании, что PR-отдел плохо работает и из-за него весь музей не получит квартальную премию. Конечно, все собравшиеся расстроились, потому что сильно на неё рассчитывали, да и сам я собирался прикупить с неё доллары для предстоящей поездки. Но затем она добавила, что собирается устроить в музее тридцатипроцентное сокращение и из каждого отдела кто-то из сотрудников будет уволен. Тогда

все окончательно притихли, а руководители отделов задумались о кандидатурах предстоящих жертв.

Причём происходило всё это ещё в начале октября, когда до обвала рубля и всех, последовавших за этим событий оставался ещё целый месяц. Никто так и не узнал, была ли это случайность или она действительно о чём-то догадывалась, зажав премию для такого внушительного коллектива и напугав их сокращением, чтобы никто не поинтересовался, куда делись эти деньги, а самой успеть перевести их в более устойчивую валюту и припрятать.

Это сделало всех работников, и так занятых подготовкой к юбилею, ещё более нервными, а в ноябре, с наступлением кризиса, только прибавило ужаса, и атмосфера в музее стала по-настоящему параноидальной. Впрочем, как и по всей стране, где уже всюду занимались поиском врагов и национал-предателей, а наш музейный коллектив являлся её маленькой моделью под девизом любимого выражения Лолы Сергеевны: «Не нравится здесь работать – увольняйтесь!» Теперь среди сотрудников воцарилось подозрительность, стукачество и паникёрство. Общая тенденция перекладывать вину за свои косяки на другие отделы и конкретных его представителей приобрела ещё более уродливые и фантастические формы. У нас в бригаде тоже начались попытки кое-кого подставить, чтобы самим не попасть под сокращение. Когда я шёл утром на работу, то не был уверен, что вчера вечером, уже в моё отсутствие, не случилась ка-

кая-нибудь хрень, про которую тогда умолчали, а теперь собираются искать жертв для наказания.

Именно в такие тёмные и холодные дни, когда золотая осень переходит в мёртвое межсезонье, а до настоящей зимы и снега ещё далеко, во время поиска в хранении работ для юбилейной выставки я и обратил внимание на Книгу Художника.

Она представляла из себя квадратные листы картона, скреплённые стальной пружиной. В них были вставлены обычные на первый взгляд акварели, изображающие приятные виды старой Москвы – кривые, уходящие вверх улицы, уютные дворы и бульвары. Но если приглядеться, то в каждом из этюдов можно было различить каких-то не ясно выписанных жутковатых существ. Скорее даже их фрагменты, выступающие в самых неожиданных местах из деталей городского пейзажа.

Мне удалось выяснить, что эти создания были добавлены художником в его рисунки незадолго до смерти. Кто знает, какие страшные мыслительные процессы руководили им, когда в последние месяцы жизни, разъедаемый раком желудка, он вписал во многие свои работы вымышленных существ, что притворяются невидимками и населяют наш город. Выглядели они совершенно демонически, но чем дольше ты вглядывался в их изображения, тем более расплывчатыми и неявными они становились, словно маскируясь и прячась.

Когда я внимательно рассмотрел Книгу и узнал её исто-

рию, то сомнений больше не оставалось – скорее всего, именно этот объект и вступил в резонанс с Камнем. Я попросил Иру из хранения снять их для меня на телефон, а полученные фото переслал Алле, и она подтвердила мою догадку, опознав их, как живущих на изнанке мира существ-паразитов, из-за которых люди, в своё время, покидали свои дома, а иногда и целые поселения. Позже она объяснила, что раньше их называли «чудовищами зазеркалья», но попасть сюда сами они не могут и им надо, чтобы особенно впечатлительный человек разглядел их, а потом попытался как-то воссоздать и тем самым сюда перенёс. И на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков этим занимались, в основном, художники, особенно, самые безумные.

Вскоре они с Илюшей обнаружили завершающий фрагмент этого тёмного энергетического треугольника. Ими оказались два парных предмета – шаманский Рог и Бубен, которые делегация художников Ямала подарила Зурабу Константиновичу лет двадцать назад, а то и раньше. Всё это время они простояли запертые в самой дальней витрине и на них обратили внимание, только когда Илюша вместе с сотрудниками научного отдела искал для экспозиции одну работу, которая куда-то запропастилась.

Не известно, в каких целях их использовали до приезда в Москву, но когда витрину открыли, чтобы всё из неё достать, то потревоженные, они сразу умудрились перессорить

между собой трёх искусствоведов, одного парня и двух девушек. И так взвинченные из-за того, что при отборе каждый из них «тянул одеяло на себя», тут они совсем отпустили тормоза, громко доказывая друг другу несостоятельность их решений. Пока они спорили и ругались по поводу сменны концепции выставки, Илюша позвонил Алле и продемонстрировал ей по телефону звук Бубна и рокот Рога, после чего она попросила больше их не трогать, а Илюше удалось добиться, чтобы эти предметы оставили затем на обычной полке, в более доступном для манипуляции с ними месте.

Теперь, когда все они были найдены, оказалось, что это настоящий интернациональный сговор арт-объектов, в котором участвовали африканский колдун, пришедшие с изнанки мира городские существа-паразиты и северные шаманские духи. Чего они хотели? Скорее всего, собственно-го освобождения, а как именно это должно произойти, Алла предпочитала не распространяться.

Ещё в октябре она начала ткать сети-покрывала, чтобы, не разрушая сами артефакты, поймать в них то, что заставляет эти объекты жить своей жизнью, осознано ощущать себя и испытывать желания – короче говоря, их сущность. К зиме она должна была закончить свою работу.

Нам с Илюшей поручалось пробраться в хранение и накинуть на них эти сети одновременно с Аллой, которая в этот момент займётся укрощением Камня.

Я заметил, что удобнее всего будет осуществить задуманное в последние дни монтажа юбилейной выставки, когда начнётся самый бардак и все примутся метаться по фондам, в спешке доставая из запасников одни работы и меняя их на другие. А в том, что так оно и случится – и это не смотря на заранее продуманный план, который научный отдел вынашивал в течение полугода – я и не сомневался.

Бегство с острова Панган

Но перед тем, как приступить к событиям зловещего декабря четырнадцатого года, для общего понимания ситуации стоит вернуться на несколько лет назад, в апрель две тысячи десятого, или, по тайландскому летоисчислению, 2553 года, к последнему дню Илюшиной жизни на острове, название которого можно перевести как «песчаная отмель», и эту историю я воссоздаю по рассказу, услышанному по его возвращению.

Плохие новости

Сразу по окончанию Сонг Крана – местного нового года, когда нельзя проехать по дороге мимо домов, чтобы тебя с хохотом не окатили из ведра сводящей мышцы холодной водой с кусочками льда, у Билли Миллигана, который инкогнито проживал на острове, не желая привлекать внимания к своей персоне, начались неприятности.

Их источником послужил созданный им в соавторстве с Илюшей документальный фильм под названием «За занавесом рая или кто правит островом?» Моему другу оно не нравилось из-за излишней напыщенности, но Билли собирался

вернуться с этой работой в Америку, и такое заглавие представлялось ему коммерчески успешным. Он уже давно пытался заниматься документальным кино, но его студия в Калифорнии обанкротилась ещё в конце девяностых, и он так тогда расстроился, что даже не явился за деньгами после её продажи – в это время он уже начал новую жизнь в Азии, а этот фильм был его шансом на триумфальное возвращение.

Снимали они с июня по декабрь, когда туристов на острове относительно мало и можно наблюдать за подготовкой местных жителей к их встрече, которая обычно происходит перед рождеством, когда Панган заполняется абсолютно разноплановой публикой со всех частей света. Правда на Full Moon Party здесь всегда полно молодёжи, поэтому главному ежемесячному событию острова авторы фильма тоже уделили внимание, но оно касалось не самого ночного праздника, а всего того, что вокруг него происходит – подготовку, распределение коммерческих ролей среди местных жителей, а так же свои догадки о тех, кто стоит за всем этим, у кого, в результате, оседают основные деньги.

По словам Илюши, они провели целое расследование, показав механизмы обогащения на этом празднике, что начинался с обычной маргинальной вечеринки, а стал, благодаря тайским способностям к рекламе, раскрученным для всех мировых тусовщиков событием, брэндом целого острова. И судя по всему, они сильно в этом преуспели, потому что по острову поползли слухи.

Илья и Билли устраивали всего два показа для живущих на Пангане фарангов, один в феврале, после первой версии монтажа, а второй – в марте, когда фильм был готов окончательно. Некоторые зрители потом осторожно интересовались: «А вы не боитесь за последствия?» Возможно, именно те, кто сами потом по пьяни проболтались о его содержании своим домовладельцам, знакомым местным барменам или тайским подругам.

В результате, после окончания празднования нового года и связанного с ним обливания водой, во время изнуряющей и отупляющей апрельской жары, Билли Миллиган – как главный организатор съёмок и автор фильма получил от негласных хозяев острова по-азиатски коварное смертельное предупреждение. Через женщину, которая раз в месяц убиралось в доме Билли, герои фильма отравили его медленным ядом, подсыпанным, скорее всего, в двадцатилитровый баллон с питьевой водой, которую привозят тут на заказ всем желающим.

Первой симптому отравления почувствовала Кристин – всеобщая любимица «семьи», девочка, чьё сознание застыло на уровне четырёх лет и которая всё детство Билли стояла за него в углу, потому что единственная из всех делала это спокойно. В тот день ей разрешили посидеть в саду у дома, где она разглядывала огромных бабочек и пятнистых древесных ящериц, внезапно ощутив тревогу, которая на физи-

ческом уровне отдавалась резкой болью внизу живота. Когда она поняла – происходит что-то неприятное, то бросилась в дом и принялась звать на помощь взрослых. К ней всегда внимательно относились, поэтому на её зов сразу откликнулись трое самых главных, ведущих личностей Билли – Артур, Рейджен и Аллен. Договорившись, что ситуация опасна и «на свет» выйдет именно Рейджен – воин и защитник, двое остальных отошли в сторону.

Рейджен был югославским коммунистом, блестящим стрелком и мастером рукопашных схваток. Здесь у него тоже имелся пистолет, приклеенный скотчем к верхней поверхности стенного шкафа – тут не так уж и сложно раздобыть оружие, надо лишь произвести на некоторых людей впечатление, что с тобой можно иметь дело. Именно благодаря ему в их фильме появились интервью с некоторыми хозяевами острова, что на волне куража пустились в слишком опасные для них откровения.

Оглядев комнату, он не нашёл следов вторжения, однако происходящее внутри организма, особенно в районе желудка и кишечника, показалось ему подозрительным. Отметив симптомы, он решил оценить обстановку вокруг, а выйдя на веранду сразу обнаружил клочок бумаги, лежащий на столе и придавленный камнем, чтобы его не унесло ветром.

Это была записка на корявом английском – «тайинглише», однако смысл её был понятен и предельно доходчив: «Мы тебя отравили, ты будешь умирать в течение недели,

но можем дать противоядие, если ты полностью уничтожишь весь свой фильм, все его копии и всё забудешь».

– Пуци ми курац! – выругался Рейджен по-сербски и бросился в дом.

Там он промыл себе желудок с помощью воды из под крана, пить которую тут нельзя – иногда она даже была коричневого цвета, из-за чего полотенца всегда имели неприглядный вид – но здраво рассудил, что отравлена может быть именно питьевая вода, привезённая тайцами.

Затем он присел на кровать и закрыл глаза, снова оказавшись в сумеречном пространстве, где проводили время другие личности, в том числе и нежелательные, которым было навсегда запрещено вставать – как они называли – «на пятно света» и управлять телом Билли.

С двух сторон Рейджена обступили Артур и Аллен, а узнав об ультиматуме, вызвали Томми, отвечающего за спасение. Он был четвёртой основной личностью Билли – не считая детей, подростков, навсегда застывших в своём возрасте из-за острой формы неврозов, а так же и других нежелательных взрослых.

Так они и собрались на голосование – интеллектуал Артур, воин Рейджен, мастер на все руки Томми и отвечающий за общение с другими людьми Аллен. Первым, как обычно и бывало в таких ситуациях, слово взял Артур.

– Моё мнение – отдавать или уничтожать фильм нельзя. Мы потратили много времени, входя в доверие к местным

жителям, это была подготовительная работа длинной в много лет. И его мы хотим предъявить при возвращении домой, как полноценную документальную картину для показов и участия в фестивалях. К тому же, если нам обещали противоядие, то, не смотря даже на редкость самого яда, оно реально существует, и мы сами попробуем найти его с помощью профессиональных врачей.

– Тогда надо сваливать как можно быстрее, пока они не очухались, – ответил Рейджен, убедившись, что Артур закончил говорить.

– И предупредить нашего русского партнёра, – добавил Аллен, – Проблемы могут случиться и у него.

Томми промолчал, но все четверо проголосовали единогласно – фильм нельзя отдавать.

Тогда «на свет» вышел Аллен, позвонил Илюше, кратко обрисовав ситуацию, и они с Аллой приехали уже через полчаса.

Ещё по дороге, размышляя о случившемся, Илюша сказал Алле, что понимает и принимает коллективное решение личностей человека, с которым успел хорошо подружиться, прекрасно осознав, что следующей мишенью хозяев острова может стать именно он.

Впрочем, Илюша сам собирался покинуть вскоре это место, ощущая, что его время здесь истекло; бежать от апрельской жары туда, где мозги легче соображают, и подумывал

о возвращении домой – там он не был уже целых три года. Вместе с Аллой они расклеивали объявления о распродаже нажитых ими за это время всяких полезных для хозяйства вещей и единственное, что его пока останавливало – Алла ни в Москву, да и вообще в Россию не собиралась, планируя вместо этого несколько лет летаргического сна в одной секретной пещере. Там она хотела продолжить своё обучение вещам, которые они с Илюшей не обсуждали, а домой обещала вернуться, когда там – по её словам – «начнёт происходить что-то интересное».

Они подъехали к затерянному среди деревьев дому Билли, расположенному на склоне невысокой горы и жилой этаж находился там наверху, а под ним располагалась стоящая на сваях веранда. Дэнни – подростковая личность Миллигана, один из никогда не взрослеющих из-за полученной психологической травмы, расписал его стены узорчатыми цветами и изображениями морских раковин.

Войдя внутрь, оба старались ни к чему особо не прикасаться, не зная источника заражения и помня, как Наполеона отравили обоями с мышьяком, а героиню античной пьесы – с помощью модной в то время одежды.

Встретив их на пороге, Аллен сразу показал записку, и они благоразумно решили, что сваливать надо сегодня, потому что такой расклад вряд ли придёт в голову никому не спешащим тайцам.

Алла обнюхала тело Билли, пальпировала живот, попро-

сила плюнуть на блюдце и даже рассмотрела в туалете следы его выделений.

– Я знаю этот яд, – ответила она.

– У тебя есть план, что нам делать? – поинтересовался Аллен.

– Да. Мы вместе едем в Сурагтани, на горячие источники – это поможет вам продержаться, пока я не найду ткань из материи, которая вытянет его из тела. Только проблема в том, что за ней мне придётся ехать в Мьянму, где этот яд делают...

Самая жаркая часть дня ушла на сборы, Алла и Илюша укладывали свои большие рюкзаки, пожалев, что никто так и не откликнулся на объявление о распродаже, но зато теперь оставленные ими предметы быта бесплатно достанутся новым жильцам.

А вот для Билли покидать уютный дом на склоне горы, оказалось слишком печально, ведь за пять счастливых лет он стал для него самым мирным прибежищем, где вся «семья» жила в спокойствии и гармонии. Теперь все четыре основные личности понимали, что стресс, связанный с бегством, а так же всё возрастающая реакция организма на отравление опять могут породить «спутанное время», когда они теряли контроль над сознанием Миллигана и им спонтанно могли завладеть все остальные, в том числе и нежелательные.

Сборами занимался Томми, как самая рациональная и ли-

шённая излишних сантиментов личность. Пистолет Рейджена он завернул в рубаху вместе с обоймой и запихнул поглубже на дно чемодана. Конечно, если его обнаружат, сесть можно надолго, но оружие было дорогим и в подобной ситуации необходимым. Руководствуясь исключительно размерами багажа, а так же пользой и ценностью некоторых вещей, кроме видеотехники он решил взять с собой лучшие из картин – портреты Алена, натюрморты Дэнни, чёрно-белую графику Рейджена и несколько своих собственных, особенно удачных пейзажей острова. Так и набралась увесистая квадратная сумка, размерами почти метр на метр, но оставлять эти работы было нельзя, чтобы не травмировать остальных.

В Америке Томми играл на саксофоне, а здесь у него была небольшая коллекция тайских флейт, которую, как и барабаны Рейджена, тоже пришлось оставить. Однако, когда его большой чемодан и сумка с картинами была собрана, он, после некоторых колебаний, взял с собой любимую флейту «вот», составленную из разного размера других флейт, дабы заняла она совсем мало места.

В этот момент желудок у него скрутило неожиданно сильным спазмом и он со стоном опустился на кровать, сам того не зная исполнив старую русскую традицию «присесть на дорогу».

Отъезд

Сидя на берегу неподалёку от пирса, Алла вместе с заменившим Томми Рейдженем ждали Илюшу, который поехал сдавать байк владельцу и покупать билеты на паром до Сурагтани. Жаркое марево, стоящее над Сиамским заливом, полностью скрыло очертания острова Самуи, даже одинокая собачка, бредущая по отливному мелководью метрах в двухстах от берега, казалась каким-то далёким призрачным существом неясных размеров – кем-то вроде «всадника без головы», и это ещё больше их угнетало.

Они не разговаривали между собой до тех пор, пока Илюша не вернулся пешком, а до отправления осталось совсем немного. Подхватив увесистые, но удобные рюкзаки Алла и Илюша бодро двинулись в путь, а Рейджену приходилось катить за собой такой нелепый и неуместный здесь большой чемодан на колёсах, с которым Билли приехал в Азию ещё десять лет назад.

Зайдя в тень беседки неподалёку от пристани, Рейджен достал маленький бинокль, принялся рассматривать пирс и вскоре обнаружил там нескольких тайцев, связанных с людьми, через которых он покупал пистолет.

– Похоже, нам тут решили устроить проводы... Или, на-

оборот, встречу, – задумчиво произнёс он.

– Нас там пасут? – попытался уточнить Илюша.

– Так, мелкие сошки, помощники помощников господина Тэ. В принципе, я бы мог один с ними разделаться, но это Таиланд – другие местные сразу бросятся им на помощь, и на корабль мы точно не попадём.

– А сколько их? – поинтересовалась Алла.

– Кажется, четверо. Но могут быть и другие, кого я не знаю.

– Никогда ещё не отводила глаза такому большому количеству людей, – грустно вздохнула Алла и взяла бинокль у Рейджена, – Ладно, покажи мне, где они стоят и как выглядят.

Через несколько минут они, держась вместе, уже шли по пирсу и когда проверяющие билеты на паром тайцы не обратили на них внимания, Илюша понял, что сосредоточенно смотрящая куда-то перед собой Алла напряжённо работает.

Рейджен скрипел зубами, когда они миновали болтающих о чём-то и смеющихся мафиозных помощников, а попав на борт, до самого отправления стоял на корме, наблюдая за прибывающими пассажирами.

Большой двухэтажный паром, приняв в своё чрево множество автомобилей и несколько туристических автобусов, издал долгий протяжный гудок и, вибрируя, отошёл от причала.

Все трое расположились на верхней открытой палубе, и

теперь каждый по-своему попрощался с островом. Алла разложила прямо на полу плед, подставила под спину рюкзак и полулегла, вытянув ноги и закрыв глаза – незаметный проход на корабль отнял у неё много сил.

Илюша подошёл к перилам и принялся смотреть как, уменьшаясь в размерах, остров приобретает некую компактность, становясь легко обозримым и, казалось, состоящим из одних только зелёных гор с торчащими между ними вышками приёма спутниковых сигналов. Он поблагодарил его за излеченные нервы и важную для него встречу с женщиной, которая вскоре надолго его покинет.

А Рейджен вдруг побледнел, внезапно сорвался со своего места и бросился на корму, где его теперь обильно рвало в пенный след от мощных моторов. Ко Панган, где «семья» Билли Миллигана обрела гармонию и в течение многих лет была счастлива, теперь прогонял его с помощью медленной смерти, и хотя он совсем не собирался как-то вмешиваться в существующие на нём порядки, а просто попробовал рассказать о них, этого хватило, чтобы запустить механизмы его отторжения.

Затем он прилёг на плед рядом с Аллой, положив под голову что-то из одежды, его начало трясти, а со лба скатывались крупные капли пота. Их обступили взволнованные тайцы, и Алла ответила, что они везут его в больницу. Кто-то из пассажиров дал ему сильное обезболивающее и минут через десять Рейджен успокоился и, видимо, уснул или потерял со-

знание. В этот момент четверо основных личностей советовались между собой, кто из них «встанет на пятно» следующий. Переносить дальнейшие мучения никому из них особенно не хотелось, но выпускать «на свет» мальчика Дэвида, который всегда выступал в роли «хранителя боли», в отравленный ядом организм все сочли не гуманным.

– А давайте позовём Адалану, ведь она ни разу не выходила, после признания её нежелательной, – предложил Аллен, – Тем более, если наш план не состоится, через неделю мы всё равно умрём, так пусть она хоть полюбуется красотой напоследок.

– Это логично, – поддержал его Томми, – Ведь у нас есть только дети, которых не стоит обречь на страдания, а Адалана – самая безопасная из нежелательных.

– Самая безопасная? – нахмурился Рейджен, – Ведь из-за неё мы и оказались в тюрьме. Так же, как из-за Филиппа и Кевина... Кстати, а как на счёт Кевина? Мы же ведь восстановили его в правах после того бунта против санитаров?

Рейджен имел ввиду их давнее пребывание в мрачной медицинской клинике строго режима в Лиме, тогда Кевин действительно сильно всем помог во время бунта заключённых против избивающих их надзирателей.

– Где Кевин – там криминал, – отозвался Аллен, который, впрочем, сам был падок на всякого рода авантюры и рискованные дела, – И неизвестно, как он отреагирует на новость о нашей возможной смерти, а Адалана, я уверен, примет её до-

стойно. Тем более ей понравятся все эти удивительные пейзажи...

– А так же все эти маленькие тайские девушки! – перебил его Рейджен, – Вдруг она прямо здесь начнёт к ним приставать?! Она нас подставит!

– Мне кажется, она заслуживает снисхождения, – Томми перехватил взгляд Аллена и они вместе посмотрели на молчащего всё это время Артура.

– Вообще, это интересная идея, – произнёс тот, – Выход из отравленного тела одновременно послужит ей и наказанием, и возможностью себя реабилитировать... я не возражаю.

В результате голосования против был только Рейджен, а трое остальных – за.

– Ну что ж, – подытожил Артур, – Тогда дальше к месту нашего лечения едет именно Адалана, и мы освобождаем её от статуса нежелательной личности.

– Ладно, – хмуро произнёс Рейджен, – Я только сейчас опять ненадолго выйду и предупрежу Аллу, чтобы в случае чего она с ней не церемонилась.

– А я пока найду саму Адалану, – проговорил Артур, – Хотя не уверен, что она будет рада меня увидеть.

– Всё равно от наших женщин одни неприятности, – пробормотал Рейджен.

И это бы прозвучало как банальная фраза сурового мужчины, если б Адалана – застенчивая хозяйственная девушка с лесбийскими наклонностями – не была повинна во всех

изнасилованиях, из-за которых Билли и попадал в тюрьму во времена своей юности, в 70-е годы. А другая нежелательная, по имени Эйприл, в своё время чуть не уговорила Рейджена убить отчима Билли. Таким образом она хотела отомстить ему за то, что в детстве тот насиловал Билли и закапывал его с головой в землю, успевая освободить, лишь когда у него уже наступали признаки удушья. Разумеется, все взрослые личности Миллигана хотели, чтобы он понёс заслуженное наказание и, хотя этого так никогда и не случилось, приняли общее решение не устраивать самосуд. Впрочем, это не единственное, из-за чего Эйприл навсегда запретили «вставать на пятно» – она была стервой, интриганкой и всё время пыталась между собой всех посорить.

Артур пошёл искать Адалану.

В юности он мало размышлял о космогонии внутреннего пространства сознания Миллигана – тогда ему надо было учиться, а позже, в тюрьме, стало уже не до этого. Затем, в первые годы их десятилетнего нахождения в лечебнице, все были слишком разобщены, чтобы даже видеть друг друга – иногда, сквозь пелену тьмы до него доносились лишь неразборчивые голоса остальных и только гораздо позже, во второй половине восьмидесятых годов, они снова смогли встретиться.

Тогда и начало формироваться то внутреннее пространство в его теперешнем виде, но Артур до сих пор мог лишь

догадываться, сделали они это сами или, попав после жестоких тюрем и психлечебниц в более благоприятную среду, оно само видоизменилось, дав им возможность отыскать друг друга. И, скорее всего, здесь не обошлось без Учителя – главной, связующей личности, которая, на самом деле и является самим Билли Миллиганом. Впрочем, Учитель покинул их сразу по прибытию на Панган, когда убедился, что «семья» восстановилась и больше не нуждается в его помощи.

Теперь Артур продвигался в серых сумерках всё дальше от пятна света, попав на территорию нежелательных, а насколько далеко простиралось это место, никто не знал, потому что страх и тревога за распад собственного «я» удерживала остальных от дальних путешествий.

В полутьме он иногда различал некие очертания, но на всякий случай старался не приближаться к ним – интуиция или чувство связанности «семьи» вело его к месту обитания Адаланы, он только миновал железную кровать, где на матрасе лицом вверх лежал Джейсон, который навсегда остался подростком.

В детстве и юности он выпускал всю ярость и раздражение, что копилось в сознании Билли и это всегда приводило к наказанию, поэтому ему запретили выходить на свет ещё во времена первого тюремного заключения. Так же он обладал способностью отключать плохие воспоминания у других личностей, но тем самым вызывал у них амнезию, поэтому

Артур с опаской проследовал мимо. Из-за отсутствия света он не мог разобрать, открыты ли глаза Джейсона, но его не покидало ощущение, что тот провожает его тяжёлым и уничижительным взглядом.

Самого отсчёта времени или пространства как такового здесь либо не существовало, либо оно подчинялось своим законам, поэтому в какой-то момент Артур с удивлением обнаружил нечто, напоминающее большую двухстворчатую раковину, как на картине Боттичелли о рождении Афродиты. Именно там, обхватив руками колени, сидела Адалана. Её длинные и прямые чёрные волосы скрывали часть лица, поэтому Артур не знал, заметила ли она его приближение.

– Адалана... – позвал он, подойдя совсем близко, – Ты меня слышишь?

Она не ответила.

– У нас большие проблемы, – продолжил Артур, – Поэтому ты больше не являешься нежелательной, мы хотим, чтобы ты вышла.

Она повернула к нему лицо, и её карие глаза показались ему всё ещё чёрными.

– А-а, это ты... – ответила она так, будто устала от него и пока не успела отдохнуть, – Спасибо за приглашение, но, знаешь, мне это совсем не надо. Я не хочу улаживать ваши дела...

– Никаких дел. Тебе надо только перетерпеть боль и добраться до нужного места, где нас вылечат. Иначе мы все

умрём. Очень скоро.

– Да? – на лице Адаланы возникла заинтересованность, – И где это?

– Очень далеко, в другой части света. И сейчас две тысячи десятый год, а это означает, что Билли уже исполнилось пятьдесят пять.

Адалана печально вздохнула, ведь здесь, во внутреннем пространстве, оба они выглядели лет на тридцать.

– Я не хочу в такое старое тело.

– Если ты пройдёшь свою часть маршрута, то станешь пятой и сможешь принимать участие в голосовании.

– А если я откажусь, тогда вы освободите Эйприл? – немного помедлив, поинтересовалась она.

– Ну уж её точно нет.

– Хорошо, тогда я готова.

Адалана встала, и Артур подал ей руку, чтобы выйти из раковины, а когда они возвращались, попытался коротко рассказать ей, как изменился мир в её отсутствие и дать некоторые советы.

Так Адалана, впервые за много лет, «встала на пятно» и вышла на свет.

И ей очень понравилось, потому что она сразу рухнула в лето, там было море и безбрежное закатное небо, где красочные караваны облаков брели по своим маршрутам, а на горизонте возвышались острова причудливых очертаний.

Она плыла на большом корабле с высокой палубой, и ря-

дом с ней полулежала очень необычная девушка, каких она видела только в кино или на страницах журналов. У неё была очень белая кожа и собранные в пучок мягкие шёлковые волосы.

– Привет, я – Адалана, – сказала она девушке и постаралась как можно мягче улыбнуться.

– А меня зовут Алла, и везу тебя и вас всех в безопасное место. Поэтому если я что-то говорю – меня надо слушаться и всё это делать... Понимаешь?

– Какая ты красивая, – прошептала в ответ Адалана, – Можно я возьму тебя за руку? Я тебе нравлюсь?

... Уже в сумерках они сошли с причала и Алла, оставив Илюше свой большой рюкзак, быстро договорилась с тайцем на скутере и ринулась на автобусную станцию, чтобы не терять времени и провести ночь по пути в Мьянму.

– Ты нас покидаешь? – расстроилась Адалана, которая всю поездку на пароме не отходила от неё ни на шаг.

– Вообще-то я пытаюсь спасти вам жизнь, – мрачно ответила Алла, а когда Адалана попыталась поцеловать её на прощание, тайский парень крутанул ручку газа и они тут же умчались.

Лицо Миллигана сразу приобрело какое-то печальное и потерянное выражение. Илюша вглядывался в него, первый раз за три года их знакомства наблюдая занявшую сознание Билли женскую личность и пытаясь обнаружить какие-то но-

вые черты в его поведении.

Но отметил только одну особенность, свойственную именно Адалане, и это была не черта характера или речи, а, скорее, расстройство психики – оно проявлялось в коротких и непрерывных колебаниях глазного яблока в следствии «нистагма» – заболевания, вызванного какими-то нарушениями в нервной системе именно её личности. Это казалось необычным, но ведь даже результаты энцефалографии мозга у всех членов «семьи» были разными.

С наступлением темноты первоначальный восторг Адаланы сменился растерянностью, но Илюше всё же пришлось ненадолго оставить её одну с чемоданом, сумкой с картинками и двумя рюкзаками, убедив, что находиться здесь безопасно. Пообщавшись с торговцами едой, он почти сразу нашёл мужика с машиной, который вызвался отвезти их в местную гостиницу, потому что пилить в темноте до источников и там искать ночлег не имело смысла.

Они сняли двухместный номер с отдельными кроватями и кондиционером, а ночью действие обезболивающего закончилось. Билли лежал в «шавасане», его мелко трясло с обильным выделением пота. Раз в пол часа он со стонами поднимался и пил воду, почти сразу убегая в туалет, где его рвало, а возвращался оттуда с обмотанным вокруг головы мокрым полотенцем, жалуясь на дикую боль в висках.

Конечно, Илюша тоже не смог выспаться и, хотя перед

рассветом приступ прошёл, уже в семь им надо было вставать, чтобы поскорей добраться до горячего источника, пребывание в котором должно замедлить и смягчить действие яда.

Ближайший из них назывался Tha Sathan, и им удалось снять неподалёку домик на отшибе и без соседей – меры предосторожности, если с Билли произойдут новые приступы, а в том, что они случаться, Илюша не сомневался. Также, как и в том, что перед ним уже не Адалана, а кто-то другой, выдающий себя за неё.

Поэтому, бросив вещи, он сразу повёл Билли к бассейну для процедур, сказав, что зайдёт за ним через пару часов, а сам принялся обследовать окрестности.

Он позвонил Алле и узнал, что она уже пересекла по транзитной визе границу с Мьянмой и теперь едет на автобусе в Мандалай, где у неё есть знакомства.

– Тут никакой связи скоро не будет, поэтому скажи, как там Адалана? – поинтересовалась она.

– Ночью её скрутило, но сейчас лучше. Хотя знаешь, мне кажется – это уже не она. У Адаланы, у неё ведь нервное расстройство, когда глазное яблоко дёргается, а сейчас его нет... Хотя ведёт она себя как женщина и стеснялась погружаться в источник топ-лесс.

– Ты будь осторожнее, – ответила Алла, – Я чувствую, что там скоро появятся другие, более опасные – похоже, им уже трудно ситуацией управлять... У Рейджена ведь есть писто-

лет? Посмотри в чемодане и если найдёшь, куда-нибудь его перепрячь.

Илюша не стал пренебрегать советом, обследовал большой чемодан Миллигана и обнаружил завёрнутый в рубашку Smith & Wesson и обойму с патронами. В оружии Илюша не разобрался, но этот экземпляр показался ему стильным, хоть и несколько старомодным. Рейджен мог бы рассказать ему, что именно такими стволами 9 калибра были вооружены американские полицейские в 70-е годы, а в страну он попал лет двадцать назад, во время беспорядков на границе с Малазией, и сменил множество владельцев, начиная от зажиточных крестьян, заканчивая мелкими мафиози, пока не был куплен им для защиты и утоления общей скуки по красивым экземплярам.

Осмотревшись в минималистичном убранстве комнаты, Илюша не обнаружил ничего, похожего на потайное место. Тогда он вышел на крыльцо стоящего на сваях дома, спустился вниз, пригнулся, подлез под него и засунул пистолет с обоймой в щель между деревянными брусьями.

Блуждания

Сам источник представлял из себя огороженную лужу с оранжево-красным днищем и едва уловимым «больничным»

запахом. Он бил прямо из-под земли, и горячая вода оттуда текла небольшим ручейком в два бетонных бассейна, поодаль от которого стояли душевые. Располагался он в месте, напоминающем парк, но, не смотря на отсутствие жгучего солнца, людей здесь было немного.

Билли отмокал в одном из двух бетонных бассейнов, накрытом от солнца тёмно-зелёным пластиком и его соседями была лишь пожилая тайская пара и ещё какая-то женщина с ребёнком. Лишь однажды неподалёку прошёл странный моложавый старик, одетый во всё белое, как британский чиновник конца девятнадцатого века, доживающий на пенсии в индийской колонии.

Илюша и Алла не зря тревожились – сознание Миллигана занимала сейчас вовсе не Адалана, а Эйприл, ночью уговорившая её сойти с пятна и принять боль самой. Тогда она неожиданно почувствовала некую перемену в своём сумеречном существовании – что-то сильно изменилось, какое-то давление ослабло, но она ещё не знала, что так проявляется действие на мозг яда.

Эйприл поняла, что способна дойти до пятна и ей никто не помешал по дороге – сумерки оставались пустынными и она не нашла ни следов детских, ни основных личностей, с которыми у неё были старые счёты.

Зато обнаружила вышедшую на свет Адалану и почувствовала переживаемый ей ужас и боль – стоя на пятне, она держалась руками за живот, где словно вращалось тонкое и

длинное сверло, прорезая и наматывая на себя все её внутренности.

...Адалана тихо стонала и одновременно слышала чей-то голос, но из-за боли далеко не сразу поняла, что её кто-то зовёт – только когда решила, что больше не выдержит, и ушла, а лишённое сознания тело Билли ещё корчилось на кровати, пока припадок не миновал.

И, застыв у самого края света, с удивлением обнаружила рядом Эйприл, и кроме неё здесь никого больше не было.

– Здравствуй, Адалана, – сказала она, попытавшись выжать из себя улыбку, – Ты что, стала теперь «хранителем боли» вместо Дэвида?

– Эйприл, ты что, ничего не знаешь? – удивилась Адалана, – Мы умираем. Нас пытаются отравить, если Артур, Аллен и Томми не вернут фильм, который они сняли на острове.

– На острове? – Эйприл была гораздо выше Адаланы и теперь нависла над ней, сутуля шею и хмурясь.

– Да, они жили на острове, много лет, без меня... Впрочем, к тебе ведь они ещё хуже относятся.

– Хороший повод им отомстить.

– Эйприл, не надо. Сейчас мы должны сплотиться. Разве пропустив тебя, Артур и Рейнджен совсем ничего не объяснили?

– Меня никто не пропускал, я пришла сама. Больше тут

никого нет.

– Как?

Адалана в ужасе осмотрелась и сразу поняла, что Эйприл не врёт – всё вокруг оказалось непривычно пустынным и пространство оставалось заполнено лишь однотонной матовой пеленой.

Последний раз подобное случалось после изнурительного судебного процесса, в первые годы лечебницы, когда все они надолго потеряли друг друга. Но тогда это было вызвано внешними обстоятельствами, а сейчас она впервые почувствовала, что опасная ситуация может сложиться не только из-за давления «снаружи», но и «внутри», из-за непостижимых процессов, что сейчас происходят в отравленном мозге Билли.

– А где основные? Где Аллен, Том, Рейджен и Артур?

– Не знаю. Может они испугались смерти и ушли.

– Куда?

– Туда, куда нельзя нам с тобой. Поэтому мы умрём, но дай мне перед этим выйти на свет. Я приму боль вместо тебя и немного побуду живой, – она обняла Адалану за плечи и, сверху вниз, заглянула в её тёмно-серые глаза, где радужка от нервного напряжения подрагивала и двигалась ещё сильнее, чем обычно, – Пожалуйста...

Эйприл знала, что Адалана слишком мягкая, чтобы ей отказать, тем более в таких непредсказуемых обстоятельствах. Впрочем, куда делись остальные, ей было наплевать, она бы

предпочла, чтобы они вообще больше не появлялись. Жаль только, что ей приходится существовать в мужском теле, которое, ещё неизвестно, выживет или нет. Поэтому теперь, сидя по шею в замедляющей действие яда горячей воде, богатой неизвестными ей химическими элементами, Эйприл пыталась понять, какую пользу можно извлечь из своего нынешнего положения.

Тем временем Илюша обедал в близлежащей едальне, размышляя о том, как он может облегчить страдания Миллигана в отсутствии Аллы, и жалея, что попал в такое спокойное и относительно прохладное в это время года место при таких мрачных обстоятельствах.

Взяв свежесжатого сока с крошками льда, Илюша присел под деревом у пруда, где плескались крупного вида рыбы, и проходящие сквозь листву солнечные лучи играли отражением на их золотых спинах.

«И всё-таки здесь тихо и хорошо – думал Илюша, – Везде зелень, денег за пользование душевыми и раздевалками, да и за пребывание в самом источнике платить не надо, только оставить потом подношение, сколько сможешь».

И тем сильнее он удивился – даже где-то на грани паники или испуга, когда вдруг увидел медленно идущего к нему пожилого мужчину европейского вида и сразу его узнал. Хоть он и постарел спустя годы с той памятной ночи в Саду Эрми-таж, когда взял Илюшино воспоминание, как в первом клас-

се он едва не устроил дома пожар, а в обмен показал ему будущее – далёкий тропический остров.

Теперь этот похожий на ряженого фокусника человек был не сказать, что очень стар, но его лицо едва не рассыпалось в трещинах морщин, при этом оставаясь бледным и неподвижным, как у людей, десятками лет использующих театральный грим.

– О, господи... – прошептал Илюша, – Только его мне здесь не хватало!

У него возникло ощущение тревоги – уж никак не мог такой тип, по которому совершенно не считывалось, кто он такой на самом деле, просто так, случайно здесь оказаться.

Одетый в белую льняную рубашку, пиджак и брюки, он медленно приближался, а Илюша отвернулся и даже подумал, а не заговорить ли с ним по-чешски или по-сербски – на острове он не терял время и понемногу осваивал языки всех людей, с которыми общался, но тут же понял – подобный номер с ним не пройдёт.

Тогда он встал, в любой момент готовый уйти и сам к нему обратился.

– Здравствуйте. Я вас помню, хоть и не знаю по имени. А что вы тут делаете?

– Добрый день, – старый Фокусник приподнял белую шляпу из лёгкой материи, и в этом жесте явно проскользнуло нечто ироническое, – Я здесь занимаюсь тем же, что и ваш друг – поправляю здоровье. Только, в отличие от него, мои

проблемы не столь запущены и я сам могу сильно ему помочь. Признаюсь, я давно мечтал встретить самого Уильяма Миллигана.

Илюша пока молчал, но всё больше хмурился.

– И не смотрите на меня как на врага или шпиона, – невозможно отреагировал на это его собеседник, в своём необычном для этих мест одеянии похожий на праздного русского дачника начала двадцатого века, как их изображали в советских фильмах семидесятых годов, – Я абсолютно не в курсе ваших дел, просто была вероятность, что вы здесь появитесь, а проходя мимо купальни, узнал его по фото из немецкого журнала по психиатрии.

– Завтра сюда приедет моя подруга, – холодно ответил Илюша, – И она может сделать так, что вы всё забудете. И фото из журнала и, вообще, зачем вы сами тут оказались...

– Но тогда я не смогу помочь ему избавиться от нежелательных. По крайней мере – самых опасных, для начала... Ведь вы здесь поэтому? Привезли его лечиться на воды, потому что у него снова «рассинхрон»?

«Он определённо знал, что мы тут будем, но не в курсе, почему именно, – догадался Илюша и решил пока только выяснить, насколько этот тип может быть им полезен, уже понимая, что именно он потребует за свои услуги. Какое-то воспоминание. Интересно, сколько их уже у него, смешных и страшных, стыдных и красивых... и где он их держит?

– Мне бы очень хотелось пополучить себе в коллекцию,

настоящую личность, -продолжал тем временем Фокусник, – Просто это всегда было связано с риском при перемещении, а у вашего друга – у него их много и жалеть о ком-то из них он не станет. Кстати, напомните, в каком году мы с вами делились?

– В девяносто втором.

– Да, в том парке, в Эрмитаже, восемнадцать лет назад. Хорошее было время, потому что никто серьёзно не воспринимал то, чем я занимаюсь, все думали, что это какой-то розыгрыш или представление... Но, поверьте, за это время я усовершенствовал свою технику и многому научился.

– И как мне вас теперь называть?

– Евгений Петрович – так ко мне обычно обращаются люди вашего возраста.

– Но как вы могли тогда показать мне Панган? Это ведь был он – сейчас я уже точно знаю.

– Я сам не до конца понимаю, но потоки возможного будущего – это, скорее, побочный эффект работы моей машины. Однако именно этому я и обязан своему благополучию, некоей осведомлённости о происходящем, да и, вообще, тому что я до сих пор жив. Просто его природа мне пока не ясна, хотя всякие прорицатели и персонажи типа Нострадамуса – они ведь не всегда вралы – значит, могли как-то подключаться к таким потокам.

– А где вы держите ваши образцы? И что с ними делаете?

– Я их исследую. Но, поверьте, не собираюсь создавать на

их основе каких-нибудь Франкенштейнов, а вся библиотека образов находится у меня дома, в новосибирском Академгородке.

– Так вы учёный?

– А вы думали клоун? Нет, просто у меня были тяжёлые времена, когда под видом развлекательного аттракциона я вытягивал у людей их воспоминания. А ваш друг – уникальный случай для переноса человеческого сознания на иной носитель – ему ведь от этого не убудет. Я ещё никогда не делал ничего подобного, но готов. А если проблемы Уильяма ещё более усугубятся, то я помогу ему эвакуировать остальных. Или вообще всех, кроме главного, который и есть он сам.

– Вы как-то слишком хорошо осведомлены.

– Конечно, ведь у меня было много лет подготовиться к нашей встрече.

Тогда Илюша подумал – если у Аллы не получится достать противоядие или то, что она привезёт, не скоро ещё подействует – тогда Фокусника действительно можно использовать, как запасной вариант. Теперь оставалось связаться с кем-то из основных личностей Билли, чтобы они решили, хотят ли иметь дело с этим переодетым стариком – лукавым новосибирским профессором, предложившим сделку, подозрительно выгодную для обеих сторон.

– Хорошо, я поговорю с ним, и если он даст своё согласие или у него опять не начнётся приступ, мы увидимся ве-

чером, – ответил Илюша.

Он и догадываться не мог, что сейчас творится внутри сознания Миллигана, в пустынном и бесконечном пространстве обитания его личностей.

Уже позже, переживая самое жаркое время дня на веранде дома и вынеся туда вентилятор, Илюша попросил ту, другую девушку, что «заняла пятно» вместо Адаланы, но не признавалась в этом, вызвать для разговора Рейджена или Артура.

Эйприл задумалась.

Ей нужны были свои союзники, поэтому она решила позволить выйти кому-то из самых деятельных нежелательных, ведь они наверняка уже заметили пропажу четверых основных.

Билли Миллиган потерял сознание, а Эйприл «сошла с пятна», заметив едва уловимую перемену в окружающем её мире.

Теперь здесь стало явно светлее, но это скорее настораживало. Однако, отбросив опасения, она отправилась на поиски тех, кого считала полезными соратниками и неожиданно обнаружила большинство взрослых нежелательных в непосредственной близости от пятна.

Там был и австралийский охотник Уолтер, и ортодоксальный еврей Сэмюэль, сноб и лентяй Мартин, врун и пересмешник Стив, а так же когда-то выполнявший роль грузчика, абсолютно безынициативный Марк.

Удивлённые отсутствием «старших» они казались какими-то растерянными и разобщёнными, Эйприл старалась побыстрее миновать их, но вдруг заметила Филипа.

Державшись один, он решительно приближался к пятну света, чтобы занять освобождённое место.

– О, ты-то мне и нужен! – Эйприл постаралась, чтобы её улыбка выглядела как можно более миролюбиво, – А где твой напарник?

– Я не смог найти Кевина, наверно, он с основными. Как думаешь, почему они перестали сторожить пятно от нас?

– Фил, сейчас на свету была я. Мы тут медленно подышаем в какой-то дыре типа Вьетнама, и если девушка русско-го парня, который сейчас ухаживает за Билли, в ближайшую пару дней не привезёт лекарство – это будет финиш. Но тут есть один специалист, и он может что-то сделать с самим сознанием... Короче, этот парень хочет поговорить с основными, чтоб они решили, как им поступить дальше. Ты меня понимаешь?

Филип ненадолго задумался.

– Если он давно с ними знаком, мне будет трудно выдать себя даже за Рейнджена из-за его акцента, а уж за Артура... Но ведь у нас есть этот комик-пародист, – он кивнул в сторону Стива.

– Хочешь взять в дело этого неудачника?

– Эйп, он способен изобразить практически любого из нас, а если сморозит глупость – так я буду рядом.

Судя по всему, других вариантов провести переговоры у них не оставалось, поэтому через мгновение Эйприл соглас-но кивнула.

– Ладно, Фил, я на тебя рассчитываю. И постарайся выяс-нить как можно больше.

Оба они отошли глубже в тень, только Эйприл – в незаня-тое пространство, а Филип направился к Стиву, от которого пришлось в своё время избавиться из-за того, что он не до-рожил своей жизнью и в тюрьме постоянно передразнивал охранников и начальство, из-за чего Миллигана постоянно били и сажали в карцер.

Сидящий на пластиковом стуле Билли открыл глаза и с удивлением уставился на Илюшу.

Обычно так смотрел на него кто-то из вечных детских личностей, которых основные под его присмотром иногда выпускали погулять по саду и окрестностям. Затем Билли заговорил с сербским акцентом Рейджена, однако у Илюши уже возникли первые подозрения – похоже, то «спутанное время», о котором ему рассказывал Артур, наступило опять.

Стараясь объяснять всё подробно, но по делу, Илюша за-говорил о возможности эвакуации в случае неудачи с изле-чением, добавив, что Евгению Петровичу не терпится вы-тащить из сознания Билли кого-то из нежелательных, что-бы проверить, как работает его устройство. В ответ тот, кто выдавал себя за Рейджена, сообщил, что ему надо посове-

товаться с остальными, а этот человек пусть действительно приходит для знакомства и чем раньше, тем лучше.

– Хорошо, могу прямо сейчас, – Илюша надел футболку с длинными рукавами и быстро ушёл.

Он уже понял – какие-то меры надо принимать срочно, не дожидаясь возвращения Аллы, и надеялся, что Евгений Петрович тоже пережидает самое палящее солнце у себя дома.

А в сознании Билли Стива опять сменил Филип.

Для начала он обследовал дом, пытаясь понять, сколько времени «семья» уже провела здесь. Так же, вспомнив о любви Рейджена к оружию, попытался найти тайники, а когда их не оказалось, внимательно осмотрел задний двор, обнаружив там ухоженную территорию, где особенно нечего было спрятать. Тогда он лёг на землю, прополз под сваи дома, и принялся ощупывать их до тех пор, пока, через пол часа, не нашёл в большой щели между фрагментами сруба тяжёлый сверток, от которого пахло железом и оружейным маслом. Филип достал пистолет, вложил в него обойму и убедился, что первая из пуль вошла в ствол.

Извлечение

Илюша и Евгений Петрович вернулись только через час, притащив с собой всю необходимую аппаратуру и решив действовать по ситуации.

Для подключения к чужому сознанию учёный, много лет успешно выдававший себя за иллюзиониста, до сих пор использовал обыкновенную пластиковую строительную каску с отходящими от неё проводами, только сама его машина стала теперь совсем компактной и напоминала пульт для звукозаписи с большим количеством переключателей, датчиков и разъёмов. Размером она оказалась не больше компьютерной клавиатуры, и толщиной сантиметров в двадцать. Так же при нём были более мелкие гаджеты, сложного вида переходники и переносные жёсткие диски.

Вместе они прошли в дом, где на одной из кроватей сидел среди подушек закутанный в покрывало Филип. Он недоверчиво наблюдал, как Илюша и Евгений Петрович поставили аппаратуру в углу комнаты.

Затем оба присели на соседнюю кровать, и Евгений Петрович с интересом рассматривал Миллигана, о котором так много слышал.

– Здравствуйте, – сказал он, – Очень рад знакомству с вами, пусть даже в таких трагических для вас обстоятельствах.

Самый опасный нежелательный, занявший тело Билли, удостоил его лишь кивком в ответ и спросил:

– Это и есть машина для переноса? И как она работает?

– А с кем мы сейчас разговариваем? – Илюша был насторожен и по пути успел предупредить учёного о возможной хаотичной смене личностей в сознании Билли.

– С Томми.

– Том, я понимаю, что ты разбираешься в технике, но тут устройство совсем другого уровня. Если хочешь, Евгений Петрович прочтёт тебе лекцию о нейронных связях и фиксации матрицы сознания.

– Не стоит. В общем, мы поговорили и вместе решили, что сначала надо эвакуировать Учителя и сделать это как можно быстрее.

– Так он появился? – оживился Илюша, – Вышел, узнав о кризисе? Его ведь много лет не было, лично я ни разу с ним не общался.

– Нет, – немного растерялся Филип, но потом снова взял себя в руки, – Просто мы считаем, что его надо вытащить первым. Ведь он – это все мы, наш собирательный образ. А потом уже заняться нами – мною, Артуром, Рейдженем...

– Но это получится, только если он сам встанет на пятно, – вступил в разговор учёный, – Я не в состоянии проникнуть в ваше сознание и кого-то там отыскать, поэтому могу перенести только того, кем сейчас является Билли.

– И где он потом будет?

– Здесь, – учёный показал ему смартфон – немного устаревшую за пару лет модель с разбитым экраном, – И прошу понять, что это первое, экспериментальное действие, поэтому для начала советую вам избавиться от кого-то из нежелательных. Дайте им – как вы это называете – встать на пятно.

– Но я не могу уйти.

– Почему? – заинтересовался Илюша.

– У нас сейчас полный разброд. Я не знаю, где остальные.

– А как же вы тогда вместе решили на счёт Учителя? – с подозрением поинтересовался Илюша.

– Час назад это ещё было можно, – без запинки соврал Филип.

Тогда Илюша внимательно посмотрел ему в глаза и неожиданно произнёс:

– Ежедневно старик из Эль-Беера свою дочку обмахивал веером!

– Чего? – удивился Филип, – Это ты, вообще, о чём?

– Ты не Томми, – ответил Илюша, пристально на него глядя, – Перестань нас дурачить и назови своё настоящее имя. Кто ты из нежелательных?

Дело в том, что этот лимерик Эдварда Лира, из тех, что так нравились Артуру, все четверо основных ещё давно договорились использовать с Илюшей в качестве пароля – как раз для таких моментов, если ситуация неожиданно выйдет из-под контроля.

Филипп на мгновение задумался, а затем вытащил из-под покрывала пистолет Рейджена.

– Меня зовут Фил. Слышал о таком?

Илюша молча кивнул, а Евгений Петрович как-то грустно вздохнул.

– Мои требования просты: убирайте из моей головы Учителя, а потом основных, и лечите меня здесь, пока я не поправлюсь.

– Это не так просто, как тебе кажется, – подал голос Евгений Петрович, – Но я попробую.

– Делай всё, что можно и начинай прямо сейчас!

Евгений Петрович и Илюша переглянулись. Они прекрасно понимали, что у этого бандита в теле умирающего человека нет никаких шансов контролировать процесс перемещения, но опасались, что он может убить кого-то из них, а то и обоих.

«От мафии мы с Билли сбежали, но как бы теперь не вышло, что он сам меня и пристрелит», – мрачно подумал Илюша.

Евгений Петрович вздохнул и принялся подготавливать аппаратуру, а Илюша продолжал сидеть на кровати.

Фил не сводил глаз с них обоих.

– Тогда, Филип, тебе придётся надеть это, – учёный показал ему каску с отходящими от неё проводами, тем самым давая ему понять, насколько он становится уязвим.

Фил смутился, однако отступать ему было некуда.

– Только имей в виду, если я хоть на секунду почувствую: что-то не так, без предупреждения пушу тебе пулю, – пытаюсь придать голосу уверенность, ответил он, – А русский друг, если не будет рыпаться, то доживёт до тех пор, пока не вернётся с лекарством его подруга.

– Да, я понял.

И тогда Илюша попытался взять ситуацию в свои руки.

– Филип, ты понимаешь, что находишься сейчас в состо-

янии «пата»?

– Это что за хрень?

– Ну, когда в шахматах главной фигуре – королю – некуда ходить. Так же сейчас и у тебя. Чтобы мы вытащили Учителя, ты должен уступить ему место, но как только ты покинешь пятно, то перестанешь быть главным и всё контролировать.

Фил на мгновение задумался и, судя по всему, действительно растерялся – до него только сейчас окончательно дошла вся нелепость собственного положения. Он с ненавистью зыркнул на Илью, направив в его сторону ствол «Смит энд Вессона», но затем, в замешательстве, снова перевёл оружие на Евгения Петровича.

– Вот он профессор, пусть тогда и думает, как всё проверить!

И это фраза неожиданно сильно разозлила учёного. Он даже прекратил подключать к проводам пульт, положил его на кровать и внимательно посмотрел на занявшего сознание Билли одного из самых опасных нежелательных.

– Мне так питерские бандиты говорили в девяносто третьем году... – сквозь зубы произнёс Евгений Петрович, – А потом на коленях ползали и прощенья просили, чтобы я вернул им их детские воспоминания! А ты... строишь из себя головореза, а сам по придорожным туалетам педиков грабил! Да, я читал об этом!

– Это не я, а Кевин, – мрачно отозвался Фил.

Он явно собирался добавить ещё что-то жёсткое и суро-

вое, но тут у него начался приступ. Его мелко затрясло, а изо рта пошла пена, которую он принялся вытирать краем покрывала.

Илюша подался вперёд – обычная реакция за последние сутки во время приступов Билли, но тот ткнул стволом ему в грудь.

– Сидеть!

Рука у него дрожала, поэтому Илюша здорово испугался, как бы он случайно не нажал на курок, и ноги у него подкосились.

– Делай хоть что-нибудь! – закричал Филип учёному, – Только быстрее!

Глядя на направленный на него ствол оружия, Илюша сильно жалел о том, что здесь сейчас нет Аллы, которая могла бы утихомирить Филипа за тот короткий момент времени, пока капля воды падает на пол. Значит, надо что-то делать самому.

Дождаться, когда Фил из-за боли хотя бы на секунду утратит контроль и бросится на него, блокируя руки. Тогда есть вариант, что первая пуля уйдёт в потолок. Да, он специально снял дом на отшибе, чтобы никто не слышал криков умирающего от медленного яда человека, но насколько громко работает это оружие?

Однако ситуацию спас учёный, который за долгое время работы балаганным фокусником приобрёл навыки внушения.

– Боюсь, мы потеряли время, – спокойно ответил Евгений Петрович, глядя в глаза Филу с выражением, как заклинатель змей смотрит на кобру, – Ты сейчас умрешь и тебе ничем уже не помочь.

Неожиданно Филип издал дикий вскрик, на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, то на них застыло совсем иное выражение удивление и испуга.

Ахнув, он бросил пистолет на кровать и принялся стонать, обхватив руками живот.

– Ты Дэнни? – сразу спросил Илюша.

– Нет, я – Дэвид, – ответил он и начал покачиваться из стороны в сторону.

– Это «хранитель боли», – объяснил Илюша Евгению Петровичу, – Филип либо не выдержал, либо мальчик сам встал на его место.

– Пойдём, – он протянул Дэвиду руку, – Есть место, где тебе станет немного лучше.

Евгений Петрович подобрал оружие и осмотрел его с почтительной аккуратностью коллекционера.

– Отличная вещь, сейчас это раритет, – сказал он, вытащив обойму и пряча её в карман, – А откуда он у него?

– Это Рейджена, – ответил Илюша, помогая Дэвиду надеть футболку, – Купил его у бандитов, у которых мы брали потом интервью для фильма.

– Простите, какого фильма? – удивился учёный.

– Давайте отведём его на источник, а по дороге я вам рас-

скажу.

Евгений Петрович спрятал разряженный пистолет под подушку и, с двух сторон подхватив Дэнни под руки, они с Илюшей покинули комнату.

...Сначала Артур решил, что очнулся в совершенно незнакомом месте, но, осмотревшись, заметил, что по-прежнему находится в сумеречном внутреннем пространстве, но только теперь здесь появился цвет. Алый, как рассветная полоса перед восходом, он виднелся где-то вдалеке, но зато проходил по всей окружности несуществующего горизонта и давил на зрение, принося ощущение тревоги. Такого тут никогда не случалось, и Артур осознал, что в нынешнем положении место их обитания больше не является безопасным.

Многоличный разум Миллигана ещё не подвергался подобным атакам, поэтому Артур сразу решил выяснить, кто сейчас стоит на пятне, ведь когда Билли употреблял наркотики, его обычно занимал Филип или Кевин, а подействовавший на мозг яд – та же химическая интоксикация, поэтому никакого оптимизма наступающий «рассвет» ему не внушал. Тем более плоская равнина с алеющими краями оставалась совершенно однородной, а столь привычное за последние годы ощущение связанности с «семьёй» покинуло его, он больше никого не ощущал – ни детей, ни других основных или нежелательных и при этом совершенно не представлял, где их искать.

Поэтому одной из первых эмоций Артура после пробуждения стало чувство страха оттого, что он просто застрянет здесь навсегда, даже если Алла привезёт противоядие и Билли останется жив, однако он решил не поддаваться панике и попробовать найти кого-то из остальных и, вместе с ними, отыскать путь к пятну света.

Так как Артур полностью утратил ориентацию, то просто пошёл вперёд, но его не покидало ощущение, что он либо стоит на месте, либо эта серая и светлая по краям сфера движется вместе с ним, удерживая его под центром купола, словно жука, накрытого стаканом. Возможно, так оно и было, но «восход» по её краям разгорался всё ярче, погружая самую рациональную личность Билли в состояние паники. Артур понимал, что идёт он уже очень долго, и времени прошло слишком много, но в один момент, рефлекторно обернувшись, он увидел перед собой Учителя.

Внешне он выглядел так же, как и сам Билли – крепким загорелым голубоглазым мужчиной с ниспадающими до шеи волнистыми каштановыми волосами, и на вид казался явно моложе прожитых им пятидесяти пяти лет.

Артур ощутил новую волну тревоги, ведь если Учитель решил явиться – значит всё очень плохо.

– Что происходит? – сразу спросил Артур, – И кто сейчас на пятне?

– Похоже, мы умираем.

– Я догадываюсь, – сухо ответил Артур.

– Когда всё здесь окрасится красным – это будет означать агонию мозга, его необратимое повреждение, – объяснил Учитель, – Поэтому сознание спрятало вас четверых, а так же детей и Адалану куда-то совсем в дальнее место, чтобы вы были последними, кто останется, если оно начнёт угасать. И, в отличие от меня, вы не можете его покинуть. Но нам предложили план эвакуации, поэтому мне пора на пятно, чтобы вести переговоры. Ты первый, кого я встретил, поэтому найди остальных и держитесь вместе.

– Но как я это сделаю? Я заперт здесь и никого не слышу! У нас ведь у каждого есть нечто вроде своей мелодии, по ней я и знал, куда идти, а сейчас всё непроницаемо!

– Тут надо не идти, а скользить, двигаясь мысленно. Представь себе образ любого из них, его внутренний цвет, его музыку и стремись к ней, а когда встретишь, научи этому, и вместе отправляйтесь за остальными. А мне пора, до встречи!

– Надеюсь, что до встречи, – ответил Артур, и уже через мгновение рядом с ним никого не было.

Тогда он посмотрел на занимающий всё большее пространство ядовитый восход и закрыл глаза, представив себе Адалану. Почему-то он решил разыскать первой именно её.

Поддерживая с двух сторон измученного спазмами мальчика в теле взрослого мужчины, Илюша и Евгений Петрович шли по дорожке в сторону источника. У них оставалась

ещё пара часов до наступления сумерек и закрытия купальни, солнце уже зависло над деревьями, став менее жгучим, однако прохладней в это время не становилось – апрельская духота изнуряла людей даже ночью, наполняя их сны тяжёлыми и причудливыми видениями.

Под навесом, где, опустив в горячую воду только ноги, оживлённо болтали о чём-то четверо пожилых тайцев, Илюша помог Дэнни раздеться и показал ему, где можно сойти по ступеням и присесть так, чтобы на поверхности оставалась лишь верхняя часть груди и голова. Минут через десять он перестал стонать и замер, словно уснул.

– Дэнни, как ты? – спросил Илюша.

– Дэнни здесь больше нет, я его отпустил, – ответил Билли Миллиган, открывая глаза, которые – как показалось Илюше – стали ещё ярче, – А с вами говорит Учитель. И спасибо за всё, что вы для нас сделали.

– Спасибо вы скажете Алле, когда она привезёт то, что нужно.

– Ну хорошо, тогда давайте просто поболтаем.

Так как Билли был уже совсем слаб, то говорил, в основном, Евгений Петрович. Он объяснил ему про технику извлечения воспоминаний и свои первые эксперименты восьмидесятых годов, ещё на аналоговой аппаратуре и добавил, что сейчас, благодаря современной технике готов совершить настоящий перенос. Илюше особо не пришлось ничего себе рассказывать, ведь Учитель, хранящий воспоминания всех

множественных личностей был прекрасно осведомлён, почему именно они здесь оказались.

На закате они вернулись домой, Евгений Петрович подключил Билли к своему устройству, Учитель уступил место Филипу, и через четыре секунды его личность оказалась заключённой в смартфоне с разбитым экраном модели 2008 года.

Когда учёный убедился, что всё прошло удачно, то освободил сознание Билли ещё от двух самых беспокойных нежелательных – лицемерного клоуна Стива и нью-йоркского сноба и хвастуна Мартина, перенеся их на другие носители.

Бывший иллюзионист заранее объявил, что в качестве оплаты он возьмет себе одно хорошее воспоминание каждого из них, в том числе и Аллы.

– А она-то тут причём? – спросил у него Илюша.

– Потому что вы вместе. И она меня интересует не меньше, чем Миллиган.

Связь с Аллой оборвалась, когда она оказалась в глубине страны, которая раньше называлась Бирмой. Интернет там тоже практически не работал, возможно, только в дорогих отелях, где она останавливаться не собиралась, но Илюша ещё днём отправил ей на почту сообщение: «Помнишь, я рассказывал тебе про Фокусника в Эрмитаже? Он здесь. Он вытащит из Билли нежелательных, которые им завладели, но хочет, чтобы мы поделились с ним своими воспоминания-

ми. Это его оплата.» На что Алла, уже ночью, ответила ему: «Мне не жалко своих воспоминаний, но сначала я просто в глаза ему посмотрю. И я нашла Ткань. Позвоню из Таиланда, когда сяду в самолёт, есть дешёвый рейс. Делай сейчас для Билли всё, что возможно.»

Получив этот сообщение, Илюша немного успокоился.

Когда они попрощались, Алла около суток добиралась на автобусах сначала до границы с Мьянмой, а затем до города Мандалай, где у неё были знакомства. Там она получила ткань и переночевала, после чего поздним утром вернулась в Таиланд, вылетела на дневном самолёте из Чиангмая в Сурааттани, оказавшись на месте уже ранним вечером.

Она смочила ткань обычной водой и обернула в неё тело Миллигана. Уже ночью он почувствовал себя лучше, а за двое суток сотканная бирманскими ткачихами лечебная простыня полностью впитала в себя весь яд, но ещё неделя ушла на реабилитацию Билли.

Именно тогда Евгений Петрович взял у каждого по воспоминанию, объяснив, что не отбирает их, а просто копирует себе на устройство.

Илюша поделился своими первыми впечатлениями от прибытия на Панган, а Учитель – общим переживанием, когда основные и детские личности смогли обрести между собой устойчивую связь и дружеские отношения, стали семьей и после десятилетнего нахождения в лечебнице Билли Миллигана выпустили оттуда, как полностью выздоровевшего.

Извлекая это событие из памяти Учителя, Евгений Петрович увидел в потоке прошлого отражение вариантов возможного будущего Миллигана, и оно явно его встревожило. Он предупредил Учителя, что через несколько лет, уже дома, у Билли могут возникнуть серьёзные проблемы со здоровьем и если надо, он прилетит в Америку и эвакуирует всех основных личностей, чтобы они оставались жить после биологической смерти тела.

– Звучит как в зловещем фантастическом романе! – с усмешкой ответил Учитель.

– Зато вы сохраните себя в качестве интеллектуальных единиц.

– Но уж точно не я, как объединяющая всех личность. Я умру вместе с этим мозгом, когда угаснет его сознание. Но вот Артуру такая идея явно придёт по вкусу, я ему сообщу, пусть скажет остальным, может ещё кто захочет...

Когда очередь дошла до Аллы она объявила, что собирается открыть одно из самых важных воспоминаний, но при этом оно должно стать всеобщим достоянием и его должны узнать все, кто здесь находятся.

– Хорошо, я сделаю так, что мы все его увидим.

– Но как? У вас же только одна эта каска с проводами? – засомневался Илюша.

– А она вам и не нужна.

– Тогда кто вы? – насторожился он ещё больше, – Исследователь, который притворяется фокусником или насто-

ящий экстрасенс, который выдаёт себя за учёного?

– Я всего лишь последний гений эпохи Возрождения, – ответил Евгений Петрович и сам же засмеялся собственной шутке.

И Илюша вдруг обратил внимание, как сильно он похож на гравюрное изображение философа Афанасия Кирхера, чья маленькая стальная Вавилонская Башня, выполненная по рисунку из его книги, много лет оставалась Илюшиным талисманом, оберегая от разрушительного воздействия гигантского города, пока он его не покинул.

Полёт Аллы

Это произошло, когда ей исполнилось тринадцать лет.

Стоял июль 1983 года, они с папой тогда жили и работали на раскопках в Севастопольском Херсонесе и на неделю приехали к его друзьям на стоянку неподалёку от Коктебеля, в местечке между Планерским и Рыбычьим, где и собиралась все летающие люди.

Многие из них у себя дома работали на скучных работах, а большую часть скромной инженерской зарплаты откладывали на покупку оборудования для парапланов; здесь они и парили в восходящих потоках тёплого воздуха, возвращаясь к своей природе.

Именно там, среди пологих гор, которые уже рассыпались

от старости, Алла обнаружила, что у неё как-то необычно обострилось зрение.

В тот день они с отцом вместе летели над морским побережьем и склонами Кара-Дага. И она заметила, что может по своему желанию замечать мелкие детали пейзажа, приближая и увеличивая их, как делают это орлы и совы. Так же она указала папе на неприметную грудку камней, сказав, что это остатки древней постройки.

Тем местом на склоне никто тогда не интересовался, его просто не замечали, но отец связался с местными археологами и, через несколько дней, придя туда, они действительно обнаружили скреплённые между собой камни и опознали их как остатки защитной стены времён неолита. На вопрос папы: «Как тебе удалось понять с такой высоты, что это не скалы, а старые стены?», она просто ответила: «Но ведь они разные!»

Всё-таки Севастополь был большим городом, а здесь, в дикой природе заповедника взрослеющая Алла обрела некую первобытную чуткость. Иногда ей казалось, что она на физическом уровне ощущает вечный ритм циклов перерождения природы от весны к осени и зиме, а в полнолуние, когда археологи и парашютисты спали после посиделок с гитарами у костра, забралась на небольшую вершину, сняла с себя всю одежду и танцевала под одной ей слышную музыку.

Когда они возвращались в закрытый в то время для тури-

стов Севастополь, она сама спросила у отца:

– Папа, что случилось? Почему я теперь вижу и иногда даже слышу больше, чем остальные люди? Это как-то связано с мамой?

Маму Алла почти не помнила, знала только, что когда ей было три года, родителей засыпало селевым потоком в одном из Кавказских ущелий, папу откопали ещё живого, через сутки, а маму так и не нашли.

Тогда отец как-то тяжело вздохнул и ответил:

– Да, это досталось тебе от неё. Но она далеко не всё мне про себя объясняла, я сам ничего толком не знаю и не смогу тебя ничему научить. Могу сказать только одно – тебе надо быть скрытной. Никому об этом не рассказывай, даже лучшим подругам и будь очень осторожна со всеми его проявлениями, особенно находясь в гневе.

Так она и поступила, изучая и храня свой ещё несформированный дар, стараясь не расплескать его, как идущая по высокогорной тропе девушка с кувшином воды на голове.

В восемьдесят седьмом году они поехали в Непальскую экспедицию к горному массиву Аннапурны. Вроде как обычную, археологическую, но там имел место секретный эксперимент с погружением в летаргический сон в пещерах, подобно тому, как, говорят, веками спали гималайские йоги. Для настоящих учёных всё это было на уровне мифов, но среди советской интеллигенции давно существовала мода

на эзотерику, и они собирались проверить, насколько это и вправду возможно.

Все исследования проводились под патронажем военных – их всегда интересовал момент выживания солдат в экстремальных условиях, особенно после атомной войны. Нашлось несколько добровольцев из младшего офицерского состава и неженатых научных сотрудников, но женщин среди испытуемых не было и тогда коллеги отца осторожно предложили ей тоже попробовать, утверждая, что это безопасно.

Папа тогда поругался с ними и просил не провоцировать дочь – не хватало потерять ещё и её, но в то время в СССР полным ходом шла перестройка, жить в Москве было очень интересно, там постоянно происходило что-то новое и Аллу не заинтересовало предложение стать спящей красавицей. Но уже через два года она согласилась, когда они вернулись туда, чтобы разбудить спящих. Все они остались живы и с ними, на первый взгляд, не произошло никаких изменений.

Дело в том, что в девятнадцать лет Алла выглядела настолько прекрасной из-за своей необычной внешности и казалась нездешней в сером сумрачном городе, что с ней постоянно пытались знакомиться мужчины на улицах, бывало – грубо приставали, и хотя она уже знала, как можно напугать их или утихомирить, это сильно её тяготило. А когда она не поступила в МГУ из-за конфликта с каким-то похотливым профессором из приёмной комиссии, то и решилась «три года поспать, а потом попробовать поступить снова».

В Непал они прибыли в сентябре 1989 года, и ещё месяц заняла подготовка.

Перед тем, как ложиться в пещере, папа сказал ей: «Есть только два неудачных варианта развития событий – либо ты просто не сможешь там уснуть, либо никогда уже не проснёшься. Но такая вероятность – всего девять процентов».

К тому времени уже стало известно, что спящие могут планировать собственное пробуждение, как бы программируя себя на определённое время, связанное с природными циклами. Поэтому они договорились, что он будет ждать её в поселении в пяти километрах от пещеры с августа по октябрь 1992 года, а если она к этому времени не проснётся, то наймёт провожатых и отправиться к ней. Так они и простились.

Погружённая в сон, она встретила человека, который назвался ей Канва и стал её учителем, объяснив, как можно управлять своим телом и развивать концентрацию сознания даже во сне. Первое удавалось ей хорошо, но вот с концентрацией разума она не всегда справлялась, но Канва дал ей понять, что на практические занятия ей придётся потратить целые десятилетия и не во сне, а в реальном мире. Сам он всю жизнь лечил людей и теперь показывал Алле, как можно видеть по человеку его болезни, их зарождение, развитие, и на образах и примерах обучал её останавливать такие процессы.

Уже годы спустя, читая отрывки из ведических писаний, она узнала, что Канва – это известный индуистский «риши» – мудрец и провидец, но так и не поняла, как именно осуществлялось их общение; жив ли он, либо тоже спит или уже давно находится «по ту сторону».

Когда она проснулась, снова стоял сентябрь.

Алла покинула пещеру и очень удивилась, что папа не встретил её в условленном месте. Тогда она спустилась ещё ниже, в большую деревню, где пять лет назад располагалась база первой экспедиции. Местные пожилые женщины оказались добрыми, но какими-то загадочными – они только улыбались и до них было не достучаться, но Алла сама осваивалась с их молчаливого одобрения.

Только через две недели она обнаружила в яме для мусора газету на английском языке, и узнала новости времени своего пробуждения. Оказывается, СССР уже год как не существует, а в России начали проводить какие-то реформы, чтобы поставить её на рельсы капитализма, благодаря чему почти всё население страны, и так по преимуществу бедное, впало в депрессию. Теперь она поняла, почему папа за ней не приехал. Оставалось только выяснить, жив он или нет.

Алла постепенно спускалась всё ниже, в более людные места, но в то же время, занималась изучением горных треков и уже через месяц после пробуждения нашла себе работу сначала помощницы, а затем уже и полноценного инструктора

для туристов. Но дозвониться до отца, да и вообще, отыскать телефон с работающей международной связью она смогла только в декабре. Её папа, судя по голосу, уже давно жил в мире собственного прошлого, но новость о том, что у неё всё в порядке, сильно его взбодрила. Видимо, по этой причине он и не стал заканчивать жизнь самоубийством, как, собственно, и планировал.

К апрелю Алле удалось накопить на билет и, имея загранпаспорт уже не существующего государства, она отвела глаза пограничнику на контроле и прилетела в весеннюю Москву 1993 года. Пёстрая и чужая, она показалась ей пародией на Азию, зачем-то устроенную в более холодных широтах, поэтому так и не смогла понять восторги своих бывших друзей, которые утверждали, что «скоро мы будем жить, как в Европе».

По ощущениям самой Аллы выходило, будто на одну декорацию наложили другую, абсолютно не сочетаемую и осознать, что за четыре года всё так изменилось, поначалу оказалось непросто. Особенно её тревожили сами люди, что негласно разделились на хищников и жертв, где многие жертвы сами притворяются хищниками.

Однако за искажёнными лицами и нелепой рекламой всё ещё проступал вполне реальный силуэт её любимого города, но она уже знала – существовать ему осталось недолго, и ставший мэром одутловатый дядя в смешной старомодной кепочке скоро полностью его уничтожит. Она видела новый

силуэт любимых улиц и домов – каким он будет лет через двадцать – и он её ужасал.

Поэтому, напрактиковавшись в общении с европейцами, Алла без труда сдала экзамены в Мориса Терезы и, став отличницей, сразу заинтересовалась программами обмена студентов. Остаться здесь ей не хотелось и, после горного климата и бескрайних пейзажей, просто не хватало воздуха. В 1995 году она на год уезжала в Чехию, затем стажировалась во Франции и Испании, и везде искала следы древней европейской магии, а так же того, кто сможет дальше учить её управлять собственным даром.

Однако она так никого и не встретила. Кроме одной пожилой женщины, переехавшей из города, где когда-то блистала в качестве театральной актрисы, встречать старость в нормандскую деревню на берегу залива Сен-Мало. Она являлась последней ведуньей древнего европейского рода, которому суждено было на ней оборваться – всех её близких истребили во время двух последних европейских войн, а сама она давно растеряла большую часть своих способностей. Женщина сказала – если хочешь научиться управлять своими силами, то тебе надо снова вернуться в Азию.

Закончив институт, Алла, решив прочувствовать жизнь обычных людей, стала на некоторое время маленьким винтиком в механизме могущественной международной корпорации, но быстро поняла бессмысленность подобного суще-

ствования. Поэтому, узнав один из грязных секретов своего руководства, она получила за молчание деньги и в двухтысячном году отправилась в Индию, проведя четыре месяца в ашраме южного штата Тамилнад, после чего совершила путешествие через всю страну на север, к горному массиву Аннапурны. Там она нашла свою пещеру и уже самостоятельно погрузилась в спячку ещё на три года, где снова встретила Канву и продолжила своё обучение.

Затем она на пару лет вернулась домой, попав уже в другую, «гламурную» Москву, но вместо хождения по клубам исследовала заброшенные и потайные места, замечая самые гиблые, тёмную ауру которых так и не смогло переменить прошедшее время. Это были рассадники омрачений, а в некоторых из них когда-то произошли настолько жуткие и непостижимые события, что людям просто не стоило туда заходить. Подобные пятна и лакуны Алла наносила на карту, решив, что когда она наберётся больше опыта и сил, то займётся их искоренением.

Работала она переводчиком в компании трейдеров, а понаблюдав за их действиями сама в результате провернула несколько удачных финансовых сделок и осенью 2006 года улетела в Таиланд. В университете Чиангмая она изучала тайский язык, в северном монастыре на границе с Лаосом – остатки древних магических культов, обитала на совсем диких островах Андаманского моря, а однажды, повстречав в Бангкоке старых знакомых, узнала, что парень, которого она

когда-то собиралась пригласить в качестве делового партнёра, живёт сейчас на Пангане.

Это и был Илюша, именно с ним она и хотела познакомиться в последние летние дни девяносто пятого года, потому что ей рекомендовали его как хорошего организатора. Тогда она вернулась из Праги и у неё появилась мысль о создании школы Тибетской йоги – этим тогда в Москве мало кто занимался – горожане предпочитали проводить досуг более традиционно – напиваться на улице или в гостях, потому что в рестораны тогда ходили либо бандиты, либо просто богатые люди. В то время измученным на своих странных работах москвичам в большинстве своём не было никакого дела до того, что они считали чем-то вроде сектантства или просто лечебной физкультуры, но, по замыслу Аллы, её клиентами могли стать скучающие жёны состоятельных предпринимателей и легализовавших свой бизнес бандитов.

Она догадывалась, что клуб Илюша потерял, и хотела, чтобы он работал с ней, ведь ещё до знакомства ощущала некие связующие себя с ним нити, но из-за его проблем с МВД-шной крышей и последующего отъезда их встреча состоялась лишь четырнадцать лет спустя.

Прощание

Евгений Петрович первым покинул источник Tha Sathan,

отдав Алле смартфон с заключенной в него личностью Филипа, намекнув, что в будущем он может ей пригодиться. Затем с ними попрощался Учитель, уйдя в глубину сознания Билли, и Илюша с Аллой опять стали общаться с четырьмя основными личностями, к которым добавилась Адалана.

Закопав пистолет Рейджена в саду за домом, они вместе приехали в столицу Королевства, где собирались переночевать, а на следующий день разъехаться в разные стороны. У каждого уже был билет на самолёт. Илюша и Билли возвращались домой, а путь Аллы пролегал в Катманду, а затем – к горному массиву Аннапурны, где её ждала уютная потайная пещера в которой она снова собиралась провести три года в состоянии глубокого сна.

По приезду в Бангкок они даже устроили прощальный концерт прямо на Каосан Род.

Билли был человек-оркестр, он пользовался большим успехом как у туристов, так у местных продавцов и тук-тукеров. Аллен, Рейджен и Томми по очереди играли на большом и маленьком барабанах, тайской флейте и – в качестве ксилофона – на веренице расставленных на асфальте пивных бутылок, которые выдавали все ноты благодаря разному количеству пива.

Вокруг них собралась дикая толпа, все хлопали и смеялись.

Весь день они ели в обычных уличных макашницах, но для прощального завтрака, перед тем, как попасть в аэро-

порт и разлететься по разным странам, выбрали пафосный ресторан в европейском стиле и Артур, будучи в ударе, даже заказал бутылку шампанского.

– Это не слишком дорого для тебя? – поинтересовался Илюша, когда им принесли счёт.

– Да не волнуйтесь, я до сих пор живу на деньги от передачи прав на свою историю. И я вас угощаю, – сказал Артур на своём безупречном, слегка старомодном британском английском.

Но когда он открыл переданный ему счёт – книжечку в кожаном переплёте, то моментально побледнел.

– Что такое? – изумился Илюша, – Тебе пару лишних нулей вписали?

Но тот лишь покачал головой и молча протянул ему и Алле лежащий поверх чека клочок бумаги. Рука его дрожала.

Почему – они сразу поняли, прочитав послание. Там было сказано: «Ты всё-таки спас свой фильм и остался жив. Но если ты его хоть кому-то покажешь, мы найдём тебя в любой стране и убьём».

От ужаса Артур собрался было выпустить Рейджена, впрочем быстро передумал и принялся оглядываться по сторонам, но в ресторане всё было спокойно. Фаранги безмятежно завтракали, спасаясь под тентами от утренней жары и вяло беседуя между собой, а принёсший счёт официант флиртовал с двумя симпатичными, докрасна обгоревшими рыжеволосыми и конопатыми ирландскими девушками, буд-

то здесь совсем не при чём. Спрашивать его, откуда взялась бумажка с очередным смертельным предупреждением, не имело смысла – он бы ответил, что ничего не знает или сразу забыл английский.

Поэтому их общее расставание в международном аэропорту Суварнабуми прошло на пограничной волне между печалью и отчаяньем. Артур был в ужасе от того, что ему так и не удалось остаться незамеченным, Илюша волновался перед возвращением домой, а Алла, принявшая решение погрузиться в летаргический сон, тревожилась, не зная, что станет с этим миром через несколько лет, когда она снова проснётся.

– Это всегда, как лотерея, – говорила она, – Поэтому я и боюсь уходить лет на десять. Очнёшься – а в тут опять что-то не так и в твоей стране, как раковая опухоль, проявилась какая-нибудь новая неприятная хрень.

Когда Артур вылетел прямым рейсом в Чикаго, чтобы оттуда добраться до родного Коламбуса, они остались одни и молча провели несколько часов на пластиковых сидениях, взяв друг друга за руки. Затем пришла очередь рейса Аллы до Катманду, после чего Илюша купил фляжку Сэнг Сома, в несколько приёмов расправился с ней на улице у крутящихся дверей аэропорта, и только тогда отважился пройти регистрацию на рейс с пересадкой до Москвы.

Ему очень хотелось повидаться с родителями, но иных мотиваций для возвращения у него не было.

– Прими меня мой дом, прими меня мой дом... – бормотал Илюша, как мантру, пролетая над моей дачей, когда его самолёт заходил на посадку в Домодедово.

Его ждала холодная апрельская Москва, смутные перспективы, не приносящая радости работа и одиночество.

Исход

К середине декабря четырнадцатого года я уже полностью истратил свой эмоциональный запас радости и хорошего настроения, став одним из десятков тысяч утренних пассажиров Железного Вавилона, что с каменными лицами стоят в сине-жёлтых вагонах поездов метро, везущих их на работу. Правда один раз, когда мне надо было съездить перед музеем для прикрепления в новую поликлинику, я сел в троллейбус, проехал несколько остановок и вдруг почувствовал, что непроизвольно улыбаюсь. Мне стало хорошо только лишь оттого, что тем утром я отклонился от привычного рабочего маршрута – вот до какой степени я был измучен.

В те дни, поднимаясь вверх по эскалатору, я всматривался в глаза идущих мне навстречу людей, пытаюсь обнаружить там печать грядущей катастрофы, но лица городских жителей оказались пусты и лишены видимых эмоций, как у пожилых монахов, много лет не покидавших пределы своей обители.

Впрочем, по телевизору моих соотечественников пытались заверить, что не происходит ничего страшного и всё находится под контролем, однако толпы потребителей уже покупали бытовую технику, почему-то считая её лучшим способом инвестиций, чем ежедневно дорожающая валюта.

Сам я перевёл все свои сбережения в доллары ещё в ноябре и хотя четыре потенциальные тысячи долларов уже успели превратиться к тому времени в три, я не сильно переживал на этот счёт, понимая, что ещё слишком легко отделался. Тем более билет в Бангкок я купил за небольшие деньги ещё в сентябре, поэтому проблемы увольнения и отъезда меня не беспокоили. Но конкретно сосредоточиться на нашем с Аллой и Илюшей деле ликвидации пятна тьмы в центре города я не мог из-за постоянного бестолкового бардака, связанного с отвратительной организацией всей подготовки юбилейной выставки.

И хотя отбором работ научный отдел занимался всё лето и осень, я знал, что любимый стиль работы нашего руководства – это за три дня до открытия, часов в девять вечера вытащить всё что можно из запасников и потом долго и нудно переставлять с места на место. Так и получилось в четверг, а сегодня была пятница и меня, сильно уставшего за месяц из-за непрерывного потока нескончаемых дел, сильно не радовала перспектива зависнуть тут на все выходные.

И у меня и у Илюши имелось с собой по фрагменту сети-покрывала, которые мы с ним одновременно должны были накинуть. Я – на Книгу, а он на обнаруженные им Рог и Бубен. И хотя мы много раз вместе заходили в хранение, но сделать ничего не могли из-за большого количества других сотрудников.

Алла тем временем дежурила в Кафе Март, в любой мо-

мент готовая по нашему звонку начать схватку со статуей колдуна, но Илюша позвонил ей только для того, чтобы дать отбой, а она ответила, что Камень каким-то образом почувствовал исходящую от неё угрозу и фактор неожиданности мы уже потеряли.

Вечером Илюша поехал на Гоголевский бульвар, где располагался офис его отдела, а мы до шести часов ждали нашего директора Василия и потом часов до десяти переносили картины по залам. О сверхурочных никто даже не заикался – работать было просто надо, но затем нам сообщили, что на выходные могут оплатить выход восьми монтажников и я, не претендуя попасть в число этих счастливиц, засобирился домой.

На улице, не став сразу выходить за ворота, я решил посмотреть, как поживает Камень, и действительно обнаружил кое-что необычное.

Весь выпавший в начале месяца снег полностью растаял, но из низких облаков, тускло отражающих городскую подсветку, непрерывно падал либо мелкий колючий лёд, либо холодный дождь. Казалось, сама стихия из-за разницы температур внутри потоков циклона не может определиться, какой наиболее неприятный вид осадков стоит использовать для атаки.

Но пространство вокруг Камня не было сырым или влажным. Так бывает, если под асфальтом пролегает теплоцен-

тральная сеть, но во дворе она имелась совсем в другом месте, да и сам Камень выглядел подозрительно сухим, словно нагретым. Не знаю, зачем я решил лично в этом убедиться, и осторожно протянув ладонь, коснулся поверхности Камня подушечкой среднего пальца.

И сразу, ахнув, отдернул руку – Камень обжёг меня или даже ужалил, потому что боль от него была острой и какой-то проникающей внутрь, как от укуса пчелы, вот только никакого жала там не было. Я внимательно осмотрел палец, крепко выругался и быстрым шагом направился к выходу.

Уже в метро рука начала пульсировать, поэтому, позвонив Алле, я описал ситуацию и поинтересовался, существует ли какое-нибудь противоядие, а она отчитала меня за неосторожность и посоветовала «выпить водки и читать молитвы, тогда, может, обойдётся». И хотя моя дружба с крепким алкоголем давно подошла к концу, мне ничего не оставалось, как купить бутылку коньяка, а когда добрался до дома, то уже почувствовал жар. Сказав родителям, что, кажется, простудился, навёл себе чаю с медом и, выпив половину бутылки, улёгся в кровать. И пока алкоголь и мои молитвы расщепляли действие яда, где-то на границе между беспокойным сном и пробуждением из-за пульсирующей боли в руке, я улавливал наваянные им образы.

...Это была африканская саванна, она казалась примерно такой, как я видел ещё в детстве по телевизору, даже на ки-

ноплёнке передающее жаркое дрожание воздуха. Но только там возвышались полукругом необычные скальные образования из чёрного камня, напоминая воронку от взрыва или от чего-то очень давно упавшего сюда с большой высоты. И благодаря своему непостижимому происхождению этот амфитеатр ещё тысячелетия назад оказался выбран первобытными племенами для проведения обрядов.

Когда они исчезли, там опять долго никого не было, пока во время грозы сюда не ударила молния, и от одной из скал отделился продолговатый фрагмент. Неизвестно, сколько веков он так пролежал, но однажды ночью его украли. Множество низкорослых жителей тропических лесов, специально привезённых издалека, с помощью примитивных рычагов и кусков брезента сумели положить осколок в прицеп, и двое белых мужчин на джипе отвезли его в далёкое место, где его кому-то продали и отбуксировали в город, в скульптурную мастерскую. Там ему предали форму, и он стал каким-то важным для своего народа Образом, отправившись в путешествие, которое закончилось в далёкой холодной стране, где этот Образ неожиданно пробудился, услышав звук своего ещё более северного соседа – шаманского Рога, который впервые заговорил с ним. А затем их обоих услышали пришедшие с «изнанки» бестелесные существа, нашедшие пристанище в Книге Художника.

И мне стало ясно, что это существо, которое действительно когда-то было Великим африканским колдуном, объеди-

нившись со своими новыми знакомыми, готовится к бегству. Да и Камень, в котором он заперт вовсе не простой, похожий на осколок древнего метеорита. Поэтому если магия «подобия» сработает, сделав место освобождения максимально похожим на место его рождения, то от здания музея останется лишь сияющая в центре Москвы воронка, как от попадания сброшенной с самолёта бомбы.

Все выходные я провёл дома, чувствуя себя совершенно разбито, а Илюша выходил на дежурство и в воскресенье вместе с Аллой был на Петровке. Вечером они позвонили поинтересоваться моим состоянием, сообщив, что с Камнем действительно что-то происходит. Скорее всего, он готовится к атаке, а произойти она, по мнению Аллы, должна во время открытия, когда на празднование юбилея соберётся очень много гостей. Я ответил, что у меня были видения и, как мне теперь кажется, это будет не атака, а побег с большим количеством человеческих жертв, но само по себе это ничего не меняет.

Конечно, мы понимали, что не справляемся, и времени у нас почти не осталось, но сама мысль попросить кого-то из музейных работников о помощи, пусть даже и обманув их, нам в головы просто не приходила.

В понедельник пятнадцатого декабря я проснулся на удивление бодрым и задумался о том, способен ли я после

«укуса» Камня получить иммунитет к его яду, а доехав до работы и пройдя по анфиладе второго этажа безо всякого удивления обнаружил, что в них расставлены для повески совсем другие картины, чем в пятницу. Кое-какие залы даже были готовы, поэтому оставалось лишь разбиться по парам и доделывать остальное. Правда, немного пугало, что в голове у меня иногда раздавался ритмичный звук африканских барабанов, а половина из сотрудников уже мало что соображали.

За несколько часов до открытия хранительница Ира попросила, чтобы я взял кого-нибудь из ребят и отправился с ней, чтобы убрать «отвал» – всё лишнее, не вошедшее в экспозицию.

– А можно с Ильёй из выставочного? – поинтересовался я и, указывая на размечающих стены и сверлящих дырки для креплений монтажников, добавил, – А то все заняты.

– Хорошо, – ответила Ира, которой было уже всё равно.

Тогда мы с ней принялись относить стоящие в одном из залов работы обратно в фонды, и когда я понял, что мы идём в нужное место, вызвонил Илюшу и кратко описал план возможных действий. Он быстро пришёл к нам на помощь, а когда мы вместе проходили с картинами в руках мимо имеющей осоловевший вид главной хранительницы Светланы, немного задержался рядом с ней и что-то сказал.

Затем мы очутились в отданных под хранение залах, но сейчас ситуация там напоминала срочную эвакуацию Эрми-

тажа перед наступлением на Ленинград армии фашистов.

Снятые со стеллажей картины были хаотично расставлены тут и там, какие-то большие вскрытые ящики стояли по центру и к ним тоже прислонялись целые штабелы живописи и графики. Для людей были оставлены лишь маленькие дорожки, да и то не везде и мы с Илюшей принялись протискиваться по ним, чтобы хоть как-то грамотно составить холсты в рамках друг к другу.

– Ребята, вы только осторожней, оставляйте там, где можно, мы всё потом на место уберём, – полужакрыв глаза говорила Ира.

Иногда она как-то странно вздыхала и что-то напевала себе под нос. Похоже, что как и все остальные сотрудники музея, она была явно не в себе.

А потом у неё зазвонил телефон. Ира встрепенулась, односложно ответила и протиснувшись между двумя скульптурами обнажённых женщин, начала пробираться к выходу из зала.

– Ребята, я вас должна на пять минут оставить, вы только осторожнее, не спешите и я вас здесь запру, а то уже ходят журналисты и всякие посторонние люди по музею.

Мы молча кивали в ответ, а когда Ира только подходила к дверям, Илюша уже набирал номер Аллы.

– Это ты подстроил? – поинтересовался я, когда в замке повернулся ключ, и мы остались одни.

– Да, напомнил Светочке, о том, что они забыли... – и

тут же выпалил в трубку, – Алла, мы вдвоём одни в зале и у нас всё готово, – и ответил уже мне, – Считай до десяти, она бежит к нему из кафе!

– Десять... девять... восемь... – медленно начал я, озираясь во всём этом бардаке в поисках Книги Художника.

Илюше было легче – его Рог и Бубен так и покоились на стеллажах, куда он мог дотянуться благодаря своему росту.

Книга же лежала в специальном стальном шкафу для неокантованной графики с длинными горизонтальными выдвижными ящичками. Но теперь доступ к ним был заставлен какими-то фото в стекле и тяжёлых рамах.

– Семь... шесть...

Не став терять времени, я завалил сразу весь штабель на другую сторону. Теперь они упирались прямо в рамы меньшего размера, готовые потрескаться из-за сильного нажима, но меня это уже не смущало.

– Пять... четыре...

Я принялся выдвигать все ящики по очереди, помня, что мой объект покоится в одном из последних. Так оно и было, но чтобы открыть его пошире, мне снова пришлось возиться с фотографиями в стекле, так отодвинув их в этой тесноте, чтобы они при этом на меня не упали.

– Три... два...

Теперь Книга лежала передо мной, и я достал сеть-покрывало, сшитую Аллой из тонкой белой нити на ощупь напоминавшую шёлк, а Илюша уже держал свою на изготове.

– Один! – выпалил я, и мы одновременно набросили сети на свои объекты.

Несколько мгновений мы неподвижно стояли и, едва дыша, вглядывались в предметы под сетью. Вдруг шаманский Рог сам по себе издал тихий звук, словно последний выдох, вместе с которым уходит жизнь, а натянутая кожа Бубна слегка завибрировала

Затем снова наступила тишина.

– Это что, всё? – спросил Илюша, повернув ко мне голову.

Но я не успел ему ничего ответить, потому что Книга под сетью начала корчиться, её картонная обложка пошла рябью и покрылась пузырями. Вслед за тем послышался звук, напоминавший мне гудение сильно натянутого стального троса перед тем, как он лопнет. И по всему залу, от пола до потолка, распахнулась узкая щель, ведущая на изнанку мира.

Она напоминала линзу, искажающую очертания и перспективу проступающих сквозь неё предметов, делая одни из них мрачными, тёмно-серыми и вызывающими отторжение, а другие представляя яркими кричащими пятнами, как на картинах больных шизофренией – это тоже пугало.

Сказать, что я увидел там зазеркалье, мир в его неправильном отражении, будет абсолютно неверно – эта трещина ничего не отражала, а лишь уродовала существующие формы, просвечивая через нашу реальность, как волшебное стекло из сказки Андерсена, смотря в которое всё казалось таким отвратительным и ужасным.

И это была дверь, через которую существа из Книги, не в силах выдержать давление сети, возвращались к себе домой. Я не делал попыток рассмотреть их, чтобы они не попытались как-то материализоваться через мой разум, но физически ощутил вибрацию и сотрясение воздушных потоков, как если бы рядом со мной вдруг включился пропеллер аэроплана, причём эти движения происходили только вокруг меня, никакого ветра по залу в тот момент не гуляло. Я сразу вспомнил недавнюю историю стюардессы, которая слишком рано сошла по трапу, и её затянуло в ещё работающий винт самолёта, поэтому на всякий случай крепко ухватился за стальную вертикальную рейку прикрученного к стене стеллажа и правильно сделал – в следующее мгновение твари с изнанки подхватили меня и попытались унести за собой.

Между прочим, эти стеллажи мы устанавливали сами, и кое-кто ленивый при этом говорил: «Ну зачем их к стене прикручивать, да не надо, они выдержат...» Но главная хранительница Светлана настояла и за это ей большое спасибо.

И вот теперь меня тащило в сторону щели, от которой не исходило ни звуков, ни запахов, я не ощущал никаких перепадов температуры, потому что она всё втягивала внутрь себя, словно Чёрная дыра, которая – как теперь говорят ученые – находится в центре каждой галактики, поэтому никакой отдачи от этого пространства не существовало. Мои ноги скользили по полу в её направлении, а правая рука опять начала пульсировать, ослабляя хватку.

Оглянувшись, я заметил своего остолбеневшего друга и закричал ему: «Илюша, помоги!», не понимая, в общем-то, в чём эта помощь должна заключаться. Но он будто отключился, повернувшись ко мне спиной и застыв у своего стеллажа, сам на фоне других скульптур став неподвижной статуей.

...Позже он рассказал мне, что духи Рога и Бубна не смогли сопротивляться под сетью и сразу покинули свои предметы, уйдя в нижний мир, но сами шаманские инструменты так привыкли иметь хозяев, что приняли Илюшу за нового претендента и обрушились на него, испытывая на прочность. Ему пришлось укрощать их, как диких животных, ловить и пытаться на них играть – иначе они бы его растерзали. Причём происходило всё это на подвластной им территории, в местности, напоминающей тундру во время полярной ночи, и продолжалось, по его ощущениям, много часов.

Не смотря на то, что Илюша никогда не играл на духовых инструментах, Рог дался ему более легко. Собствённо он и не играл на нём, а транслировал звук с помощью своего дыхания. Но вот с Бубном пришлось серьёзно повозиться. Он оказался капризен, опасен и стар; только благодаря урокам, которые ему в своё время дали безумные индийские барабанчики из штата Тамилнад, шаманский Бубен почувствовал Илюшину силу, и ему удалось его усмирить.

Поэтому мой друг в этот момент отсутствовал, и мне оставалось надеяться лишь на то, что изгоняемые сетью паразиты изнанки вот-вот должны покинуть наш мир и главное –

это продержаться, но меня неумолимо тянуло к трещине, а пульсация в правой руке только усилилась – я уже едва ей держался.

Сложно сказать, сколько времени это продолжалось – от ужаса меня прошиб пот, застилая глаза, отчего мне пришлось зажмуриться, а сердце аритмично стучало, как неисправный бензиновый двигатель старой моторной лодки. Но тут помощь пришла ко мне с самой неожиданной стороны – от других объектов хранения, к которым я всегда аккуратно и бережно относился. Произведения искусства, разбуженные непривычным волнением реальности, как-то встрепенулись. На короткое время они словно обрели своё собственное сознание и эмоции, вложенные авторами при их создании. Да, у нас в запасниках находится очень много хорошей живописи, которую годами не выставляли – именно они меня и спасли.

Разумеется, их я тоже не видел, но почувствовал, как тело обволакивает тёплая воздушная волна, пахнущая масляной краской. И ещё я услышал множество мелодий, сплетаюсь между собой, они рождали некий вид энергии – кажется, именно так им и удалось удержать меня от падения в искажающую мир линзу.

Борьба рвущихся на изнанку вихрей и защищающих моё тело музыкальных потоков заняла несколько мгновений, после чего существа из Книги сначала ослабили хватку, а за-

тем, осознав, что им меня не забрать, и вовсе отпустили. На грани восприятия до меня донёлся звук, напоминающий шелест рассыпанного на пол песка, а обложка Книги перестала корчиться и вернулась к своему обычному виду, но я всё равно продолжал держаться за стеллаж, потому что щель не спешила пока закрываться. Надо было срочно что-то предпринять, поэтому, сосредоточившись на пульсации в руке, я попробовал ощутить, что сейчас происходит с Камнем и, благодаря его обжигающему прикосновению, смог почувствовать дух Великого африканского колдуна, его злость от обмана.

Ему предложили жертву – личность человека, в которого он может перейти, но когда он с помощью Аллы покинул Камень, оказалось что тела у этой личности просто не существует, а живёт она в человеческом предмете – маленькой коробочке, работающей от электричества.

Да, это и был Филип – наркоман и грабитель, самый опасный из нежелательных личностей Билли Миллигана, с помощью аппарата таинственного Евгения Петровича запертый в старый смартфон. Но Великий африканский колдун слишком быстро раскусил обман и просто не захотел перемещаться в процессор из кристаллического кремния – из одного каменного плена тут же попасть в другой или, как говорят люди – «поменять шило на мыло». И это не смотря на то, что Алла обещала отправить его в таком виде обратно в Африку.

Но сейчас она уже не контролировала ситуацию – высвободив Образ африканского колдуна, заключить его в другой

носитель сил у неё не хватило – слишком мощным оказался соперник и теперь он собирался завладеть самой Аллой. Тогда, особо не раздумывая и не до конца отдавая отчёт в собственных действиях, правой рукой я словно выбросил из себя пульсирующую боль, пытаюсь отогнать от неё атакующий Образ, восприняв его как невидимый, но вполне ощутимый сгусток разъярённой силы.

И, кажется, мне это удалось. Потому что теперь он обратил внимание на меня.

Услышав нарастающий грохот африканских барабанов, я непроизвольно сжался, а через мгновение Великий африканский колдун уже был в хранении, пытаюсь рухнуть прямо в мою голову, отобрав разум и тело. К счастью, вступившие в сделку с Камнем духи уже покинули Рог и Бубен, которые, в поисках нового хозяина испытывали сейчас Илюшу на прочность, да и изгнанные существа изнанки отправились восвояси, поэтому он оказался один, а у меня тут были свои соратники.

Как не смешно это звучит, но моя любовь к искусству оказалась взаимной. Ощувив направленную на меня угрозу, сотня написанных в хорошем настроении картин снова встрепенулась, защищая меня от сокрушительного удара, словно сгустив передо мной воздух и сотворив между нами упругую силовую мембрану, на физическом уровне состоящую из мелкой разноцветной пыли от давно высохших красок.

По каким-то причинам Образ не мог прорваться сквозь эту завесу, он застрял в ней, как мошка на радужной поверхности мыльного пузыря – этого нельзя было увидеть, но удалось прочувствовать, как если бы она оказалась связана с моими нервными окончаниями. Уверенный в том, что какой-то иммунитет после укуса у меня всё-таки есть, я принялся сдвигать его по мембране в сторону трещины, и коллективное сознание ожившей живописи догадалось о моих намерениях. Из статичного оно моментально стало подвижным, приняв форму скрученной спирали или водоворота. В нём и утонул первобытный африканский барабанный ритм, заглушённый звуками джаза, симфонической классики, кислотной электроники и психоделического рока – всей той музыки, которую, судя по всему, слушали художники, когда писали помогающие мне картины.

Тогда Великий африканский колдун, подхваченный облаком разноцветной пыли, проскользнул на изнанку, и щель за ним сразу закрылась, словно выполнив, наконец, своё предназначение.

Теперь в хранении стояла полная тишина – все его объекты тут же утратили самосознание, полученное ими из-за чуждого вмешательства в законы физики и самой реальности как таковой, но когда трещина захлопнулась, я обнаружил ни на что не похожую реакцию своего организма. В том месте, где она находилась, мною различался теперь некий запах...

нет, даже не запах, а скорее вкус. Вкус горячего песка, который так неприятно хрустит на зубах, а разогревшись, вот-вот расплавится и превратится в мутное стекло – основу для искажающей мир линзы, обладающей страшным притяжением чёрной дыры, затягивающей на изнанку. И я понял, что он мне знаком, что когда-то уже испытывал его, просто гуляя по своему городу, только не могу вспомнить, где именно и когда.

Ноги мои подкашивались.

Я прислонился лбом к стеллажу, а затем повернул голову и взглянул на Илюшу, который до сих пор стоял неподвижно. Мне подумалось, что он, возможно, тоже нуждается в помощи, но единственное, что сейчас можно для него сделать – это отдать часть оставшихся сил. Поэтому, подойдя поближе к моему другу, я попробовал представить их как такие же вихри и мелодии, окружающие меня во время схватки, но при этом постарался наполнить тем особым ощущением радости, что поддерживает в нас желание жить.

Я заключил в них шум и запах океанских волн юга Индии, жар раскалённых крыш летней Москвы, звуки колокольчика, что, качаясь от ветра, будит тебя на рассвете, в деревянном доме у подножия гор; смех любимой женщины и детское ощущение глубины от впервые пришедшей в голову мысли о бесконечности и непостижимости нашей вселенной.

Вообразив, как эти образы-эмоции окутывают Илюшу мягким защитным коконом, я сел на пол и замер, прислонив-

шись к стеллажу. И неожиданно, но закономерно вспомнил отпечаток моего будущего, показанного мне двадцать два года назад в саду Эрмитаж – того повзрослевшего и полысевшего двойника, сидящего на полу спиной к полкам, уставленным разными фигурами – вот я и добрался до финальной точки зримой части своего путешествия. И не могу сказать, что ощутил какое-то облегчение – любой человек, закончивший серьёзную и долгую работу, меня поймёт, но проблема в том, что и никакого конца здесь не было. Совершенно отстранённо, как тогда в Эрмитаже, я наблюдал со стороны за тем «собой» и не испытывал при этом абсолютно никаких эмоций, только усталость и пустоту разума, лишённого привычного течения мыслей.

Не знаю, сколько времени я так провёл, пока Илюша вдруг не задышал, как вынырнувший из глубины на поверхность фри-дайвер и резко повернулся ко мне.

– Ох, Федя, что сейчас со мной было! – выпалил он.

– И не говори... – отвечал я.

...Младшая научная сотрудница Ира, в запарах проносясь по залам и имея в голове несколько поручений, которые надо было выполнить практически одновременно, неожиданно вспомнила, что закрыла двух молодых людей прямо в хранении. Когда она отперла дверь, то увидела нас с Илюшей сидящими прямо на полу неподалёку от выхода.

– Пожалуйста, извините, я совсем забыла! – выпалила она,

а затем, чтобы подбодрить нас, добавила, – Зато уже почти всё готово!

Мы повернули к ней свои измождённые лица и устало улыбнулись.

Одевшись, мы отправились во двор в поисках Аллы, обнаружив её на скамье около скульптуры. Она сидела, держа прямо спину, вытянувшись в струну и немного покачиваясь из стороны в сторону. Глаза её были закрыты.

– Ты как? – спросил Илюша, приобняв её за плечи.

– Уже лучше, – ответила она и, заморгав, как после неожиданного дневного сна, тут же обратилась ко мне, – Помнишь, что я тебе сказала тогда, в нашу первую встречу?

– Нет. Пытался, но не смог, это ведь давно очень было.

– Что ты – мальчик, который укротит Камень.

– А, точно... Та странная фраза.

– Спасибо, без тебя ничего бы у нас не вышло.

– Мне помогли картины, – ответил я.

– Картины, а не скульптуры? – переспросила Алла, – Это хорошо...

Она снова закрыла глаза, а ни у кого из нас не было желания что-то говорить, поэтому я подошёл к ним ближе, мы вместе обнялись, да так и застыли на краю продуваемого декабрьским ветром двора, заставленного скульптурами Церетели, и стоящий у ворот охранник смотрел на нас с любопытством, граничащим с опасением.

Остаток дня до открытия мы занимались всякой, как теперь нам обоим казалось, ерундой, а к семи часам подошли в самый большой зал с высоким потолком, где при первом хозяине особняка, уральском купце Михаиле Губине, устраивались балы.

Но юбилейное торжество в музее мне совсем не понравилось.

Во-первых, нам – работникам музея – никто не сказал слово «Спасибо».

Во-вторых, никакой радости от этого события никто из сотрудников не испытывал – все были слишком сильно измучены. По странному совпадению именно в тот вечер произошло самое глубокое падение биржевого курса, и евро преодолело отметку в сто рублей, а доллар поднялся до восьмидесяти. На следующий день эта волна откатила, но лица многих гостей, особенно среди тех, кто уже запланировал новогоднее путешествие, выражали настороженность и тревогу.

Сама эмоциональная ситуация праздника оказалась скованной и скованной, там даже нельзя было нормально снять стресс с помощью выпивки – коктейли на основе водки оказались совсем невкусными и от них разило дешёвым спиртом. Мы с Илюшей и Аллой отстояли за ними длинную очередь, а затем, крепко сжав бокалы, с суровыми лицами замерли на середине зала, как три айсберга, по-моему, к нам тогда боялись даже подходить – все только проходили мимо

и настороженно улыбались. Скорее всего, мы действительно выглядели в этот момент, как воины после изнуряющего сражения, наверное, это считывалось.

Алла ещё до открытия успела посмотреть выставку, а мы с Илюшей больше не могли даже ходить по залам, испытывая физическое отвращение от одного только их вида, поэтому просто поехали ко мне домой, где спокойно выпили вина, подняв тост за то, что остались живы.

Каких-то особых планов на конец года ни у кого из нас не было.

Через неделю мы узнали о том, что Билли Миллиган умер 12 декабря в городе своей юности – Колумбусе, штат Огайо, в доме для престарелых – то есть ещё за несколько дней перед началом нашей схватки. И знал ли он о ней? Ему было пятьдесят девять лет. Он уже три года не отвечал на Илюшины письма, поэтому для него стало полной неожиданностью не только его смерть, а сам факт пребывания Билли в убежище для стариков.

Нам оставалось только надеяться, что Евгений Петрович с помощью своего аппарата успел перенести на другие носители все его личности, в том числе и Учителя, который, как капитан, наверняка покидал корабль сознания Миллигана самым последним.

– Но всё равно это очень странно. Когда он там объявился, в доме престарелых? – хмурился Илюша, – Может, поэтому

он и не хотел мне писать? И почему он умер, ведь не такой был и старый, выглядел всегда хорошо, ему бы ещё жить да жить. Это последствия того яда? Или он всё-таки решил перестать бояться и кому-то показал фильм?

Я смотрел на Илюшу и думал, что когда-нибудь он получит ответы. И не только на эти вопросы, но и на многие другие, ведь после укрощения Рога и Бубна он получил некоторые способности шамана – теперь они с Аллой занимались поисками места, где его могли бы научить ими управлять.

Да и для меня те события не прошли без последствий. Благодаря им я выяснил, что могу распознавать места, где откроется или уже была приоткрыта дверь на изнанку – искажающая мир линза, чьё присутствие выдаёт вкус горячего песка во рту, при воспоминании о котором у меня до сих пор немела кисть правой руки, а по коже пробегали мурашки. И хотя денег таким талантом не заработать, но зато можно помочь кому-то избежать гибели или безумия.

Сразу по окончании зимних каникул я приехал в отдел кадров, написал заявление об уходе по собственному желанию и забрал трудовую книжку. Прощаться я не стал ни с кем, кроме тех, кого в тот день встретил, потому что уже не мог видеть ни своих коллег, ни стен и коридоров всех четырёх наших музейных зданий. Многие сотрудники сильно удивились, узнав о моих планах в разгар кризиса переждать зиму у тёплого моря, это увольнение произвело фурор, но

мне было уже не до этого. Силы настолько оставили меня, что я старался совершать в день не более одного дела, а мечты о том, как до отъезда я буду посещать выставки и концерты, сменились суровой реальностью, в которой я вылезал из дома только за сигаретами.

Илюша же, доделав свои дела, ушёл из музея две недели спустя и в конце января мы разъехались. Я улетал в Бангкок, имея ещё один билет до острова Самуи, а Илюша и Алла собирались сначала в Катманду и потом в куда-то горы.

В нашу последнюю встречу они предупредили меня, что чтобы не случилось, я не должен о них волноваться. Возможно, через некоторое время они перестанут использовать все привычные для нас средства связи, но если будет надо, то подадут мне знак. Сам Илюша уже покинул к тому времени социальные сети, а Алла, похоже, никогда в них и не присутствовала.

Сидя в каком-то подвальном кафе на Полянке мы согрелись чаем и спокойно попрощались, не зная, когда именно произойдёт наша новая встреча.

– Как там поживает маленькая Вавилонская Башня, которую я как-то тебе подарил? – поинтересовался Илюша, когда мы уже уходили.

– Думаю, хорошо. В последний рабочий день я отдал её одной девушке из научного отдела, надеюсь, что это вещь поможет ей избавиться от давления Вавилона так же, как и нам.

– Правильно, это ведь переходящий талисман, я его тоже именно так и получил.

У метро мы расстались, обменявшись с Илюшей рукопожатием, а Алла поцеловала меня в переносицу и улыбнулась, но когда я поинтересовался, видит ли она, что будет дальше, как тогда, в «Кругосветном Путешествии», то в ответ лишь покачала головой.

– Старые узлы мы распутали, а новые завязываются прямо сейчас. Я слежу за ними, но не более того, – сказала она и теперь я понимаю, что просто не сочла нужным чего-либо мне сообщать.

Потому что вернувшись в конце апреля в Москву, первая новость, которую я услышал, была о большом Непальском землетрясении. Оно затронуло всю страну – столицу, высокогорье, а так же множество и без того труднодоступных районов.

Я попытался позвонить Илюше, но его местный номер был заблокирован, а в скайпе он давно уже не появлялся. Конечно, я помнил о его предупреждении, но всё равно сильно беспокоился, тем более моя живущая в Катманду приятельница время от времени писала о происходящем там и картина разрушений, затронувшая так же и соседние страны, оказалась более масштабной, чем представилась мне поначалу.

Целый месяц я ожидал от него некоего знака и не удивился, если бы, например, мне на балкон спикировал бумажный

самолётник с надписью: «У меня всё хорошо». Или проходя мимо стоящих в пробке машин, я бы услышал, как в одной из них по радио говорят: «... а сейчас для Феди из Москвы прозвучит песня Игги Попа «Passenger».

Или ещё что-нибудь в этом роде.

Но ничего подобного не было.

Уже летом Илюшина мама по секрету сообщила мне, что он звонил ей после первых и после серии вторых толчков, рассказав, что спят они на улице и разными способами пытаются помогать местным жителям. В их последнюю беседу Илюша предупредил маму о своём скором переезде в – как он сам выразился – «спокойное и немногочисленное место», но просил никому, кроме меня об этом не говорить, добавив, что теперь просто будет звонить домой раз в три месяца, но никто не должен знать, что он жив и где находится.

И хотя его родители так и не подали официального запроса, в списках получивших непальскую визу россиян он числится пропавшим без вести, вместе с сотнями других наших соотечественников, ежегодно исчезающих на просторах азиатского континента. Это навело меня на мысли об их решении воспользоваться ситуацией и «уйти в подполье», скорее всего, для осуществления неких новых замыслов, которыми они со мной не делились. Допускаю даже, что Алла могла заранее знать о землетрясении, меня это тоже не удивляет, только подтверждение подобных догадок получить уже не у

кого – никаких знаков или скрытых посланий мне от Илюши так и не поступило.

Да, и с тех пор мы больше не виделись.

Прилив

Так я и засиделся допоздна на втором этаже одного из ресторанов, где кроме меня не было других посетителей, и весь вечер заказывал какой-то холодный кисловатый напиток с мятой и лаймом, а когда официант удалялся, то подливал туда ром из своей бутылки, купленной в единственном на весь город алкогольном магазине, где деньги продавцу надо протягивать через закрытое решёткой окно.

В тот день, первого марта, в его день рождения, я вспоминал все эти истории, наблюдая ощутимую перемену к жаркому сезону, когда вечер не приносит прохладу, но горизонт на закате удивительно чист и лишён облачной дымки. Теперь солнце быстро исчезало за ясно различимой поверхностью океана, чёткой, как граница, отделившая наше прошлое от настоящего.

После его погружения в небе распускались алые всполохи, похожие на замедленное воспроизведение фейерверка, снятого на старинную любительскую плёночную кинокамеру. Иногда в них блестели, отражая исходящие из-за края земли лучи, летящие из Тривандрума самолёты, а в сумерках европейский пляж быстро пустел, и далеко в море проступали огни кораблей рыбаков.

Прошло уже почти три полных года с момента непальского землетрясения и последующего исчезновения Илюши. За это время я успел сменить в родном городе несколько работ и, благодаря последней из них, уже четыре месяца живу здесь на улице, ведущей в одну сторону к древнему храму с тысячелетним деревом, а в другую – к священному пляжу для пуджи. Когда-то это была обычная рыбацкая деревня, только расположенная в необычном месте, между двумя обрывами, один из которых превратился в улицу магазинов, ресторанов и гестхаусов, а другой признан заповедником и памятником природы. На закате там кружат живущие в скалах орлы, их можно одновременно насчитать в небе более полусотни, тогда белые и пёстрые цапли боязливо жмутся к камням, а бесстрашные рыжие собачки копают в песке глубокие ямы в поисках крабов.

Это место сложно назвать курортом, тут нет обычных туристических развлечений, поэтому многие предпочитают его для зимовки, в том числе и мои соотечественники. Они живут здесь целыми семьями, но проблема в том, что детям после семи лет надо где-то учиться, иначе они не сдадут экзамены и их не переведут в следующий класс. Поэтому я и преподаю им историю, русский язык и литературу. И, не смотря на атмосферу летних каникул, когда детей, кажется, невозможно усадить за книгу, пусть теперь электронную, темнеет на юге Индии рано, а электричество проведено дале-

ко не везде и особо не погуляешь. Поэтому если увлекательно рассказывать им разные истории из книг, то в какой-то момент они начинают читать сами.

Конечно, зубрить правила грамматики нравится далеко не всем, но я на первом занятии с любым новым учеником доходчиво объясняю, почему они должны уметь грамотно писать на родном языке, а историю и литературу даю им, как один предмет, только весьма подробный. Учеников у меня немного, я стараюсь найти подход к каждому и чувствую, как загораются детские глаза, когда мне удаётся их заинтересовать – думаю, что я сейчас делаю гораздо больше для нашей культуры, чем когда по четыре раза переписывал собственный сценарий или подвешивал к музейному потолку инсталляции художников. А что касается Илюши, то за него я особенно не волнуюсь. В отличие от меня он всегда точно понимал, чем ему заниматься и его исчезновение – лишь способ обрести новые навыки и опыт для своего возвращения.

Не знаю, кто он сейчас – шаман, гид-переводчик или хозяин гестхауса где-нибудь на горном треке вокруг Аннапурны, или лежит в чреве этой горы вместе с Аллой, погружённый в летаргический сон, чтобы выйти из него, когда на нашей Родине начнётся новая Перестройка. Вот тогда мы снова встретимся и поймём, что нам вместе с ним делать дальше.

Об этом я и думал, сидя на втором этаже пустого ресторана, откуда даже безлунной ночью легко увидеть границу

между небом и океаном, отмеченную непрерывной линией огней стоящих на рейде рыбацких лодок. А над ними сверкали две особенно яркие звезды, расположенные ровно друг под другом в правой нижней части неба, указывая именно на северо-восток – в сторону моего дома.

И весь вечер я наблюдал, как они медленно спускаются вниз, а когда заведение закрылось, и я возвращался по опустевшей улице над обрывом, мимо сияющих тьмой лавок и спящих собак, то увидел, как они ушли за недоступный нашему взгляду горизонт событий.

И в ту ночь мне приснилось, что эти исчезающие светила – мои старые друзья, которые скрылись из вида, чтобы взойти на другой стороне Земли.

В новом месте, новыми судьбами и именами.